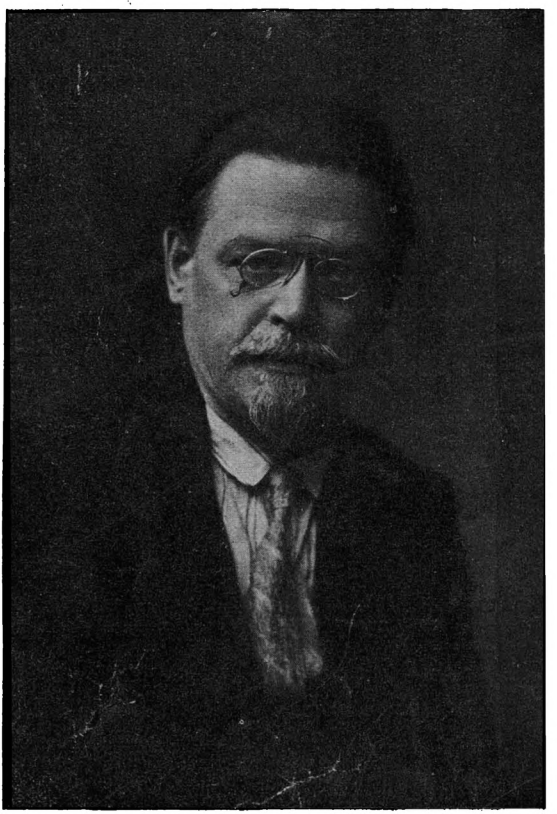
Л. КОРМЧИЙ

МІРЪ ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ШКОЛА ЖИЗНИ»
В·Ѳ·БУТЛЕРА·



Л. КОРМЧІЙ

МІРЪ ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШКОЛА ЖИЗНИ"
В. Ѳ. БУТЛЕРА

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода, закрѣплены за издательствомъ „Школа Жизни“ (владѣлецъ В. Ѳ. Бутлеръ). Рига. Elias Ielā 20.

Droits de traduction de reproduction réservés pour tous pays par m-r W. Butler.

Alle Rechte vorbehalten für W. Butler.

Печатано въ типографіи Акц. О-ва „Э. Левинъ“, Рига, Мельничная ул. 33, въ тысяча девятьсотъ тридцать первомъ году.

Четверть вѣка въ литературномъ строю.

(Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности Л. КОРМЧАГО *)

Выходъ этой книги пріуроченъ къ 25-ой годовщинѣ литературной дѣятельности ея автора (25/XII 1905 г.—25/XII 1930 г.), а потому издательство „Школа Жизни“ считаетъ умѣстнымъ хоть въ бѣглыхъ чертахъ напомнить читателямъ о литературныхъ трудахъ Л. Кормчаго за истекшія четверть вѣка.

Если имя Л. Кормчаго въ настоящее время не пользуется широкой популярностью, то это объясняется причинами, нисколько независящими отъ талантливости его носителя. За послѣдніе годы книги Л. Кормчаго почти не появлялись на книжномъ рынкѣ. Если и появлялись рѣдкими сюрпризами его произведенія въ печати, то не становились сенсаціей дня благодаря лишь „старомодной“ скромности автора, избѣгавшаго какой бы то ни было рекламы и шумихи вокругъ своего имени. Между тѣмъ романъ „Сѣрый домикъ“, появившійся въ 1927 году, представляетъ собою далеко недюжинное явленіе въ беллетристикѣ, а послѣдняя книга Л. Кормчаго „Геній Міра“, кромѣ того, не лишена цѣнности и въ историческомъ смыслѣ.

Л. Кормчій — незаурядный художникъ слова. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, прочтя предлагаемый сборникъ разсказовъ, написанныхъ частью до 1917 года, частью же въ эмиграціи.

Но это—талантливыя мелочи пера. Болѣе цѣнны труды Л. Кормчаго въ другой области—въ литературѣ

*) Л. Кормчій—псевдонимъ писателя.

для юношества, которой писатель посвятилъ почти всю первую половину своей дѣятельности. Съ 1908 по 1917 годъ появилось свыше двадцати его книгъ: романовъ, повѣстей и разсказовъ для подростающихъ поколѣній.

Л. Кормчій родился въ Петербургѣ. Его первый литературный опытъ появился 25 декабря 1905 года въ петербургской газетѣ „Обновленная Россія“ (преданіе „Голодные“). Затѣмъ онъ работалъ въ петербургскихъ же газетахъ „Современная Жизнь“ и „Современная Мысль“, помѣщая параллельно разсказы въ журналахъ: „Огонекъ“, „Природа и люди“, „Солнце Россіи“, „Всемірная панорама“ и „Пробужденіе“.

Въ 1907 году въ СПБ была напечатана первая книга разсказовъ Л. Кормчаго „Одурь ночи“ на гражданскія темы, въ связи съ революціей 1905 года. Книга свѣта не увидѣла—была конфискована.

Та же участь постигла и вторую книгу Л. Кормчаго „Естественное“, напечатанную въ томъ же 1907 г. Этотъ сборникъ былъ посвященъ странному въ то время повѣтрію половой разнузданности среди молодежи и дѣтскимъ самоубійствамъ.

Въ 1908 г. Л. Кормчій началъ сотрудничать въ ежемѣсячникѣ для юношества „Всходы“ (ред.-изд. Монвижъ-Монтвидъ). Эта область литературы захватила его цѣликомъ и вплоть до большевизма — до конца 1917 г. — Л. Кормчій не разставался съ журналомъ „Всходы“, гдѣ былъ сперва рядовымъ сотрудникомъ, а затѣмъ редакторомъ и участникомъ издательства.

Работа по „Всходамъ“ поглощала много времени, и имя Л. Кормчаго только изрѣдка появлялось на страницахъ другихъ изданій („Нива“, „Пробужденіе“, „Огонекъ“, „Солнце Россіи“, „Природа и люди“, „Виленскій Вѣстникъ“, „Отклики Кавказа“, „Псковская Жизнь“ и др.)

За время съ 1908 по 1917 г. Л. Кормчимъ было напечатано и выпущено въ свѣтъ 20 большихъ повѣстей и романовъ для юношества (появлялись отдѣльными книгами въ изданіи „Всходовъ“, А. Ф. Сухова, Ступина, В. Губинскаго, „Читальни Народной Школы“

и др.): „Путешественники“, „Юрка“, „Красавчикъ“, „Годъ моей жизни“, „Къ лучшей жизни“, „Галчонокъ“, „Исторія однихъ каникулъ“, „Конокрады“, „На заливѣ“, „Пепка“, „Веселой дѣтворѣ“, „Разсказы стараго рыбака“, „Въ странѣ золота“, „Братство Черныхъ Совъ“, „Тарасъ и Дима“. „На Вольномъ островѣ“, „Наслѣдство пирата“, „Скитанія Хромого Крокодила“, „По Виліи“ (прогулка со сплавщиками лѣса), „Минувшее“ и др.

Многія изъ этихъ книгъ вышли двумя-тремя изданіями.

Большевизмъ и вынужденныя скитанія, бѣгство отъ преслѣдованій прервали плодотворную дѣятельность Л. Кормчаго. 1920 годъ засталъ его въ Латвіи (въ Рѣжицѣ) учителемъ гимназій В. Сѣвко и А. Суслова.

Въ 1921 году Л. Кормчій переселился въ Ригу. Тутъ снова началась полоса лихорадочной литературной, вѣрнѣе журналистической работы. Сперва писатель работалъ въ мѣстныхъ газетахъ: „Сегодня“, „Рижскій Курьеръ“, „Маякъ“, а затѣмъ въ 1924 г. основалъ въ компаніи съ коллегами журналистами (Нео-Сильвестръ и А. Дагаровъ) газету „Вечернее Время“.

Въ этой газетѣ Л. Кормчій былъ и главнымъ редакторомъ и сотрудникомъ: редактировалъ матеріалъ, писалъ романы, ежедневные фельетоны въ прозѣ, стихахъ и въ стилѣ народнаго лубка—„раешники“. Неутомимый и крайне разнообразный въ формѣ, онъ въ одномъ и томъ же номерѣ ухитрялся давать и серьезную статью на общественныя темы, и романъ, и коснуться злобы дня ѣдкими фельетонами въ стихахъ и въ прозѣ, дать литературный обзоръ, мелочи для смѣси, и т. д.

Газета „Вечернее Время“, послѣ разныхъ мытарствъ, въ связи съ безденежьемъ основателей, перешла въ издательство „Саламандра“ и была переименована въ „Слово“. Вмѣстѣ съ этимъ изъ нея выбылъ и Л. Кормчій: подвернулся случай снова уйти въ любимую область — литературу для юношества. При изд-вѣ „Саламандра“ Л. Кормчій создалъ журналъ „Юный Читатель“—единственный зарубежный журналъ для юношества. До сихъ поръ комплекты этого журнала, къ сожалѣнію, существовавшаго одинъ лишь годъ,

высоко цѣнятся юными читателями и ихъ родителями, какъ прекрасный воспитательный и литературный матеріалъ.

Въ Ригѣ Л. Кормчій написалъ и напечаталъ въ мѣстныхъ изданіяхъ много разсказовъ, статей и четыре романа: „Зорбэгомъ", „Орлупъ", „Владыка Міра" и „Дама въ черномъ".

Отдѣльными книжками вышли въ Ригѣ: „Наслѣдство пирата" (второе изданіе), „Сѣрый домикъ" и въ текущемъ году „Геній Мира"—романъ-легенда.

Говоря о послѣднихъ годахъ работы Л. Кормчаго, нельзя не вспомнить и о супругѣ его — Любови Константиновнѣ, раздѣляющей его судьбу и скитанія съ 1918 года и до сего дня являющейся его спутникомъ, вѣрнымъ другомъ и сотрудникомъ.

Въ Рѣжицѣ Л. К. вмѣстѣ съ супругомъ была въ штатѣ преподавателей мѣстной гимназіи (по русскому языку, литературѣ и исторіи); въ 1921 г., вмѣстѣ съ мужемъ покинувъ Рѣжицу, посвятила себя корректорскому труду и до сихъ поръ работаетъ рука-объ-руку съ мужемъ, являясь не только другомъ и совѣтчикомъ, но и исключительно цѣннымъ его сотрудникомъ.

Изысканный вкусъ, широкое знаніе литературы и техники выпуска книги ставятъ Л. К. въ рядъ незамѣнимыхъ литературныхъ тружениковъ. Л. Кормчій и его супруга вмѣстѣ составляютъ исключительную литературную чету. Это два тѣла, но одна душа, живущая интересами любимаго искусства.

Заканчивая краткій отчетъ о дѣятельности автора этой книги, издательство „Школа Жизни" надѣется, что читатели отдадутъ должное талантливымъ произведеніямъ Л. Кормчаго и отъ души присоединятся къ нашимъ пожеланіямъ еще много лѣтъ здравствовать автору ихъ и продолжать работу на пользу родной литературѣ.

В. Ѳ. Бутлеръ.

МІРЪ ЛЮБВИ

Міръ любви.

Посвящается Зоренькѣ.

...Шумъ битвы затихъ гдѣ-то внизу — позади. Человѣкъ съ Запада торопливо поднимался въ гору, спотыкаясь, не замѣчая окружающаго. Лицо его было черно отъ дыма, въ глазахъ остеклѣлъ ужасъ... Спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, онъ шелъ наверхъ по горной тропинкѣ съ лихорадочной поспѣшностью животнаго, бѣгущаго отъ ужаса и смерти...

Рука крѣпко сжимала дуло винтовки. Усталость мѣшала нести ее — прикладъ волочился по камнямъ у ногъ Человѣка...

Отвѣсныя кручи и черныя пасти пропастей промелькнули, какъ во снѣ: въ оцѣпенѣніи ужаса Человѣкъ не замѣтилъ ихъ. Изодранное платье, кровь на членахъ и мертвящая усталость подсказывали, что путь былъ тяжелъ.

...Шатаясь отъ изнеможенія, Человѣкъ съ Запада остановился. Провелъ дрожащей рукой по лбу, отирая потъ, и блуждающимъ взоромъ окинулъ окрестности.

...Тишина...

Но не тишина смерти, а тишина покоя окружала его. Человѣкъ выронилъ винтовку и опустился на камень. Застылъ, впитывая тишину каждымъ фибромъ своего существа...

...Спасенъ...

Онъ еще ничего не видѣлъ, ни о чемъ не думалъ. Взоръ его безсознательно блуждалъ по окрестности, и душа молчала, погруженная въ блаженство тишины.

. . . .

Человѣкъ съ Запада очнулся. Сперва вздрогнулъ и напрягъ слухъ, насторожился; потомъ медленно повернулъ голову, и глаза его расширились отъ изумленія. Порывисто вскочилъ.

— Я сплю должно быть, — пробормоталъ онъ и протеръ глаза.

Но онъ не спалъ...

Голубой, какъ прозрачная бирюза, воздухъ окружалъ его, и странное сапфировое солнце разсыпало искристыя паутинки. Не былъ это воздухъ земли, не было это солнце, къ кровавымъ восходамъ и закатамъ котораго привыкъ Человѣкъ. Оно сіяло громаднымъ сапфиромъ, подвѣшеннымъ въ бирюзовомъ кристаллѣ воздуха, и лучи его спокойной теплой лаской нѣжили тѣло. Покой и тишину разливали они.

Странные цвѣты и невиданныя растенія покрывали почву. Подъ ногами, какъ драгоцѣнный коверъ, сплелись стебли травы цвѣта аметиста, въ нихъ вспыхивали цвѣты — рубиновые, изумрудные, задумчивые — топазовые и влекущіе мерцаніемъ загадки — опаловые.

Впереди — рощи причудливыхъ деревьевъ съ полупрозрачными дымчатыми стволами; нѣжные аквамариновые листья на нихъ сочетались въ узоры кружева тончайшаго шитья и таяли въ неподвижной бирюзѣ воздуха.

Все было какъ въ сказкѣ—чудной и непонятной...

. . . .

Человѣкъ поднялъ ружье и безцѣльно пошелъ къ аквамариновымъ дымчатымъ рощамъ. Сонъ, волшебство ли это — онъ не могъ понять. Только все было чуждо ему и вливало въ душу безпокойство. Онъ озирался, въ смутной надеждѣ увидѣть что-нибудь привычное, знакомое, изъ того міра, гдѣ покинулъ онъ ужасы смерти и разрушенія.

Но ни одна линія, ни одно очертаніе не будило никакихъ воспоминаній...

Міръ, полный ласки сапфироваго солнца и покоя, окружалъ его...

Но чуждый... Чуждый...

Не было ничего враждебнаго въ этомъ мірѣ, но Человѣкъ съ Запада не могъ успокоиться. Все вокругъ было полно жизни, но онъ не чувствовалъ ея, не могъ слиться съ нею. Все подавляло красотой, но душа не ощущала красоты — была одинока и безцѣльна въ этомъ мірѣ.

. . . .

Въ аквамариновыхъ рощахъ онъ встрѣтилъ обитателей, похожихъ на людей. Но были они легки и почти безплотны: похожіе на розовыя облачка — они плавали въ воздухѣ, какъ призраки, скользя среди деревьевъ.

Человѣкъ съ Запада видѣлъ ихъ тѣла — обнаженныя и прекрасныя по формамъ, точно сотканныя изъ розовыхъ лучей; онъ видѣлъ ихъ глаза, сіяющіе огромной радостью и безмятежнымъ счастьемъ...

Но чужды были глаза и чужда радость, сіявшая въ нихъ...

Странныя существа проплывали мимо, глядѣли на Человѣка, но не было въ ихъ лицахъ ни одного выраженія близкаго и понятнаго... Жизнь лучезарныхъ обитателей этого міра была чужда и непонятна Человѣку съ Запада: ни однимъ фибромъ души онъ не улавливалъ біенія ея. Онъ шелъ какъ во снѣ, глядѣлъ и ничего не понималъ...

Какъ призракъ среди жизни...

Рука сжимала ружье. Оборванные, забрызганные кровью сапоги ступали по искристымъ сказочнымъ цвѣтамъ.

Человѣкъ думалъ, раздраженно глядя на обитателей этого міра:

„Снарядъ бы 12-дюймовый въ самую вашу гущу... Или одну маленькую газовую атаку“...

И упавшему вдругъ снаряду онъ самъ обрадовался бы, какъ любимой женщинѣ.

. . . .

Человѣкъ съ Запада вспомнилъ, что давно не ѣлъ. Можетъ быть два, а можетъ быть и три дня: въ кош-

марѣ битвы народовъ, изъ которой спасся онъ, былъ потерянъ счетъ времени.

Онъ вспомнилъ, что давно не ѣлъ, и озабоченно посмотрѣлъ кругомъ.

Чуждая природа не приготовила ничего, годнаго въ пищу.

Забота глубже залегла во взорѣ Человѣка.

Онъ попробовалъ сорвать цвѣтокъ — въ силу инстинкта, а не съ опредѣленной цѣлью. Наклонился. Но цвѣтокъ ускользалъ изъ пальцевъ, какъ ртуть... Его можно было нащупать, но сорвать — нельзя.

Со вторымъ и съ третьимъ повторилось то-же.

Человѣкъ нахмурилъ чело и пошелъ дальше. Онъ былъ полонъ заботы выйти изъ этого міра, гдѣ все было чуждо и непонятно ему.

Второй заботой было найти и овладѣть чѣмъ-нибудь съѣстнымъ.

Онъ не чувствовалъ голода, но помнилъ, что не ѣлъ нѣсколько дней, и въ немъ проснулся инстинктъ жизни.

Все въ гору, въ гору...

За вершиной горы, виднѣвшей передъ нимъ, Человѣкъ съ Запада надѣялся найти путь въ міръ, — старый, привычный, наполненный ужасомъ смерти и войны, но близкій и понятный ему.

Онъ равнодушно проходилъ мимо аквамариновыхъ деревьевъ, задѣвавшихъ его мягкими полувоздушными вѣтвями, раздраженно и угрожающе шагалъ навстрѣчу облачнымъ существамъ, проплывавшимъ мимо.

Онъ выстрѣлилъ въ одно изъ этихъ существъ безразсудно, не думая о послѣдствіяхъ. Подъ дуломъ винтовки сіяли глаза, и онъ выстрѣлилъ прямо въ голову.

Звука отъ выстрѣла не было слышно. Пистонъ, однако, былъ пробитъ, и гильза оказалась пустой. Пуля исчезла гдѣ то, не причинивъ вреда воздушному существу. Оно проплыло мимо, глядя спокойными чуждыми глазами на Человѣка съ Запада.

Эта попытка влила ужасъ въ душу. Человѣкъ вскрикнулъ, понявъ, что онъ — ничтожество въ этомъ мірѣ, и ускорилъ шагъ...

. . .

На вершинѣ горы Человѣкъ съ Запада остановился. Радость, страхъ, надежда и жестокость вспыхнули въ его глазахъ. Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ винтовку и легкимъ прыжкомъ пантеры кинулся за первый попавшійся стволъ...

Онъ увидѣлъ человѣка. Такого же окровавленнаго, но сжимавшаго въ рукахъ винтовку.

Человѣкъ съ Запада увидѣлъ и узналъ его. И довольно было узнать, чтобы дикій огонь злобы и ненависти заклокоталъ въ душѣ.

Это былъ Человѣкъ съ Востока...

Человѣкъ съ Востока тоже бѣжалъ изъ битвы народовъ и проникъ въ эту страну, не зная какъ... Онъ томился въ ней, какъ и Человѣкъ съ Запада, и тоже стремился скорѣе покинуть ее...

На вершинѣ горы увидѣлъ Человѣка съ Запада и поспѣшилъ встать за прикрытіе.

.

Изъ-за двухъ стволовъ глядѣли они другъ на друга. Глаза были полны вражды, а лица искажались злобой...

Оба торопливо вкладывали свѣжія обоймы въ магазины винтовокъ. Лихорадочно готовились къ жестокому бою: путь каждому лежалъ лишь черезъ трупъ противника.

...Свѣтило ласково сапфировое солнце. Нѣжные обитатели воздуха купались, плавая въ его лучахъ...

. . . . . .

Въ этой схваткѣ пали оба...

Когда разстрѣляны были патроны, израненные они подползли другъ къ другу и ножами, зубами и руками докончили битву... Битву ящеровъ...

Потомъ пали рядомъ...

Кровь струилась изъ ранъ; съ нею вмѣстѣ уходила жизнь. Человѣкъ съ Запада открылъ померкнувшіе глаза.

Странный міръ былъ попрежнему чуждъ. Лучистыя тѣла обитателей его, полныя непонятной жизни, вызвали озлобленіе въ душѣ умирающаго...

Это была послѣдняя вспышка злобы.

Онъ увидѣлъ Человѣка съ Востока, истекающаго кровью, и непривычное чувство состраданія шевельнулось въ душѣ.

У Человѣка съ Востока запеклись губы... Смерть положила бѣлую печать на чело, но глаза были одухотворены искрой Божьяго огня. Ласково и довѣрчиво глядѣли они на недавняго врага.

— Братъ, дай мнѣ пить, — шепнулъ онъ.

Человѣкъ съ Запада вспомнилъ о своей манеркѣ и торопливо сорвалъ ее.

А когда подносилъ къ губамъ израненнаго брата нѣсколько капель воды, почувствовалъ новое и свѣтлое, вошедшее въ душу.

— Братъ, — сказалъ онъ и взялъ слабѣющую руку Человѣка съ Востока.

И совершилось чудо.

Пропала чуждость окружающаго міра. Ласка сапфироваго солнца подхватила и заколыхала на искрящихся волнахъ... И близкой, понятной вдругъ стала жизнь лучезарныхъ обитателей этого міра...

Это былъ міръ Любви...

Онъ весь дрожалъ отъ звуковъ пѣсни Любви, былъ весь пронизанъ ея невидимыми лучами... Звуки пѣсни неслись отъ сіяющихъ счастьемъ жителей міра Любви, они переливались въ струяхъ воздуха и въ лучахъ чудеснаго солнца.

Ее пѣли цвѣты и травы.

Ее излучали задумчивыя дымки рощъ...

Покой и счастье входили въ души умирающихъ. И души ихъ пѣли ту же пѣсню, сливаясь съ волшебнымъ міромъ, окружающимъ ихъ...

Гимнъ Любви.

— Братъ, — сказалъ Человѣкъ съ Востока, — съ этого намъ нужно было начать.

— Да, — отвѣтилъ Человѣкъ съ Запада, — но я не жалѣю о случившемся. Счастье наше стоитъ этого.

Глаза обоихъ сіяли тѣмъ же огнемъ, какимъ свѣтились и глаза обитателей міра Любви.

...Потомъ смерть сковала мутью загадки ихъ взоры, но Любовь осталась склоненной надъ ними.

Вампиръ древняго собора.

(Старинная быль).

Смерть и воскресеніе—звенья
великой цѣпи любви.
(*Изъ стар. молитвенника*).

I.

Дѣвушка часто видѣла эту плиту. Баронская корона и крестъ меченосцевъ, глубоко врѣзанные въ камень, а внизу — надпись древней готикой: „Hugo von Waltenrod anno Domini MCCCIII".

Въ мрачномъ притворѣ св. Діонисія это была единственная надгробная плита, вдѣланная въ стѣну подъ окномъ, въ которомъ святой, написанный на цвѣтныхъ стеклахъ, поднялъ благословляющую руку.

Марта часто видѣла эту плиту. За ней, покрытые пылью трехъ столѣтій, лежали останки рыцаря, память о которомъ жила въ пѣсняхъ, переданныхъ потомству мейстерзингерами. Гуго фонъ Вальтенродъ — рыцарь среди рыцарей — умершій въ честь дамы сердца, имя которой затерялось въ глубинѣ вѣковъ.

Но только сегодня, удалившись въ притворъ св. Діонисія, чтобы прочесть молитвы эпитеміи, наложенной духовникомъ, Марта замѣтила новое въ могильномъ камнѣ рыцаря.

Подъ крестомъ ордена меченосцевъ была еще одна надпись. Она сливалась съ плоскостью камня, должно быть, стертая временемъ. Буквы, казалось, отражались только въ камнѣ, но Мартѣ почудилось,

что онѣ только что выступили изъ темныхъ нѣдръ гранита.

„Сила любви возродитъ меня къ жизни,
А символъ божественной любви повергнетъ въ тлѣнъ".

Слова молитвъ заглохли въ сердцѣ дѣвушки и замерли на ея устахъ. Пораженная неожиданнымъ открытіемъ и загадочнымъ смысломъ стиховъ, она впилась взоромъ въ камень, точно стараясь вырвать изъ глубины его тайну надписи.

Шорохи и вздохи подъ темными сводами собора —отклики осторожнаго движенія людей — постепенно замирали въ глубинѣ купола: исповѣдавшіеся покидали соборъ. А Марта стояла на колѣняхъ, зачарованная надписью на могильномъ камнѣ рыцаря, охваченная непонятнымъ трепетомъ, проникшимъ вдругъ въ ея душу.

Мартинъ Глюкъ три раза высовывалъ голову изъ-за колонны, чтобы посмотрѣть, что дѣлала дѣвушка. Мартинъ Глюкъ—сверстникъ, выросшій въ домѣ ея отца, ея вѣрный провожатый и поклонникъ—былъ удивленъ такимъ длительнымъ покаяніемъ. Добродушный подмастерье, первый силачъ въ цехѣ скорняковъ, онъ былъ смущенъ суровостью эпитеміи, наложенной на Марту, но готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ потревожить покаянную молитву дочери своего хозяина.

II.

Марта безъ мыслей переживала непонятное очарованіе. Въ загадочныхъ стихахъ была таинственная сила, охватившая ее и приковавшая къ имени рыцаря невѣдомой дамы. Сила, говорившая ей о любви, полной великаго самопожертвованія, передъ которой жалкими и безцвѣтными казались ухаживанія Мартина Глюка и всѣхъ подмастерьевъ скорняжнаго цеха, объявившихъ ее своей царицей.

Любовь Гуго фонъ Вальтенрода пережила вѣка и будетъ жить долго. Любовь Мартина и цеха скор-

няковъ умретъ при первомъ крикѣ младенца, увѣнчающаго эту любовь.

Марта не думала, а переживала это инстинктами души, трепетавшей подъ напоромъ чего-то новаго и невѣдомаго. Не было страшнымъ это новое, хотя отъ него вѣяло холодомъ, какъ отъ тѣнистаго уголка лѣса въ жаркій полдень. Невѣдомое было чарующимъ и пріятнымъ. Сладость грусти теплилась въ душѣ.

Въ четвертый разъ бѣлокурая голова Мартина показалась изъ-за колонны. Марта со склоненной головой стояла на колѣняхъ подъ изображеніемъ св. Діонисія и казалась погруженной въ молитву. Мартинъ не видѣлъ ея лица и глазъ. А лицо Марты пылало, точно охваченное пламенемъ; глаза были прикованы къ загадочной надписи на камнѣ.

Въ соборѣ никого не осталось. Темный и мрачный, онъ закутывался въ плащъ ночи. Нѣсколько лампадъ мерцало въ бархатѣ мрака; догорали восковыя свѣчи въ глубинѣ главнаго придѣла...

Отецъ Домиціусъ — настоятель собора — старый сѣдой прелатъ вышелъ изъ конфессіонала и направился къ ризницѣ, перебирая четки костлявыми пальцами и шепча очередныя „Ave Maria“.

Мартинъ попался ему на пути.

— Ты что тутъ дѣлаешь, Мартинъ? — спросилъ его священникъ.

Мартинъ смущенно крякнулъ, показывая смоляной факелъ, приготовленный имъ для проводовъ Марты.

— Жду Марту, отецъ пробстъ. Она все еще молится.

Взглядъ прелата затеплился лаской.

— Благочестивая дѣвушка,—пробормоталъ онъ. — Однако ея эпитемія не могла занять столько времени! Гдѣ же она?

— Въ притворѣ св. Діонисія.

Настоятель вдругъ нахмурился и потрясъ четками.

— Гм... Нечего дѣлать дѣвушкѣ такъ поздно вечеромъ въ притворѣ св. Діонисія, — недовольно пробормоталъ онъ и пошелъ за колонны, скрывавшія Марту.

III.

— Что ты тутъ дѣлаешь, дитя мое?

Прикосновеніе костлявыхъ пальцевъ и ласковый вопросъ вырвали дѣвушку изъ круга очарованія. Она вздрогнула и подняла глаза на священника. Глаза были цвѣта пепла, подъ которымъ вспыхиваютъ тлѣющія искры.

— Я... я... должно быть задумалась, отецъ мой.

Отецъ Домиціусъ пытливо взглянулъ въ ея глаза, потомъ перевелъ взглядъ на камень могилы Гуго фонъ Вальтенрода. Плита сливалась въ темнотѣ съ общимъ сѣрымъ фономъ стѣны, но таинственная надпись ясно виднѣлась на немъ. Она побѣждала мракъ, выступая изъ него четкой черной цѣпью буквъ.

— Святой Антоній Духовидецъ, помилуй насъ! — сорвалось трепетное восклицаніе изъ груди священника, а рука начертала въ воздухѣ широкій крестъ.

— In nomine Patris et Filii et Spiriti Sancti! Пресвятая Дѣва Марія! Надпись появилась!

Дрожащей отъ волненія рукой, но властно и настойчиво поднялъ прелатъ дѣвушку съ колѣнъ и привлекъ къ себѣ, точно защищая отъ невидимаго врага.

— Несчастная!—бормоталъ священникъ, охваченный ужасомъ, непонятнымъ Мартѣ.—Бѣдная, заблудшая душа! Mater Dolorosa, помоги ей, невинной, спастись отъ судьбы!

Говоря это, прелатъ увлекалъ дѣвушку изъ притвора, пятясь назадъ и угрожающе крестя могильный камень рыцаря.

— Мартинъ, — выведя Марту изъ притвора, сказалъ онъ Глюку. — Проводи домой дочь своего хозяина.

Мартинъ отвѣсилъ низкій поклонъ настоятелю и пошелъ за Мартой, безмольно двинувшейся къ выходу. Прелатъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Передай почтенному Карлу Крафту, чтобы онъ

зашелъ ко мнѣ, если съ Мартой будетъ что-нибудь неладное. Понялъ? Иди съ Богомъ!

Мартинъ наклонилъ голову и пошелъ, смутно встревоженный словами священника.

IV.

Узкія извилины улицъ были пусты. Шаги случайныхъ прохожихъ гулко отдавались въ темныхъ закоулкахъ. Факелъ Мартина бросалъ яркій свѣтъ, вырывая изъ мрака кусочекъ улицы, по которому шли онъ и Марта.

Дѣвушка была погружена въ задумчивость. Мартинъ пробовалъ шутками развлечь ее, но Марта не улыбнулась, даже не взглянула на него—точно не слыхала. Это ввергло подмастерья въ мрачное настроеніе.

„Попы только портятъ людей", размышлялъ онъ, покачивая факеломъ. „Славная веселая дѣвушка становится никуда негодной послѣ исповѣди".

— Мартинъ, за нами идетъ кто-то?—вдругъ спросила Марта. Лицо ея было блѣдно, а въ глазахъ трепетали всполохи тревоги.

Мартинъ оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ позади дѣйствительно двигалась неясная человѣческая фигура.

— Кто-то изъ замка, должно быть, — недовольно буркнулъ Мартинъ.—Только чего ради этотъ благородный господинъ шляется по нашему кварталу?

Марта вздрогнула и бросила быстрый взглядъ назадъ. Человѣкъ проходилъ мимо освѣщеннаго окна, еще не закрытаго ставней. Марта увидѣла рыцаря въ короткомъ плащѣ, шляпѣ съ перьями и съ длиннымъ мечомъ, колебавшимся сбоку. Блѣдное лицо незнакомца было очерчено тонкими, красивыми линіями. Глаза устремились на Марту и обожгли ее, проникнувъ въ заповѣдные тайники сердца. Какъ черные алмазы свѣтились эти странные глаза.

Марта схватила за руку Мартина.

— Скорѣе, Мартинъ,—прошептала она, — скорѣе домой!

Мартинъ замѣтилъ взглядъ незнакомца, и ревность кольнула его сердце.

— Ты можешь не бояться, Марта,—сказалъ онъ.— У меня чешутся руки пощупать ребра этого молодчика, и, клянусь душой, я сдѣлаю это, несмотря на полосу стали, которую онъ таскаетъ съ собой.

Но Марта увлекла за собой возбужденнаго парня. Она была точно охвачена лихорадкой и не сознавала, что дѣлается съ ней.

Незнакомецъ шелъ позади, не приближаясь, но и не отставая. Шаги его звономъ шпоръ отдавались въ пустыхъ улицахъ. Марта слышала и лязгъ меча на перевязи.

Мартинъ нѣсколько разъ оглядывался, поднимая факелъ высоко надъ головой, чтобы освѣтить незнакомца. Это нисколько не смущало рыцаря.

— Чортъ возьми, я знаю въ лицо почти всѣхъ господчиковъ изъ замка, — въ недоумѣніи бормоталъ подмастерье,—а этого никогда не видалъ. Никогда не видалъ я и такихъ костюмовъ. Щеголи въ замкѣ подняли бы на смѣхъ этого молодца. Клянусь святымъ Патрикомъ!

Подошли къ дому отца Марты —почтеннаго бюргера Карла Крафта. Пока Мартинъ стучался въ двери, Марта стояла позади, взявъ факелъ изъ рукъ провожатаго. Непреодолимое желаніе взглянуть на незнакомца было сильнѣе дѣвичьяго стыда и побороло его. Она оглянулась—всего на мгновеніе. Глаза-угли встрѣтились съ ея взглядомъ. Было въ нихъ что то могучее, непобѣдимое, что огненнымъ трепетомъ разлилось по жиламъ дѣвушки, опаливъ душу сладкой болью... Марта выронила факелъ.

„Такимъ же былъ тотъ!“ пронеслась въ ея мозгу неожиданная мысль, связанная съ могильной плитой притвора св. Діонисія.

Легкій радостно-торжествующій звукъ сорвался съ губъ незнакомца. Мартинъ подхватилъ упавшій

факелъ, а въ то же время отворилась тяжелая дубовая дверь. Марта блѣдная и дрожащая вошла въ домъ.

Мартинъ остался за дверью. Незнакомецъ стоялъ неподвижный, какъ изваяніе, въ нѣсколькихъ шагахъ. Подмастерье подошелъ къ нему, охваченный злобой и желаніемъ размозжить голову пришельцу.

— Вамъ что-нибудь угодно, благородный господинъ?—насмѣшливо кланяясь, спросилъ онъ.

Незнакомецъ едва взглянулъ на него. Во взглядѣ этомъ было столько властности, величія и презрѣнія, что бѣдный малый смутился и отступилъ, бормоча въ замѣшательствѣ:

— Я думалъ, что вашей свѣтлости угодно что-нибудь...

Когда онъ снова рѣшился посмотрѣть на незнакомца, того уже не было. Слабый звонъ шпоръ удалялся во мракѣ улицъ.

V.

Съ этого дня Марта померкла. Потухъ радостный огонь жизни, согрѣвавшій щеки яркимъ румянцемъ. Глаза углубились, и подъ ихъ сѣрымъ пепломъ мерцали искорки—тусклые лучи загадки, овладѣвшей душой.

Марта не могла дать отчета въ этой загадкѣ. Днемъ смутные зовы жили въ душѣ, заставляя прислушиваться къ нимъ все существо дѣвушки, подчиняя желанія и чувства. Сладкіе и грустные зовы, сливавшіеся съ трепетами первой любви, вспыхивавшими въ душѣ теплыми огоньками. Вся въ себѣ, Марта проводила день безучастная къ его яркому свѣту и суетливому гаму. Наступленіе ночи только оживляло ее, зажигая въ глазахъ лихорадочные огни. Точно ночь несла дѣвушкѣ какую-то жутко-прекрасную тайну, ввергая ее въ бездну очарованія.

И отецъ и кормилица, выняньчившая и вырастившая Марту, съ тревогой наблюдали за дѣвушкой. Старый бюргеръ, глядя на дочь, думалъ, что ей пора замужъ. Мысли эти онъ невольно связывалъ съ Мар-

тиномъ, казавшимся ему вполнѣ достойнымъ продолжателемъ стариннаго дѣла Крафтовъ. Въ разговорѣ съ кормилицей онъ намекнулъ на это и встрѣтилъ полное одобреніе плана.

— Дѣвушка въ возрастѣ, — согласилась кормилица,—и неравнодушна къ Мартину.

— Черезъ годъ онъ будетъ мастеромъ и тогда можно безъ стыда выдать за него Марту, — рѣшилъ бюргеръ.—Нѣтъ лучшаго подмастерья въ нашемъ цехѣ.

Дѣла вынуждали Крафта ѣхать въ Штеттинъ. Онъ поручилъ дочку попеченіямъ кормилицы и собрался въ дорогу. Крафтъ садился уже въ сѣдло, какъ къ нему подошелъ Мартинъ. Подмастерье былъ грустенъ, точно недугъ Марты подтачивалъ и его.

— Что тебѣ, Мартинъ?—спросилъ бюргеръ.

— Съ Мартой плохо, хозяинъ,—озабоченно заговорилъ подмастерье. — Отецъ Домиціусъ какъ разъ говорилъ, чтобы вы пришли къ нему, если съ Мартой что-нибудь приключится.

Бюргеръ улыбнулся.

— Вотъ вернусь изъ Штеттина, тогда и зайду поговорить къ отцу пробсту. Мнѣ думается, что вмѣстѣ съ батюшкой мы вылѣчимъ недугъ Марты, а заодно и твой, парень. Пока же побереги мою дочку, Мартинъ, вмѣстѣ со старой Кларой и постарайтесь получше развлекать ее.

Мартинъ почувствовалъ тепло ласки въ непонятныхъ намекахъ хозяина, и безпричинная радость проникла въ душу. Онъ хотѣлъ было задать вопросъ, но подмастерью не годилось спрашивать хозяина. А Карлъ Крафтъ больше не сказалъ ни слова. Весело засмѣялся и тронулъ лошадь.

VI.

Мартинъ рѣшилъ хотя бы цѣною жизни выполнить порученіе хозяина. Оберегать и развлекать Марту къ тому же было пріятнымъ и почетнымъ долгомъ для добраго малаго. Однако, никакія ухищренія Мартина

не могли вызвать улыбки на померкнувшемъ лицѣ дѣвушки. Она избѣгала Мартина, а если ему и случалось увидѣть ее, то съ одинаковымъ успѣхомъ онъ могъ бы бесѣдовать съ мраморной статуей. Ни слова, ни звука не могъ добиться отъ нея Мартинъ. Ни улыбки, ни привѣтливаго взгляда.

Съ кормилицей иногда говорила дѣвушка. Но коротко и отрывисто, точно разговоръ отвлекалъ ее отъ чего-то важнаго и неотложнаго, овладѣвшаго ею.

— Я очень хорошо себя чувствую,—говорила она, отвѣчая на тревожный вопросъ о здоровьи...

И только однажды добавила задумчиво:

— Я, кажется, живу только ночью, во снѣ, а днемъ — сплю наяву... Ахъ, зато какъ хороши ночные сны...

И она зарумянилась вдругъ, точно спохватилась, что выдала кусочекъ своей тайны — какой-то странной тайны, связанной съ заповѣдными дѣвичьими грезами.

Мартинъ слышалъ этотъ разговоръ. Его точно ужалило въ самую глубину сердца: Марта была счастлива во снѣ, Марта жила во снѣ и, конечно, не онъ былъ героемъ ея сновъ. Таинственный рыцарь, провожавшій ихъ отъ собора въ тотъ памятный вечеръ, невольно ожилъ въ памяти. Вихрь злобы, ненависти и трепетъ страха охватили душу Мартина.

Вечеромъ подмастерье бродилъ какъ тѣнь по двору дома Крафта, избѣгая пріятелей.

Въ домѣ потухли огни, и густая темь окутала домъ. Мартинъ сидѣлъ въ нишѣ подъ воротами.

Тяжелые шаги, гулъ голосовъ и звонъ оружія раздались на улицѣ: прошелъ патруль ночной стражи. Вслѣдъ за этимъ часы на древнемъ соборѣ пробили 11. Послѣдній ударъ колокола не успѣлъ слиться съ тишиной ночи, какъ новый звукъ заставилъ насторожиться Мартина. Это былъ тихій звонъ шпоръ, приближавшійся къ дому Крафта.

Мартинъ задрожалъ и вскочилъ. Этотъ звонъ былъ слишкомъ памятенъ, чтобы Мартинъ могъ ошибиться въ немъ!

Прильнувъ глазомъ къ замочной скважинѣ воротъ,

Мартинъ ждалъ съ трепетомъ въ душѣ появленія ночного посѣтителя. Было темно, и онъ разглядѣлъ только смутную тѣнь, мелькнувшую передъ воротами. Короткій плащъ и шляпу съ перьями подмастерье разобралъ однако. Шаги затихли возлѣ самаго дома, и затѣмъ раздался стукъ — стукъ пальцами въ ставень окна.

Мартинъ понялъ, что стучали въ окно Марты.

— Ахъ, вотъ какіе сны у нея! — стономъ вырвалось изъ груди подмастерья. Отъ ревности, огненнымъ вихремъ ослѣпившей мозгъ, онъ не могъ больше ни думать, ни разсуждать. Онъ кинулся въ домъ, въ кухню, гдѣ на стѣнкѣ висѣла связка ключей, и, захвативъ ее, бросился опять на дворъ. Было только одно непобѣдимое желаніе — вырваться на улицу и напасть на негодяя, воровавшаго его надежды на счастье.

Мартинъ какъ полоумный выскочилъ на улицу. Тѣнь, прильнувшая къ открытому окну Марты, шептала слова ласки и любви. Мартинъ услышалъ и голосъ Марты, полный пламенныхъ нотокъ страсти. Звукъ поцѣлуя затѣмъ одурманилъ подмастерья.

Онъ крикнулъ. Это былъ вопль ярости, потрясшій ночной воздухъ. Въ отвѣтъ вскрикнула Марта, точно пораженная страхомъ, а рыцарь выпустилъ ее и обернулся.

Мартинъ увидѣлъ глаза, горѣвшіе какъ угли. Казалось, они освѣщали блѣдное красивое лицо и губы, точно рубины, мерцавшія подъ усами. Рыцарь медленно шагнулъ къ Мартину, угрожающе протянувъ руку.

„Вампиръ!“ вдругъ ожила неожиданная мысль въ мозгу Мартина. Сердце затрепетало отъ ужаса. Онъ хотѣлъ бѣжать, но не могъ двинуться съ мѣста. Страшные глаза и рука, протянутая къ горлу, надвигались на него съ тяжелой неизбѣжностью злого рока.

Шумъ оружія и голоса возвращавшагося патруля наполнили гуломъ улицу. Рыцарь остановился въ одномъ шагѣ отъ дрожавшаго всѣмъ тѣломъ подмастерья. Потомъ поднялъ руку, погрозилъ и, повернувшись, торопливо ушелъ.

Ставня окна Марты оказалась закрытой. Мартинъ

получилъ способность двигаться и ушелъ въ ворота какъ разъ во-время, чтобы не попасть въ руки патруля.

VII.

Рано утромъ Мартинъ побѣжалъ къ настоятелю собора. Тайна Марты, вырванная имъ, жгла его, давила, и только старый пробстъ могъ облегчить душу и дать достойный совѣтъ.

От. Домиціусъ только что отслужилъ раннюю обѣдню и принялъ Мартина въ ризницѣ. Увидавъ блѣдное лицо подмастерья, онъ понялъ, что случилось нѣчто очень важное, и выслалъ изъ ризницы служку, помогавшаго ему разоблачаться.

Разсказъ Мартина от. Домиціусъ выслушалъ внимательно, но съ такимъ видомъ, точно ожидалъ чего-нибудь подобнаго. Все же волненіе охватило настоятеля, когда подмастерье описалъ встрѣчу съ рыцаремъ.

— Воля Божія,—промолвилъ онъ со вздохомъ.— Этой дѣвушкѣ суждено было пасть жертвой древняго заклятія. Тебя же, Мартинъ, Господь избралъ орудіемъ мести за невинное существо. Ты говорилъ объ этомъ съ Мартой?

— Нѣтъ. Мнѣ страшно взглянуть на нее, отецъ пробстъ.

— Она должно быть думаетъ, что видитъ сны. Ничего ей не нужно говорить, Мартинъ... Но ты, мой сынъ, чувствуешь ли достаточно силы въ себѣ, чтобы помочь мнѣ уничтожить вампира?

Мартинъ вздрогнулъ. Мысль о встрѣчѣ съ вампиромъ бросила его въ жаръ.

— Съ вами, отецъ пробстъ, я не побоюсь.

Священникъ покачалъ одобрительно головой.

— Хорошо, сынъ мой. Господь поможетъ намъ. Приходи сегодня вечеромъ въ соборъ и захвати съ собою мечъ. Я скажу тебѣ, что нужно будетъ сдѣлать. Теперь же иди домой и будь твердъ. Не говори ни-

кому ни одного слова о томъ, что видѣлъ: честь дочери твоего хозяина въ твоихъ рукахъ.

Послѣ ухода Мартина, старый прелатъ пошелъ въ притворъ св. Діонисія. Плита Гуго фонъ Вальтенрода бросалась здѣсь въ глаза яркой свѣжей надписью, точно просочившейся изъ камня:

Сила любви возродитъ меня къ жизни,
А символъ божественной любви повергнетъ въ тлѣнъ.

— Да, символъ божественной любви убьетъ тебя, чудовище, — грозно сказалъ прелатъ, крестя могильный камень.

VIII.

Вечеромъ от. Домиціусъ и Мартинъ стояли въ притворѣ св. Діонисія. Затихли шумы города, и ночь застыла надъ домами, сгрудившись густымъ мракомъ подъ сводами собора. Блѣдный лучъ луны проникъ сквозь узорное окошко. Вспыхнулъ цвѣтными лучами вѣнчикъ на головѣ св. Діонисія.

Настоятель въ траурномъ облаченіи стоялъ съ одной стороны могильнаго камня рыцаря, держа четки въ протянутыхъ рукахъ. По другую сторону, съ мечомъ у плеча, какъ солдатъ на часахъ, стоялъ Мартинъ. Мракъ, тишина собора и ожиданіе выходца изъ могилы охватили жутью сердце подмастерья. Только присутствіе священника, владѣвшаго божественнымъ оружіемъ для борьбы съ нечистой силой, придавало бодрости Мартину.

Казалось, прошла цѣлая вѣчность.

Наконецъ, на колокольнѣ пробудился колоколъ часовъ. Заунывный звонъ проникъ подъ своды собора и наполнилъ темную пустоту храма... Настоятель взялъ за руку Мартина, давая знакъ, что наступаетъ рѣшительная минута.

— Ни слова, Мартинъ, что бы ни случилось!

Едва загудѣли звуки колокола, какъ шевельнулась могильная плита. Странные огоньки забѣгали по таин-

ственной надписи, точно ожила она и собиралась кричать о своей жуткой тайнѣ.

Медленно сдвинулась плита и упала съ грохотомъ на каменный полъ собора. Въ глубинѣ темной ниши раздался вздохъ просыпающагося человѣка. Потомъ лязгъ оружія и движеніе тѣла. Мартинъ увидѣлъ согнутую тѣнь человѣка, выходившаго изъ ниши. Шляпа съ перьями, короткій плащъ и... Мартинъ чуть не вскрикнулъ отъ животнаго страха, оледенившаго его: два пылающихъ глаза уставились на него.

Вампиръ не ожидалъ этой встрѣчи. Нѣсколько секундъ, показавшихся вѣчностью, онъ глядѣлъ на Мартина, не мѣняя позы, потомъ, издавъ звукъ, похожій на скрежетъ зубовъ, выпрямился во весь ростъ.

Въ это время блеснуло серебро креста въ воздухѣ и четки ожерельемъ упали на шею рыцаря. Отецъ Домиціусъ выступилъ изъ мрака.

Рыцарь задрожалъ всѣмъ тѣломъ и застоналъ. Потухли глаза и поникла голова. Вампиръ точно покорился неизбѣжному удару судьбы.

— О, только что возродиться для счастья любви, и умереть снова, — пронеслось тягостнымъ вздохомъ и замерло въ насторожившейся тишинѣ собора.

Прелатъ началъ читать молитву. Латинскія слова уничтожали вампира, точно обрушиваясь на него непомѣрной тяжестью. Онъ странно съеживался и поникалъ.

— Руби, Мартинъ! Смѣлѣе! Отсѣки ему голову!— вдругъ крикнулъ священникъ.

Мартинъ точно во снѣ, не отдавая отчета въ дѣйствіяхъ, взмахнулъ тяжелымъ мечомъ. Свистнула сталь въ воздухѣ, встрѣтивъ слабое препятствіе на своемъ пути, и голова вампира упала на полъ. Обезглавленное тѣло нѣсколько мгновеній стояло на ногахъ, потомъ рухнуло.

— Amen,—произнесъ прелатъ.

Мартинъ дрожащими руками высѣкъ огня и зажегъ факелъ. Обезглавленный рыцарь лежалъ на каменныхъ плитахъ пола. Ни одной капли крови не вытекло изъ раны.

— Положимъ его обратно,—сказалъ священникъ.

Вдвоемъ они легко справились съ задачей. Тѣло рыцаря было положено въ нишу, а на грудь ему поставили отрубленную голову.

Потомъ закрыли могилу каменной плитой.

— Смотри, — сказалъ настоятель, показывая на надпись.

Таинственные стихи меркли, тускнѣли, точно уходя вглубь камня. Наконецъ они стали еле замѣтными и исчезли окончательно.

IX.

Утромъ Марта проснулась грустнѣе обыкновеннаго. Страшная слабость помѣшала ей встать съ постели.

— Что съ тобой, ласточка моя? — спросила ее кормилица, чуть не плача отъ жалости.

— Ничего. Только мнѣ кажется, что будто бы въ эту ночь убили мое счастье и мою жизнь. Я, должно быть, умру...

Больше она не сказала ни слова. Послали за врачомъ, а потомъ за священникомъ.

Черезъ день Марта умерла.

Врачъ Астролябіусъ говорилъ по поводу этой смерти, покачивая многомудрой головой:

— Смерть отъ тайной неудовлетворенной любви... Бѣдная дѣвушка!

Но что онъ зналъ о любви?

И что мы знаемъ о таинственной мощи любви, творящей жизнь и смерть? А „смерть и воскресеніе лишь звенья великой цѣпи любви".

Талый снѣгъ.

Акварели.

Падаютъ бѣлыя сверкающія звѣздочки на влажную желѣзную крышу...

Падаютъ.

Муть желѣза ловитъ ихъ и гаситъ. Грязныя капли стекаютъ въ бурую жижу на дворѣ.

А онѣ все падаютъ, — серебряныя звѣздочки, — беззвучно кружась въ бѣлесомъ сумракѣ.

Падаютъ и гаснутъ.

Мутно блеститъ подстерегающее желѣзо крыши.

Сумрачно.

Тихо.

Талый снѣгъ...

I. Мѣщанское счастье.

Это была маленькая музыкальная шкатулочка съ нелѣпыми минаретами и полумѣсяцемъ на крышкѣ.

Коричневый грекъ, бронзовый въ золотѣ знойнаго солнца Стамбула, сунулъ ее въ руку, пролепетавъ:

— Лира... Ана лира...

Шкатулочка совершила путешествіе въ Петербургъ и заняла мѣсто рядомъ съ копытомъ носорога, превращеннымъ въ пепельницу, и другими трофеями скитаній по земной планетѣ.

Помнишь?

Она играла тихую несложную мелодійку о восьми тонахъ... Точно далекіе часы, дремлющіе въ блекломъ

золотѣ голландскаго заката, провожали въ небытіе умершія минуты.

— Мѣщанское счастье!

Это сказала ты, вращая маленькую рукоятку и слушая звоны шкатулки.

И добавила:

— Любимый, оно хорошее — мѣщанское счастье.

Отблескъ огня камина подтвердилъ это, запутавъ тихіе рубины въ пушистыхъ космахъ медвѣжьей шкуры на полу и опаливъ румяными поцѣлуями твои щеки.

Да, это была только маленькая музыкальная шкатулочка съ несложной мелодіей.

* * *

Въ тишинѣ нашихъ комнатъ, окутанныхъ мягкими тканями, жила Любовь...

Безучастныя окна глядѣли въ муть осеннихъ дней. Внизу, подъ ними, сновала сѣрая толпа, дробясь грязными лохмотьями на буромъ фонѣ площади. Крикливая, нелѣпая толпа...

Муравейникъ, политый уксусомъ...

Безпокойное, угрозное наростало въ сизыхъ коридорахъ улицъ. Подползало къ окнамъ и стояло за ними безформеннымъ призракомъ.

Иногда врывался звукъ залпа... Точно гдѣ-то разрывался холстъ, громадный черный холстъ, — отъ неба до земли...

Въ нашихъ комнатахъ, окутанныхъ тканями, было тихо и жила Любовь.

Спокойными звонами откликалось ей „мѣщанское счастье“, когда ты касалась пальцами бѣлой пуговки рукоятки...

II. Цвѣты.

Рабъ, разорвавшій оковы, и хамъ вошли въ жизнь. Грузный сапогъ, мѣсившій кровавую жижу, наступилъ на цвѣты. Раздавилъ и помялъ то, что жило красивымъ узоромъ.

...У насъ были цвѣты... Ихъ можно было еще достать въ магазинахъ, — только астры и хризантемы.

Поздніе цвѣты — послѣдніе...

За ними—талый снѣгъ и бурая жижа подъ грузнымъ сапогомъ.

Но они еще были—цвѣты...

Въ твоей комнаткѣ кусты хризантемъ змѣили страстные лепестки надъ кружевомъ подушекъ. И астры пугливо-дѣвственно тянулись изъ угловъ къ прянымъ шопотамъ и вздохамъ Любви.

Любовь и Ночь сплетали надъ нами покрывало изъ золота и бархатной черни...

Въ немъ серебрились звѣзды астръ и хризантемъ...

* * *

...За окнами тишину разрывалъ свинецъ пулеметовъ. Грохали орудія: сапогъ хама давилъ цвѣты и хрупкій фарфоръ...

III. Муть желѣза.

Помнишь этотъ звонокъ, рѣзкій и нестерпимо-назойливый? Онъ вонзился звенящей сталью въ тишину нашихъ комнатъ и убилъ ночное очарованіе.

Нелѣпое и чудовищное вошло вмѣстѣ съ нимъ изъ темнаго лабиринта лѣстницъ, уходящихъ внизъ отъ нашихъ дверей.

Ты сказала:

— Пришли.

Коротко, спокойно. Зажгла свѣтъ и начала одѣваться. Змѣйка хризантемы запуталась въ волосахъ. Много ихъ истомно пряталось въ складкахъ смятой постели.

Ихъ было шестеро...

Вошли грозящей крикливой гурьбой, и съ ними вошло незримое Слѣпое, проползло въ мракъ темныхъ угловъ и притаилось...

Муть желѣза—жадная, подстерегающая...

Они ходили по нашимъ комнатамъ, ступая гряз-

ными ногами по узорамъ ковровъ... Раздирали штыками ткани на стѣнкахъ и разбивали прикладами ящики столовъ.

Искали что-то,—вѣроятно, важное...

Помнишь?

Громадный, неуклюжій, въ оборванной шинели, съ краснымъ потнымъ лицомъ, взялъ толстыми закорузлыми пальцами „мѣщанское счастье".

Оно откликнулось тихими звонами. Онъ повертѣлъ рукоятку, широко размахнулся и бросилъ шкатулочку о каминъ...

Стонъ звоновъ надрывно прозвучалъ и затихъ... Оторвались нелѣпые минареты, и маленькій мѣдный валикъ покатился къ твоимъ ногамъ...

Ты оттолкнула его...

А Слѣпое, притаившееся въ темныхъ углахъ, оскалилось въ злорадную улыбку...

Оно беззвучно смѣялось и тогда, когда насъ уводили.

* * *

Раздавленные цвѣты, разорванныя ткани и разбитое „мѣщанское счастье" остались въ нашихъ комнатахъ во власти Слѣпого, нелѣпаго и безсмысленнаго.

Съ нами ушла Любовь...

* * *

Падаютъ бѣлыя сверкающія звѣздочки на влажную крышу...

Падаютъ.

Муть желѣза жадно гаситъ ихъ...

Сумрачно.

Тихо.

Талый снѣгъ...

Весенній сонъ.

Посвящается Влад. Ѳад. Бутлеру.

Это рождается неизвѣстно какъ, приходитъ само какъ приходитъ сонъ—свѣтлый лучезарный сонъ.
И уходитъ, оставивъ въ душѣ налетъ грусти...
Разъ въ жизни—по веснѣ ея.

I.

Мы три года вмѣстѣ пѣли на хорахъ костела св. Станислава. Были друзьями. Правда, дружба не мѣшала иногда показать передъ „дѣвчонкой“ преимущества моего „мужского“ положенія, но это были мимолетныя непріятности... И страдала отъ нихъ только косичка ея, всегда туго заплетенная, съ кокетливымъ завиткомъ на концѣ—подъ бантомъ.

Я былъ далекъ отъ признанія какихъ бы то ни было качествъ за Стефой: „бабы“ были предметомъ, недостойнымъ моего вниманія и тѣмъ болѣе — мысли; голова моя была заполнена исключительно героями прошлыхъ и новыхъ временъ и дикими преріями Дальняго Запада.

Иногда, въ темномъ уголкѣ хоръ, за органомъ, укрывшись отъ нескромныхъ глазъ всегда насмѣшливыхъ сотоварищей, я снисходилъ до того, что посвящалъ Стефу въ мои планы на будущее — бѣжать изъ дома, чтобы сдѣлаться знаменитымъ путешественникомъ или пиратомъ. Она слушала очень внимательно, почти затаивъ дыханіе. А потомъ вздыхала грустно.

— Хорошо вамъ, мальчикамъ, — говорила.

И я со снисходительнымъ сочувствіемъ соглашался съ ней.

— Конечно, вамъ, дѣвчонкамъ, это не по средствамъ.

II.

Это пришло совершенно неожиданно, на Страстной...

Въ сумракъ стараго костела собирались мы по вечерамъ на „рекулекціи"—говѣли.

Наша шумная орава, притихнувъ, сидѣла въ громадныхъ дубовыхъ скамьяхъ, изъ-за которыхъ видны были только лица, овѣянныя тайной общенія съ Великимъ... Старый ксендзъ въ бѣлой „комжѣ", точно обитатель иного міра, стоялъ передъ нами, и мягкій, разбитый годами, голосъ его то съ нѣжной любовью и скорбью говорилъ о Спасителѣ, умершемъ за насъ на крестѣ, то грозно обличалъ насъ въ грѣхахъ...

Души наши то отверзались для умилительнаго благоговѣнія къ Спасителю, то трепетали отъ ужаса и отчаянія за свою закоснѣлость въ грѣхахъ...

И это пришло тогда.

Стефа сидѣла рядомъ со мной. Коричневое гимназическое платье и черный передникъ какъ нельзя лучше оттѣняли покаянное выраженіе ея лица.

Лицо было блѣдно, овѣяно жутью и скорбью, а широко открытые глаза съ напряженіемъ слѣдили за ксендзомъ.

Въ сумракѣ не было видно лица священника—только туманное пятно. И было похоже оно на темные лики иконъ, глядѣвшихъ со стѣнъ. Казалось, что одна изъ этихъ иконъ сошла со стѣны и говоритъ съ нами.

Отъ этого рождалась жуть... Но не страшная, а благоговѣйно-трепетная...

III.

Я поймалъ себя на томъ, что смотрю на Стефу. Смотрю на ея лицо, слѣдя за его выраженіемъ. Почему-

то стало неловко, и я отвернулся отъ нея смущенный. Непрошенная горячая волна крови ударила въ лицо.

Все это было непонятно, странно и вызывало острую досаду. Я сразу потерялъ способность слушать ксендза, и слова его стали стучаться въ уши, какъ чуждые безсмысленные комочки ваты—глухо и безцѣльно...

А сердце задрожало вдругъ и сильно застучало въ груди... Созерцая большой образъ св. Антонія, я старался вернуть исчезнувшее благоговѣйное чувство, но его не было—пропало безъ слѣда. Что-то непонятное тянуло мои глаза къ Стефѣ, и, чѣмъ больше я противился этому влеченію, тѣмъ настойчивѣе было оно.

Лицо Стефы казалось мнѣ лицомъ ангела, слетѣвшаго въ сумракъ храма съ большихъ плафоновъ купола, гдѣ былъ цѣлый рой такихъ ангеловъ — чудныхъ, неземно-прекрасныхъ.

А тутъ еще солнечный лучъ...

Красное золото неожиданно выскользнуло изъ бокового окна алтаря и выдѣлило личико Стефы. Щека ея затлѣла румянцемъ, а глаза сверкнули, какъ голубые брилліанты... Непокорная прядка волосъ на лбу засвѣтилась золотымъ ажуромъ.

Стефа повернула голову въ сторону солнца, и на мигъ наши глаза встрѣтились... Я отвелъ взоръ и закусилъ губу отъ стыда и досады.. А краска—я чувствовалъ это—густымъ пурпуромъ залила мое лицо.

И она тоже покраснѣла. Уголкомъ глаза я подмѣтилъ это. Щека, обращенная ко мнѣ, пылала, но не отъ солнечнаго луча; даже мочка уха покраснѣла и стала точно выточенной изъ розоваго коралла. А рука ея скомкала платочекъ и теребила листы молитвенника, лежавшаго на колѣняхъ...

Ей тоже было неловко и стыдно чего-то...

Обыкновенно мы вмѣстѣ возвращались домой — намъ было по пути. Въ этотъ вечеръ Стефа убѣжала одна. Впрочемъ, и я не могъ идти съ ней: я не рѣшился бы смотрѣть ей въ глаза и говорить съ ней.

Я шелъ домой одинъ и думалъ о Стефѣ... Голубой сумракъ весенняго вечера близко, вплотную слился

со мной, вошелъ въ душу: въ ней было все такъ же ново и таинственно, окутано призрачной дымкой, какъ и въ этомъ тихомъ вечерѣ, полномъ тайны возрожденія.

IV.

Три дня, оставшіеся до Пасхи, протекли въ странныхъ мукахъ—пріятныхъ и полныхъ особой неизвѣданной еще прелести.

Я видѣлъ Стефу, но не говорилъ съ ней. Она тоже избѣгала меня. Мы уже не сидѣли рядомъ. Я выбиралъ такое мѣсто на скамьѣ, откуда можно было видѣть ея лицо, и погружался въ созерцаніе. Ни священникъ, ни окружающее для меня не существовали. Одинъ міръ былъ у меня въ душѣ, и весь онъ былъ заполненъ Стефой.

Она тоже ощущала потребность взглянуть на меня украдкой, и тогда наши глаза встрѣчались. Она вспыхивала, и взоръ ея, какъ испуганная птичка, вспархивалъ и исчезалъ... Я тоже краснѣлъ и отводилъ глаза въ сторону, а сердце, точно подхваченное горячей волной, замирало на мигъ и начинало громко стучать — ликовало...

...За пасхальной заутреней мы причащались...

Я два дня чистилъ свой мундирчикъ и совсѣмъ не ради причастія. Я махнулъ рукой на спасеніе души и отдалъ ее цѣликомъ въ плѣнъ Стефѣ, наполнившей все мое существо непонятнымъ ликованіемъ — трепетнымъ, какъ звуки нѣжной свѣтлой пѣсни воскресенія.

На заутренѣ я рѣшилъ занять мѣсто рядомъ со Стефой и... былъ еще планъ, отъ одной мысли о которомъ меня бросало въ жаръ — отъ страха и смутнаго предвкушенія неизвѣданнаго еще счастья...

Я купилъ маленькое бирюзовое яичко и носилъ его возлѣ сердца. Оно (яичко, впрочемъ и сердце тоже) предназначалось Стефѣ: я хотѣлъ похристосоваться съ ней.

V.

Все было, точно въ туманѣ. Костелъ, наполненный душистыми цвѣтами и сверкающій множествомъ огней, пѣніе, торжественная служба и музыка органа — все было и все совершалось внѣ меня. Я стоялъ рядомъ со Стефой, не рѣшаясь взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что вся масса народа слѣдитъ за нами, и стоитъ мнѣ взглянуть на Стефу, какъ будетъ открыта моя чудная ароматная тайна — и умретъ сразу-же...

И только уголкомъ глаза, на мигъ одинъ, я соприкасался съ ея лицомъ... Вѣки ея были полуопущены и лицо точно замерло въ экстазѣ. Молилась она? — я не знаю. Одинъ разъ метнувъ на нее взоръ украдкой, я встрѣтилъ уголокъ ея глаза. Голубой лучъ обжегъ меня и погасъ, а мочка ея уха опять стала коралловой, какъ и тогда.

Воротникъ мундира, точно каленымъ желѣзомъ, теръ мою шею галуномъ... Но я былъ великолѣпенъ въ немъ — я это сознавалъ. Конечно, я былъ ничтожествомъ по сравненію съ моей воплощенной грезой, тонувшей въ кружевахъ и лентахъ пышнаго блѣдно-розоваго платья, но среди представителей своего пола не находилъ болѣе внушительнаго экземпляра... Если не считать дурацкаго студента, фамильярно стоявшаго по другую сторону Стефы. Не знаю почему, но къ этому студенту я чувствовалъ глухую вражду...

Наконецъ все кончилось, и мы вышли изъ костела. Розовое платьице было рядомъ со мной. Я нервно зажалъ въ потной почему-то ладони бирюзовое яичко и подошелъ къ Стефѣ. Родители ея въ сторонѣ бесѣдовали со знакомыми, и намъ никто не мѣшалъ.

— Христосъ Воскресе, Стефа! — глухимъ, дрожащимъ голосомъ выронилъ я.

Она бросила на меня быстрый взглядъ и откинулась, выскользнувъ изъ моихъ рукъ.

— Это православный обычай, Франекъ, — отвѣтила она, нахмурясь, и покраснѣла. — Я не христосуюсь...

И отошла къ родителямъ.

Я чувствовалъ себя очень глупо. Стыдъ, недоумѣніе и странная обида пригвоздили меня къ мѣсту. Но я спохватился и скорѣе ушелъ за колонну, гдѣ меня никто не могъ видѣть...

А она... Безчестная лгунишка! Она похристосовалась со студентомъ! Три раза поцѣловала его и приняла какое-то яйцо, завернутое въ бумагу.

Нельзя передать словами вихря чувствъ, обрушившихся на мою душу. Она была смята, уничтожена этимъ вихремъ...

Съ холодомъ отчаянія, безъ мыслей и безъ словъ я побрелъ отъ костела, сжимая въ рукѣ несчастное бирюзовое яичко. Слезы накипали въ груди и готовы были хлынуть изъ глазъ.

И вдругъ... Торопливый стукъ туфелекъ раздался позади. Сердце мое захолонуло и перестало биться: трепетъ надежды остановилъ его.

— Франекъ, глупый мой Франекъ,—послышалось надъ самымъ ухомъ, и двѣ ручки, вынырнувшія изъ розоваго облачка, охватили мою шею. — Ну, Христосъ Воскресе! Понимаешь?

Задорно блестѣли голубые брилліанты глазъ, а жемчужный зубокъ прикусилъ губу...

— Это для тебя, отдѣльно — понимаешь? Только для тебя! Христосъ Воскресе!

И губы ея три раза слились съ моими... Бирюзовое яичко скользнуло въ ея крошечную ладонь, а у меня очутилось то большое, завернутое въ бумагу, которое подарилъ Стефѣ студентъ...

Это былъ только мигъ. Она оторвалась отъ меня и исчезла въ голубой ночи, какъ розовая греза... А минутку спустя прошла мимо меня въ обществѣ родныхъ и того студента. Она весело, съ чрезмѣрнымъ оживленіемъ, говорила что-то отцу.

...Я шелъ одинъ, но мнѣ и не нужны были попутчики. Бурно ликовали колокола, взбунтовавшіе воздухъ надъ Петербургомъ. Ликованіе ихъ сливалось съ ликованіемъ моей души, повторявшей:

— Воскресе! Воскресе! Воскресе!

Она была полна праздникомъ возрожденія прекраснаго и могучаго чувства, вызваннаго къ жизни моей воплотившейся грезой, ушедшей въ голубую тайну ночи...

*

Да, это приходитъ само, безъ зова, какъ приходитъ сонъ—свѣтлый лучезарный сонъ...

Одинъ разъ въ жизни—по веснѣ ея.

Гіацинтъ отъ Гроба Господня.

...Юноша искалъ Марію изъ Магдаллы...

Два долгихъ года провелъ онъ въ разлукѣ съ той, которой отдалъ душу и посвятилъ каждое біеніе сердца своего... Два долгихъ года въ поискахъ золота и украшеній, къ которымъ стремилась душа Маріи изъ Магдаллы. Ибо безъ золота не хотѣла глядѣть на юношу прихотливая красавица, не желала подарить ему даже улыбки любви...

Торжествующій вернулся юноша на родину. Удачно было путешествіе его: три корабля, груженныхъ лучшими товарами Сидона и Тира, принадлежали ему, а поясъ, обвивавшій станъ, былъ наполненъ самоцвѣтными камнями... И все, что пріобрѣлъ — и корабли, и самоцвѣтные камни — спѣшилъ юноша сложить у прелестныхъ, точно выточенныхъ изъ розоваго оникса, ножекъ любимой.

Вмѣстѣ съ самымъ дорогимъ — благороднымъ сердцемъ, исполненнымъ вѣрности и любви.

Все—за одну улыбку, за лучъ солнца любви, сіявшаго въ глазахъ любимой...

...Юноша искалъ Марію изъ Магдаллы...

Домъ ея, тонувшій въ розовыхъ садахъ, былъ пустъ. Во дворахъ и садахъ не было прежняго веселья, и ни одного изъ богатыхъ юношей, наполнявшихъ ранѣе домъ гетеры, не встрѣтилъ путникъ.

Сердце его сжалось отъ предчувствія недобраго. Онъ разыскалъ одинокаго стараго раба въ саду и спросилъ его, что сталось съ Маріей изъ Магдаллы и почему пустъ домъ ея?

Старикъ съ испугомъ и недоумѣніемъ поглядѣлъ на юношу.

— Развѣ ты прибылъ изъ дальнихъ странъ, что не знаешь о случившемся въ Іерусалимѣ: вчера былъ казненъ Тотъ, Кто назвалъ Себя Сыномъ Божіимъ и царемъ Израиля...

— Что мнѣ до Казненнаго!—воскликнулъ юноша. —Я хочу знать, гдѣ твоя госпожа?

Низко склонился рабъ передъ юношей.

— У меня нѣтъ больше госпожи. Марія изъ Магдаллы покинула домъ свой и ушла съ учениками Казненнаго. Она была возлѣ Него до самаго конца.

Змѣя ревности вонзила отравленное жало въ душу юноши.

— Она полюбила того бродягу, о которомъ доходили вѣсти въ страны, гдѣ жилъ я эти два года. Но вѣдь Онъ казненъ и, значитъ, снова свободна ея душа! Я найду ее!

И юноша покинулъ опустѣвшій дворъ и пошелъ по улицамъ Іерусалима искать ту, которая владѣла его душой.

Онъ останавливалъ прохожихъ и задавалъ имъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Не знаешь ли ты, гдѣ мнѣ искать Марію изъ Магдаллы?

Ее всѣ знали въ Іерусалимѣ, но никто не могъ отвѣтить на вопросъ юноши. Пожимали плечами опрошенные, кивали отрицательно головой; иные смѣялись, скрывая за смѣхомъ нечистыя мысли.

И въ сердцѣ юноши поселилось отчаяніе. Извилины тихихъ субботнихъ улицъ казались ему пустынными, поглотившими слѣдъ любимой, провалами, въ которые падали его надежды и желанія.

Онъ шелъ охваченный злобой и удивленіемъ къ Тому, Казненному, который овладѣлъ любовью Маріи, служившей любви, но не знавшей ея въ сердцѣ своемъ.

Кто былъ Онъ, этотъ Человѣкъ, ради котораго покинула гордая женщина свой богатый домъ, толпу поклонниковъ и всѣ блага жизни? Какая могучая сила должна была скрываться въ Немъ, чтобы заставить ее

—царицу жизни—смѣшаться съ бездомной толпой Его учениковъ...

Съ недоумѣніемъ, печалью и злобой въ душѣ вошелъ юноша въ вечерній сумракъ Геѳсиманскаго сада. Розовый тихій вечеръ скорбнымъ покоемъ напоилъ пониклые листья пальмъ и погрузилъ очарованіе тишины въ дремлющую гладь озера... Съ поникшей головой шелъ юноша, попавшій во власть вечера, погасившаго злобу въ его сердцѣ и напоившаго его тишиною скорби...

Возлѣ пещеры, заваленной камнемъ, юноша остановился. Воинъ въ тяжелыхъ доспѣхахъ преграждалъ дорогу. Розовые, бѣлые и голубые гіацинты раскинулись ковромъ подъ ногами солдата. Онъ топталъ ихъ тяжелыми котурнами, прохаживаясь передъ заваленнымъ камнемъ входомъ въ пещеру, но хрупкіе цвѣты безъ вреда для себя выпрямлялись изъ-подъ ногъ стража. Ни одинъ лепестокъ не падалъ съ нихъ.

Изумленный юноша нагнулся и сорвалъ одну розовую гроздь.

Стражъ съ улыбкой презрѣнія глядѣлъ на юношу, срывавшаго цвѣтокъ.

— Что нужно тебѣ? — сурово спросилъ онъ. — Развѣ ты не знаешь, что никому нельзя подходить къ гробу казненнаго самозванца?

Юноша вздрогнулъ. Странный трепетъ проникъ въ его душу, и онъ почти со страхомъ поглядѣлъ на нѣжные цвѣты, которымъ не причиняла вреда тяжелая нога солдата.

„Велико Твое могущество, Сынъ Божій, — подумалъ онъ, — если цвѣты, растущіе возлѣ гроба Твоего, не страдаютъ отъ тяжести вооруженнаго человѣка".

И онъ отошелъ отъ пещеры, не отвѣтивъ ни слова стражу, сжимая въ рукѣ розовый цвѣтокъ, скрывшій въ лепесткахъ своихъ томность [illegible]ей зари...

...Точно три скорбныхъ [illegible]ка, вышли навстрѣчу изъ рощи оливъ три [illegible]ины... Тяжелыя охапки цвѣтовъ обременяли ихъ руки. Покрывала были

на головахъ, покрывала скорби — темныя, сливавшіяся съ сумракомъ вечера.

Юноша остановился, и душа его переполнилась трепетомъ: посреди шла та, которую такъ долго и тщетно искалъ онъ.

Блѣдно было лицо ея, опущенное долу; слѣды скорби темными тѣнями легли у глазъ. Она шла тихо, какъ и двѣ ея подруги, погруженныя въ тягостныя думы, не замѣчая окружавшаго.

Какъ призракъ среди жизни...

Женщины поровнялись съ юношей. Сильно забилось его сердце, точно готовясь выскочить изъ груди и упасть къ ногамъ Маріи изъ Магдаллы. Тихо, прерывистымъ голосомъ окликнулъ онъ:

— Марія!

И любовь, и отчаяніе, и надежда были въ этомъ окликѣ.

Она подняла скорбное лицо. Взглянула и отступила назадъ... Цвѣты душистымъ потокомъ посыпались къ ея ногамъ.

— Что нужно тебѣ? — спросила она тихо.

Юноша нерѣшительно подошелъ къ ней и опустился на колѣни въ груду разсыпавшихся цвѣтовъ. Онъ не въ силахъ былъ говорить о любви, о своихъ мечтахъ и желаніяхъ. Полный тоски, подалъ ей гіацинтъ, сорванный у пещеры.

— Возьми, — сказалъ. — Я несъ тебѣ золото и драгоцѣнности, но вижу, что только этотъ цвѣтокъ могу подарить тебѣ.

Она взяла цвѣтокъ... И едва коснулась его, какъ въ душу ея влилась теплая нѣжность къ юношѣ. Она наклонилась, взяла его голову руками и заглянула въ глаза.

Чистый лучъ любви, точно лучъ звѣзды, пронзилъ ее... Она склонилась къ юношѣ и коснулась губами лба его.

— Не отъ Гроба ли Казненнаго этотъ гіацинтъ? —спросила она, въ смущеніи разглядывая цвѣтокъ.

Онъ кивнулъ головой, дрожащій отъ радости и счастья, наполнившихъ его душу бурнымъ живымъ потокомъ.

— Только Онъ могъ сдѣлать это чудо,—продолжала Марія, лаская волосы юноши.—Мое сердце ожило для любви... Милый, пойдемъ поклонимся Гробу Его, и Онъ благословитъ насъ для праздника любви...

Розовые отблески вечера потухли на озерѣ... Теплая влага ночи окружила ихъ. Юноша поднялся съ колѣнъ и взялъ за руки возлюбленную. Онъ нашелъ Марію изъ Магдаллы.

Смерть о. Василія.

I.

Утромъ потѣшались комсомольцы въ кощунственномъ шествіи на осляти, центромъ котораго былъ старый меринъ въ архіерейскихъ ризахъ и съ тіарой на головѣ. Отецъ Василій случайно увидѣлъ шествіе и окаменѣлъ, скованный ужасомъ и негодованіемъ. Торопливо крестясь и шепча молитву, онъ отошелъ отъ окна вглубь избы — въ закопченный темный уголъ у печки и застылъ, вытянувъ жилистую старческую шею, точно прислушиваясь къ чему то... Мыслей не было, но душа ждала чего-то, чуда какого то—молніи и раската грома—взрыва небеснаго негодованія...

Небо молчало. Безобразныя слова, свистъ, ликующій вопль несся отъ комсомольской процессіи... А небо было нѣжное, голубое и ласковое, и золотыя паутинки солнца облекали свѣжіе клейкіе листочки березъ.. Какъ и въ тѣ годы, когда въ тайнѣ Страстныхъ Дней жило чаяніе Воскресенія.

Старый священникъ поникъ головой...

— Господи, помилуй мя грѣшнаго... — шептали безкровныя губы, а въ душѣ было тоскливо и пусто—холодъ отчаянія вмѣсто огня вѣры, вздымавшаго еще недавно на подвигъ...

II.

Къ вечеру о. Василій особенно остро почувствовалъ пустоту одиночества. Онъ не выходилъ изъ избы,

боясь встрѣчъ съ бывшими прихожанами. Ему больно было видѣть куполъ церковки, въ которой протекли его лучшіе годы... Возлѣ оградки были могилки всѣхъ близкихъ—всей семьи, сметенной бурей, ворвавшейся въ жизнь Россіи. Тамъ были похоронены его надежды, его мечты... Больно было видѣть свѣтлый голубой куполокъ, прикрывавшій теперь нечестивое сборище подъ названіемъ „Домъ комсомольцевъ"...

Голубой вечеръ, тихій и задумчивый, опускался за окномъ. Точно сгущался голубой прозрачный воздухъ, становясь плотнѣе, но не теряя въ прозрачности. Четкимъ кружевомъ лѣпились въ немъ вѣтви березъ, чуть тронутыя налетомъ свѣжей листвы...

Тихо, неслышно подходила голубая весенняя ночь, точно таинство снисходило съ далекихъ небесъ, гдѣ блѣдно дрожали, какъ слезинки въ темномъ глазу, нѣсколько звѣздъ.

У отца Василія было только одно желаніе — умереть въ эту ночь, полную чуда возрожденія, умереть окруженному предразсвѣтнымъ таинствомъ воскресенія... Въ эту ночь, въ которую онъ множество разъ возвѣщалъ вѣрующимъ о Воскресеніи Христовомъ.

Мысли были въ прошломъ, въ такихъ же голубыхъ, ароматныхъ ночахъ, къ тайнѣ которыхъ примѣшивался радостный блескъ иллюминаціонныхъ огней и трепетъ пламени свѣчей, буйное ликованіе колоколовъ, кидавшихъ въ небеса бурю восторга, и пѣніе сотенъ людей,—все вмѣстѣ сливавшееся въ дивный благовѣстъ о чудѣ:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ....
Смертію смерть поправъ...

И старому священнику казалось, что и сегодня случится великое чудо... Въ молчаніи голубой ночи точно замерли ожиданія вѣсти о Воскресеніи, замерли, чтобы разразиться, когда придетъ часъ, бурей ликованія по всей шири земли Русской...

III.

Ночь за окномъ превратилась въ темно-голубой бархатъ, когда отецъ Василій услыхалъ стукъ въ дверь.

Онъ встрепенулся, отрываясь отъ грезъ, и нахмурился: видѣлъ помѣху въ этомъ посѣщеніи.

— Входи! кто тамъ?—раздался его недовольный, надтреснутый голосъ.

Вошли двое. Тихо вошли, и въ темнотѣ о. Василій увидѣлъ, какъ фигуры посѣтителей трижды поклонились иконѣ въ углу. Крестнаго знаменія онъ не примѣтилъ, но почувствовалъ его вдругъ умиленной душой.

— Войдите съ Господомъ, — пробормоталъ онъ, вздувая лучину.

Посѣтители подошли подъ благословеніе, и о. Василій дрожащей рукой осѣнилъ крестомъ сѣдыя головы, склоненныя передъ нимъ...

„Вотъ оно—чудо“, — подумалось радостно, и онъ спросилъ ихъ ласково:

— Зачѣмъ пожаловали, чада?

— Отецъ Василій, — поглаживая сѣдую бороду, заговорилъ одинъ изъ посѣтителей. — Сдѣлай милость, отслужи у насъ заутреню. Мы безъ попа остались — захворалъ нашъ о. Паисій. Сдѣлай милость...

Не сразу взялъ въ толкъ старикъ, чего отъ него требуютъ, а когда понялъ, звонкая радость наполнила душу.

— Отслужить? Гдѣ же это, братики? Чай, и церкви-то нѣтъ теперь неопоганенной...

— Мы свою церковь отстояли, батюшка... Нѣтъ у насъ и этой нечисти комсомольской. Всѣ какъ были, такъ и есть православные... Отецъ Василій, не оставь насъ безъ заутрени Свѣтлой...

Отецъ Василій засуетился.

— Сейчасъ, сейчасъ, дорогіе... Какъ можно въ такой праздникъ... Я сейчасъ соберусь...

И въ голову не пришло старику спросить, гдѣ находится эта церковь, — онъ готовъ былъ идти на

край свѣта, чтобы только отслужить литургію, чтобы кинуть вѣрующимъ въ эту ночь радостное „Христосъ Воскресе!“

И, выйдя изъ старой избенки, о. Василій не спросилъ ни о чемъ своихъ спутниковъ. Молча прошли они пустынную улицу, молча прошли черныя пашни и такъ же молча углубились въ пахучій березнякъ...

IV.

Отецъ Василій почти не замѣтилъ пути. Когда сверкнула передъ нимъ огнями церковь, онъ почувствовалъ радостное умиленіе. Колѣни подогнулись, и онъ упалъ ницъ передъ храмомъ Божіимъ.

— Нынѣ отпущаеши... — прошептали сами собой губы старика, цѣлуя землю.

Онъ поднялся и точно окрѣпъ сразу. Въ душѣ выпрямилось что-то могучее, необъятное, поднимавшее его къ небесамъ. Ликующей радостью наполнилось все его существо, и прямой, высокій о. Василій увѣренно вошелъ въ церковь, переполненную народомъ.

Его не удивило, что не было среди молящихся знакомыхъ лицъ. Не удивилъ его и особый ослѣпляющій свѣтъ свѣчей, въ изобиліи горѣвшихъ во всѣхъ уголкахъ храма передъ всѣми иконами... Онъ вдругъ почувствовалъ себя отрѣшеннымъ отъ всего мірского, суетнаго, и весь погрузился въ молитвенный экстазъ.

Никогда въ жизни о. Василій не служилъ такъ заутрени, какъ въ этотъ разъ.

Словно въ золотомъ облакѣ былъ храмъ... И сквозь это облако свѣтились лица молящихся, осіянныя неземнымъ огнемъ... И никогда въ жизни не приходилось о. Василію слышать такого хора, какъ въ эту святую ночь: казалось, хоры ангеловъ пѣли въ храмѣ, наполняя его нѣжными проникновенными звуками...

Во время всей службы странный трепетъ ощущалъ о. Василій, точно онъ соприкасался съ величайшимъ таинствомъ и сливался постепенно съ нимъ..

Благоговѣйно ужасалась душа и замирала, точно между ней и познаніемъ самой великой тайны утоньшалась постепенно какая-то перегородка, бывшая еще недавно толстой и непроницаемой... И оставался теперь только какой-то незримый волосокъ... Растаетъ онъ и...

Онъ растаялъ, когда о. Василій повернулся лицомъ къ молящимся и возвѣстилъ:

— Христосъ Воскресе!

* * *

Черезъ два дня тѣло о. Василія нашли въ лѣсной глуши. Онъ лежалъ ничкомъ, застывъ въ земномъ поклонѣ и прикоснувшись губами къ землѣ.

Лицо его было радостное и покойное: на немъ лежала свѣтлая печать познанія какой-то сокровенной тайны...

Можетъ быть, тайны Воскресенія...

Два апокрифа.

Посвящается Іос. Игн. Борису.

I. Улыбка Господня.

Это было на зарѣ вѣковъ...

Вереницы людей стекались къ храму Соломона. По дорогамъ, обросшимъ миртами и оливами, шумными веселыми потоками двигались поселяне, одѣтые въ праздничные наряды.

Розовая улыбка утра румянила дали,—прозрачныя лазоревыя дали, покоившіяся на опаловыхъ изломахъ горъ... Ароматомъ азалій и розъ дышалъ теплый вѣтеръ, игравшій цвѣтными одеждами людей...

Смѣхъ брызгалъ съ губъ дѣвушекъ— чистый, веселый, какъ струя родника. Сверкалъ жемчугъ зубовъ въ рубиновой оправѣ губъ, и темные алмазы глазъ разсыпали горячія искры...

Дѣвушки плели изъ цвѣтовъ длинныя причудливыя гирлянды, съ пѣснями обвивали ими головы и смуглыя плечи.

Юноши, мужчины, старики и дѣти—всѣ, кого болѣзнь или старость не приковали къ одру,—всѣ стекались къ храму Соломона.

Ибо день этотъ былъ заповѣднымъ днемъ праздника для всей земли Господней, — страны Розовой Улыбки Утра.

Престарѣлая чета особнякомъ шла по дорогѣ изъ Назарета. На ней были скромныя одежды бѣдняковъ, но лица свѣтились тихой радостью.

Съ четой шло дитя.

Дѣвочка подвигалась тихо и степенно. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ былъ единственнымъ украшеніемъ ея головки, окутанной золотистымъ облакомъ волосъ. Глазки сіяли блаженствомъ, кидавшимъ дивный свѣтъ на ея личико и бѣлыя одежды.

Держась за платье матери, она почти не замѣчала шумныхъ толпъ, обгонявшихъ ее, и не отвѣчала на призывы сверстниковъ.

Она въ первый разъ шла къ храму Соломона, о которомъ слышала много чудныхъ разсказовъ, и душа ея была переполнена благоговѣніемъ и трепетомъ къ Господу Силъ.

Великій праздникъ былъ въ древнемъ Іерусалимѣ. Городъ гудѣлъ, какъ громадный улей потревоженныхъ пчелъ.

По узкимъ извилинамъ улицъ непрерывнымъ потокомъ текла пестрая толпа; по всѣмъ улицамъ, но къ одной цѣли — къ холмамъ, на которыхъ высился царственный храмъ Соломона.

Великій праздникъ былъ въ храмѣ Соломона. Жертвенники Адонаи дымились въ молитвенныхъ дворахъ и ждали приношеній и молитвъ.

Среди великихъ чудесъ свѣта первымъ чудомъ былъ храмъ Соломона, построенный во славу Саваофа. Тысячи жертвенниковъ наполняли его многочисленные дворы; чудеса красоты и роскоши были скоплены подъ необъятными цвѣтными сводами.

Престарѣлая чета вошла въ храмъ. Толпы народа заполняли дворы вокругъ жертвенниковъ. У четы не было жертвы, и она вошла прямо въ пустынную громаду роскошнаго зданія.

Старики водили дѣвочку, показывая ей чудеса храма, и говорили о величіи и могуществѣ Господа — грознаго Адонаи.

Душа дѣвочки переполнилась видѣннымъ и слышаннымъ. Слава и мощь Господа охватили ее.

Передъ Святая Святыхъ она остановилась... Гулъ толпы у жертвенниковъ донесся сквозь своды храма.

— Почему не идемъ мы къ жертвенникамъ? — спросило дитя.

Грустно переглянулись старики.

— Намъ нечего принести въ жертву Господу Нашему,—сказалъ отецъ.

А мать печально вздохнула, и слеза скатилась по морщинкамъ лица.

Задумалась дѣвочка, глядя на свѣтильники, курившіе благовонія. Не надолго задумалась. Глаза ея вспыхнули, и румянецъ покрылъ щеки.

Движимая блаженнымъ порывомъ, она пала ницъ передъ Святая Святыхъ и воскликнула:

— Господь Богъ мой! Возьми меня вмѣсто жертвы и не гнѣвись, ибо нѣтъ у насъ ни быка, ни овцы, ни голубя для Алтаря Твоего...

Всемогущій Адонаи съ высоты небесныхъ чертоговъ внималъ моленьямъ народа Своего.

Сурово было лицо Господа, и жертвенный дымъ не расправлялъ чела Его.

Возгласъ дѣвочки, ея горячая молитва коснулась слуха Саваофа. Бѣлая лучезарная пылинка, распростертая во мракѣ передъ Престоломъ, затмила пеструю многотысячную толпу.

Расправилось чело Господне, и улыбка появилась на устахъ Его.

Голосъ дивный, какъ громъ, ласковый весенній громъ, раздался подъ древними сводами:

— Благословенна ты въ женахъ, дитя, и благословенъ плодъ чрева твоего. Ибо Онъ — Милостивая Улыбка Моя.

На зарѣ вѣковъ воплотилась улыбка Господня, и родился Христосъ.

II. Плевокъ Сатаны.

Это было въ дни оскудѣнія...

Въ молчаливомъ опустѣніи дремали сумрачные храмы. Голоса колоколовъ, разбѣгаясь отъ вышекъ, увѣнчанныхъ крестами, тщетно звали вѣрующихъ—немного ихъ стекалось подъ своды соборовъ.

Души людей блуждали въ шепчущей ночи. Тайны и загадки окружали ихъ. Не было свѣта. Не было исхода. Люди заблудились среди Ночи, гдѣ жили Ужасы и Тайны.

Среди чаръ Ночи люди искали Истину.

Ночь рождала призраки на ихъ пути. Истомленные исканіями люди цѣплялись за нихъ... Призраки распылялись... и не было Истины.

Голосъ Сатаны звалъ къ себѣ.

Въ мрачныхъ капищахъ люди поклонялись ему. Старые мудрецы чертили таинственныя письмена, вызывая духовъ тьмы. Женщины совершали страшные обряды, отдаваясь Царю мрака.

...Колокола храмовъ тщетно звали къ себѣ...

Въ новогоднюю ночь, полную святочныхъ тайнъ, старая Іервиль призывала Сатану.

Трупъ младенца лежалъ на черныхъ блестящихъ камняхъ жертвенника, и кровь рубиновыми каплями стекала къ подножію.

Пламя треножника тревожно вспыхивало и меркло, бросая багровые отсвѣты на лицо старухи. И при вспышкахъ этихъ точно выпрыгивали изъ темноты крючковатый носъ и длинный подбородокъ, почти замыкавшіеся надъ темнымъ беззубымъ проваломъ рта.

Въ тайнахъ заклинаній, зловѣщимъ потокомъ срывавшихся съ губъ старухи, была страшная сила призыва... Она взвывала и плясала, распустивъ жидкія пряди сѣдыхъ волосъ.

Въ темнотѣ подземелья, въ черныхъ углахъ, притаились изображенія Князя Ночи.

Мертвенно-блѣденъ сталъ свѣтъ треножника. Зеленоватымъ, какъ у трупа, сдѣлалось лицо старухи, а кровь младенца запеклась, стала черной...

...Явился Сатана.

. . . . . .

Въ экстазѣ безумія завопила старуха Іервиль. Вытянула костлявыя руки со скрюченными пальцами и пала на колѣни.

— Возьми меня! Возьми меня, мой царь и повелитель! Черной мессой призвала я тебя, и кровь младенца запечатлѣла мой призывъ! Дай мнѣ блаженство любви!

Старуха была безобразна — разлагающійся трупъ, въ который вдохнули искру жизни.

И... плюнулъ въ омерзеніи Сатана.

Воплотился плевокъ Сатаны: въ дни оскудѣнія родился Марксъ.

Агасѳеръ.

Посвящаю милой моей дочуркѣ Зоѣ

Родилось это сказаніе въ тѣ времена, когда вѣра наполняла сердца дыханіемъ весенней радости...

...Когда лилея вѣры колебалась на гибкомъ, упругомъ стеблѣ, среди живыхъ образовъ Чуда, отражаясь въ глубокомъ кристаллѣ души, освѣтленной Искупленіемъ.

Въ тѣ времена родилось оно, когда звучали еще шопоты изустныхъ преданій о Сынѣ Божіемъ, умершемъ на Крестѣ...

...Когда солнечное кружево грезъ облекало душу, отверзая ей тайны лазури небесной и въ каждой росинкѣ являя ликъ безконечной Любви.

На разсвѣтѣ вѣры родилось оно...

I. День Скорби.

Понуро было солнце въ этотъ день и тусклы дали, тяжело опустившіяся на изломы горъ. Предчувствіе громовъ трепетало въ воздухѣ.

Рощи оливъ склонили тяжелую зелень, а лица озеръ омрачились свинцовыми тѣнями... Замолкли птицы въ виноградникахъ, и лозы прильнули къ камнямъ оградъ.

Червонный шаръ солнца давилъ съ высоты.

Саванъ скорби опускался на землю.

Была Великая Пятница въ Іерусалимѣ...

Возбужденные люди двигались по узкимъ улицамъ, какъ встревоженные пестрые муравьи. По всѣмъ ули-

цамъ—къ одной цѣли—стекались къ дому протектора, какъ рѣчки въ большое озеро.

Клокотъ говора бурлилъ воздухъ. Ярость брызгала пѣной съ перекошенныхъ лицъ, ненависть скрежетала зубами...

Вопли и брань устремились къ Тому, Кто, окруженный стражей, сгибался подъ тяжестью креста, начиная Свой путь на Голгоѳу.

— Смерть Назорею! Распять Его!

II. Агасѳеръ.

У Агасѳера были дѣла. Онъ былъ практичный человѣкъ, и только звонъ монетъ могъ привлечь его вниманіе. Для другихъ звуковъ ухо его было неподатливо.

Агасѳеру нужно было идти къ молодому римскому сотнику—получить четыре сребренника: два долга и два процентовъ, и онъ вышелъ изъ дома озабоченный своимъ дѣломъ.

Солнце было странно и воздухъ тусклъ, но Агасѳера это не пугало: свѣта хватало, чтобы найти дорогу къ дому сотника.

И Агасѳеръ шелъ...

Въ головѣ звенѣли сребренники, а въ душѣ жила тревога. Когда имѣешь дѣло съ молодымъ римскимъ безпутникомъ, никогда нельзя ручаться за благополучный исходъ; иной разъ бываетъ большая прибыль, а иногда просто ударъ котурномъ по спинѣ... Но все-таки прибыли бываетъ больше, чѣмъ ударовъ.. Притомъ удары ничего не стоятъ... А времена плохія; нужно благодарить Бога и за такія дѣла: безъ молодыхъ римлянъ честному ростовщику нечѣмъ было бы жить въ Іерусалимѣ.

Такъ думалъ Агасѳеръ.

Домъ сотника стоялъ далеко, на другомъ концѣ города. А нужно было поспѣть до полудня: римскій воинъ сегодня покидалъ Іудею.

И Агасѳеръ шелъ, поглощенный дѣлами и забо-

тами. Въ головѣ звенѣли сребренники, а въ сердцѣ алчность рождала страхи...

III. Зовъ алчности.

Повернувъ изъ узкаго проулка, Агасѳеръ наткнулся на толпу.

Она заполнила всю улицу.

Гулъ возбужденныхъ голосовъ, бранные оклики и лязгъ доспѣховъ воиновъ тяжелой волной катились надъ людьми.

Въ странный клубокъ сплелись люди; толкая другъ друга и крича, они стремились куда-то...

Прямо передъ Агасѳеромъ вынырнуло изъ толпы тяжелое дерево креста. Не было видно Того, Кто влачилъ крестъ: одежды людей заслонили Его.

Агасѳеръ остановился въ досадѣ.

Ему нужно было спѣшить—сотникъ могъ уѣхать, —а протиснуться сквозь толпу невозможно. Ждать пока пройдетъ она? Но весь Іерусалимъ двигался съ воплями и криками по тѣсной улицѣ, и не было конца шествію.

Сердце Агасѳера сжалось отъ страха за сребренники.

— И что согнало сюда весь народъ? — спросилъ онъ у одного изъ толпы.—Развѣ нѣтъ больше дѣлъ у іерусалимцевъ?

Спрошенный удивленно посмотрѣлъ на Агасѳера и воскликнулъ:

— Смотрите! Есть въ Іерусалимѣ человѣкъ, который не знаетъ, куда идетъ сегодня весь народъ!

И слышавшіе это разсмѣялись и пальцами указывали на Агасѳера.

Но одна женщина подошла къ Агасѳеру и, глядя на него глубокимъ скорбнымъ взоромъ, проговорила:

— Развѣ не знаешь ты, что сегодня хотятъ распять Назорея?

Агасѳеръ слышалъ что-то о Назореѣ, но такъ какъ

это не было связано со звономъ серебра, то онъ и не интересовался имъ.

Самозванецъ какой-то, что-ли... Человѣкъ, хотѣвшій занять престолъ Давида? Пхе... Учитель? Все равно: Агасѳеръ былъ чуждъ политикѣ...

И онъ отвѣтилъ сердито:

— Что же изъ этого? Стоитъ ли такъ шумѣть изъ-за одного человѣка и мѣшать другимъ заниматься дѣлами!

Женщина отпрянула...

IV. Встрѣча.

Агасѳеръ не могъ потерять четыре сребренника изъ-за того, что Іерусалиму вздумалось распять какого-то Назорея. Ему нужно было спѣшить... И охваченный страхомъ за свои деньги, онъ кинулся въ толпу, толкаясь и крича:

— Пустите меня! Я спѣшу! Пустите!

Толпа повлекла его.

Нѣсколько толчковъ, оторванный клокъ одежды, боль въ ребрахъ... И точно волной выкинуло Агасѳера за цѣпь блестящихъ воиновъ...

Тутъ можно было свернуть въ проулокъ и пойти своей дорогой.

Но тяжелое дерево и подъ нимъ Человѣкъ, упавшій въ безмѣрныхъ страданіяхъ, загородили путь.

Агасѳеру мѣшалъ крестъ и этотъ Назорей, упавшій подъ нимъ.

Злоба и раздраженіе кольнули сердце Агасѳера.

Онъ подтолкнулъ Упавшаго и, склонясь надъ Нимъ, крикнулъ:

— Да иди-же! Иди!

Человѣкъ поднялъ лицо. Кровью и потомъ было покрыто оно... Вѣнокъ изъ терній глубоко врѣзался въ чело. Кроткіе глаза бросили два сіяющихъ ясныхъ луча, а запекшіяся губы шепнули:

— Иди!

И посторонился Назорей...

V. Иди!

Агасѳеръ пошелъ... Одна, другая, третья улица... Гулъ толпы остался позади и затихалъ, какъ рокотъ моря...

— Иди!

Шопотъ звучалъ въ ушахъ... Кроткій, спокойный, но непреклонный:

— Иди!

Страхъ и трепетъ наполняли душу Агасѳера...

Вотъ домъ сотника. Самъ римлянинъ сидитъ на конѣ, готовый ѣхать въ Римъ... Что-же это такое? Четыре сребренника!

Въ страхѣ и тоскѣ завопилъ Агасѳеръ. Хотѣлъ остановиться, свернуть къ сотнику, но не могъ: ноги не послушали и понесли мимо дома сотника, за предѣлы города.

— Иди!

Все тотъ же шопотъ, и нѣтъ силъ противостоять ему...

И въ тоскѣ отчаянія проклялъ Агасѳеръ и день, и землю, по которой шелъ, и Назорея.

Іерусалимъ остался позади...

*

А когда насталъ Скорбный Часъ, и молнія разодрала черную пелену ночи, опустившейся среди дня, ея мертвый свѣтъ озарилъ фигуру Агасѳера.

Съ Голгоѳы былъ виденъ онъ — одинокій на далекомъ горизонтѣ. Человѣкъ, поверженный въ отчаяніе и не имѣющій возможности остановиться.

VI. Повѣрье.

Съ тѣхъ поръ ходитъ Агасѳеръ по землѣ. Съ нимъ — Алчность, Злоба и бѣдствія. Вѣка, тысячелѣтія ходитъ онъ, и нѣтъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока капля состраданія къ человѣку, упавшему подъ крестомъ, не смягчитъ его сердца.

Но нѣтъ состраданія въ душѣ Агасѳера.

И все идетъ онъ. Страны, въ которыя онъ попадаетъ, подвергаются страшнымъ потрясеніямъ: войны, возмущенія охватываютъ ихъ. Кровью заливаются поля и нивы, пылаютъ города.

Голодъ сопутствуетъ ему, и моровая язва идетъ въ свитѣ его. Страшныя бѣдствія несетъ онъ — отверженный и одинокій...

*

Таково древнее сказаніе, родившееся тогда, когда лилея вѣры колебалась на упругомъ стеблѣ среди красочныхъ образовъ Чуда — на разсвѣтѣ новой жизни, освѣтленной Искупленіемъ...

Дѣвочка въ розовомъ.

I.

Дѣвочка проскользнула въ кабинетъ, едва пріоткрывъ дверь... Розовымъ пятнышкомъ обрисовалась ея фигурка на фонѣ тяжелыхъ дубовыхъ створокъ; поборовъ нерѣшительность, она направилась къ профессору.

Кредигъ съ досадой отложилъ перо: онъ не ожидалъ никакихъ посѣтителей. Онъ хмуро поглядѣлъ на пачку исписанныхъ листовъ — новый ученый трудъ о матеріалистической сущности души — и затѣмъ взглянулъ на дѣвочку.

Она была одна — безъ старшихъ, и это слегка изумило профессора. Онъ вглядѣлся въ блѣдное, точно восковое, личико, и что то знакомое почудилось въ немъ.

Профессоръ сморщилъ лобъ отъ усилія вспомнить, гдѣ и когда видѣлъ эту дѣвочку, но она не дала ему подумать.

— Ради Бога, профессоръ, навѣстите мою больную маму. Безъ вашей помощи она умретъ. Пожалуйста.

Она сплела тонкіе пальчики рукъ, но въ голосѣ почти не было умоляющихъ нотокъ. Только большіе каріе глаза дышали печалью, просили.

— Пожалуйста.

Безпомощное въ устахъ взрослыхъ, это слово у дѣвочки прозвучало странно-убѣдительно.

Профессоръ окинулъ розовую фигурку изумленнымъ взглядомъ.

— Откуда ты, дитя? — ощущая странное замѣшательство, спросилъ онъ.

— Маминъ адресъ: улица Зеленаго Братства, домъ 17, квартира 4.

Она отчеканила этотъ уклончивый отвѣтъ, точно заученное, и не сводила съ лица профессора просящаго взгляда. Онъ не могъ понять, что это, но выдержать взглядъ дѣвочки было невозможно.

— Я никуда не выѣзжаю теперь, дѣвочка, — съ легкой досадой отвѣтилъ профессоръ. — Я не навѣщаю больныхъ.

И говоря это, отвернулся къ столу, безцѣльно переложилъ прессъ папье съ мѣста на мѣсто и такъ же безцѣльно началъ перебирать написанные листки трактата.

— Но маму вы навѣстите, профессоръ. Пожалуйста. Безъ вашей помощи она умретъ.

Маленькая просительница говорила твердо и увѣренно.

Кредигъ нахмурился и повернулъ лицо къ дѣвочкѣ, готовясь кинуть брюзгливый отказъ. Но дѣвочка ушла уже. Въ дверяхъ только повернулась и кивнула головкой.

— Мамѣ нужна операція.

Дверь мягко закрылась за ней.

II.

Профессоръ вспомнилъ вдругъ, гдѣ видѣлъ свою странную посѣтительницу.

Двѣ недѣли тому назадъ эту дѣвочку привозили къ нему въ клинику.

Помочь ей было нельзя: она была обречена на смерть. Да, профессоръ тогда же заявилъ объ этомъ ея матери, и дѣвочку увезли домой. И вдругъ она, повидимому, здоровая, явилась со своей странной просьбой.

Кредигъ взволнованный прошелся по кабинету.

— Конечно, это — абсурдъ. Просто — случайное сходство.

Но на душѣ все-таки было неспокойно. Кредигъ позвонилъ.

— Если можете, верните дѣвочку, — сказалъ онъ слугѣ.

Лицо слуги отразило самое искреннее недоумѣніе.

— Какую дѣвочку, господинъ профессоръ?

— Ту, что была сейчасъ въ кабинетѣ, конечно, — раздраженно пояснилъ Кредигъ.

Замѣшательство слуги увеличилось. Онъ почти со страхомъ взглянулъ на профессора.

— Но никакой дѣвочки не было, смѣю васъ увѣрить, господинъ профессоръ.

— Значитъ, вы проспали ее, — холодно кинулъ Кредигъ.—Ступайте.

Онъ былъ взбѣшенъ. Прошелся нѣсколько разъ по кабинету, злясь на слугу, на себя и дѣвочку въ розовомъ платьѣ, оторвавшую его отъ работы.

Онъ не хотѣлъ думать о больной женщинѣ, но мысли невольно вращались вокругъ нея. Адресъ, точно надпись на гранитѣ, врѣзался въ мозгъ, мѣшая думать о чемъ бы то ни было.

„Улица Зеленаго Братства 17, кв. 4“.

— Кварталъ не изъ презентабельныхъ, — параллельно думалъ профессоръ, шелестя туфлями по мягкому ковру..

Онъ былъ безпомощенъ передъ этимъ адресомъ, заполнившимъ мысли, и вдругъ почувствовалъ, что не отдѣлаться ему отъ него. Маленькая фигурка въ розовомъ платьѣ стояла передъ глазами: сложенныя въ просящій жестъ ручки, но голосъ безъ мольбы — требующій.

Какъ это вышло,—профессоръ не могъ даже себѣ дать отчета въ этомъ—онъ собралъ инструменты, велѣлъ дать одѣться и приготовить автомобиль.

Улица Зеленаго Братства затерялась на окраинѣ города. Пока автомобиль мчался къ ней, профессоръ

думалъ о дѣвочкѣ въ розовомъ платьѣ. Мысль отказывалась признать въ ней ту маленькую паціентку, которой онъ предрекъ смерть. Простое сходство, конечно, но...

Что то тревожное и непріятное поселилось въ душѣ.

И когда автомобиль остановился у дома 17, профессоръ почти обрадовался тому, что скоро разрѣшитъ вопросъ о дѣвочкѣ и разсѣетъ гнетущее чувство.

III.

Кредигу отворилъ двери высокій блѣдный мужчина въ черномъ сюртукѣ. Вся внѣшность этого человѣка говорила о тяжеломъ горѣ, обрушившемся на него.

Человѣкъ въ сюртукѣ былъ страшно изумленъ, когда Кредигъ назвалъ себя и потребовалъ проводить къ больной. Однако сейчасъ же оправился и конфузливо засуетился, помогая профессору снять пальто.

Хмурясь, прошелъ Кредигъ въ комнату больной. Здѣсь слухъ его непріятно поразилъ чей-то плачъ, доносившійся изъ сосѣдней комнаты. Это былъ унылый вопль безнадежнаго отчаянія.

— Если можете, уймите этотъ плачъ,—поморщился профессоръ,—онъ мѣшаетъ.

Блѣдный человѣкъ метнулся изъ комнаты.

Плачъ за стѣной утихъ. Кредигъ пожалъ плечами и направился къ больной.

При первомъ же взглядѣ профессоръ понялъ въ чемъ дѣло: одна изъ самыхъ тяжелыхъ женскихъ болѣзней. Нужна была немедленная операція — одна изъ тѣхъ операцій, которыхъ, кромѣ Кредига, никто не рѣшался дѣлать.

— Дѣвочка была права,—вслухъ подумалъ онъ, раскрывая футляръ съ инструментами.

Съ того момента, какъ въ комнатѣ блеснули ланцеты и до конца сложной операціи, Кредигъ, по своему обыкновенію, находился въ гипнозѣ работы. Онъ отдавалъ рѣзкія, короткія приказанія человѣку въ сюр-

тукѣ, замѣнившему сидѣлку, и распоряжался тѣмъ властнымъ тономъ, какъ это дѣлалъ въ собственной клиникѣ.

Полтора часа работы прошли, какъ мигъ, оставивъ послѣ себя физическое утомленіе. Больная была снова водворена въ постель.

— Ваша супруга — въ безопасности, — сказалъ Кредигъ блѣдному человѣку, приводя въ порядокъ инструменты,—этимъ вы обязаны только своей дочкѣ. Кстати, гдѣ она?

Послѣднія кровинки сбѣжали съ лица блѣднаго человѣка. Губы его затряслись и искривились въ гримасу плача.

— Дочкѣ, профессоръ? Моей дочкѣ?

— Ну, ваша это дочка, или нѣтъ — не знаю, — досадливо отвѣтилъ Кредигъ.—Я такъ предположилъ... Словомъ, я говорю о той дѣвочкѣ, которую прислали за мной... Я хочу видѣть ее, эту дѣвочку въ розовомъ платьѣ.

— Въ розовомъ?

Глаза блѣднаго человѣка расширились. Онъ отшатнулся и глядѣлъ на профессора почти сумасшедшимъ взглядомъ... Губы у него бѣлѣли...

— Въ розовомъ?—почти безсмысленно повторилъ онъ.

Кредигъ ничего не могъ понять, и это его раздражало.

— Ну да, дѣвочка въ розовомъ, — топая отъ досады ногой, крикнулъ онъ.

Блѣдный человѣкъ нѣсколько оправился, но губы его кривились, точно отъ какой-то внутренней боли.

— Тутъ какое-то недоразумѣніе, профессоръ, — пролепеталъ онъ. — Тяжелое недоразумѣніе... Я могу вамъ показать нашу бѣдную дѣвочку... Войдите въ эту комнату...

И говоря это, блѣдный человѣкъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату.

Мерцающія тѣни — рябь отъ пламени свѣчей — замигали въ открытую дверь. Что-то холодное сжало сердце профессора и обледенило мозгъ.

Онъ вошелъ въ комнату, подчиняясь какой-то странной, непонятной силѣ.

Въ ней былъ полумракъ. Горѣли свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, и розовый дѣтскій гробъ стоялъ на возвышеніи между ихъ трепетныхъ огней.

Какъ въ летаргіи, все съ тѣмъ же страшнымъ ощущеніемъ холода въ душѣ, Кредигъ подошелъ къ гробу и приподнялъ кисею, покрывавшую тѣло.

Среди гіацинтовъ, брошенныхъ на подушку, лежало блѣдное личико съ плотно закрытыми глазами. Нарядное розовое платьице облегало худенькую фигурку и бросало свѣтлые блики на восковое личико умершей.

Это была она—маленькая просительница.

И, точно сквозь вату, вдругъ заполнившую уши, профессоръ услыхалъ дрожащій голосъ отца:

— Она умерла вчера — наша бѣдная Лили. Она двѣ недѣли страдала, и болѣзнь была неизлѣчимой... Но вы это знаете, профессоръ...

* * *

Въ психіатрической лечебницѣ доктора Р. и сейчасъ находится странный больной.

Онъ постоянно пишетъ какой-то философскій трактатъ, но на безчисленныхъ листкахъ бумаги, исписанныхъ имъ, повторяется одно и то же:

„Матеріалистъ ученый, проникшій въ нѣдра науки, создаетъ мірозданіе холодное, какъ блескъ ланцета, и спокойно-законченное, какъ машина.

Въ этой машинѣ логика и строго-провѣренные факты цѣпляются другъ за друга, какъ шестерни; здѣсь нѣтъ мѣста ничему случайному, ничему необъяснимому.

Но дыханіе безстѣннаго доносится вдругъ, и безпомощно останавливаются отшлифованныя шестерни. Логическіе выводы и комбинаціи ума виснутъ безпомощными лоскутьями... Мірозданіе рушится...

Улица Зеленаго Братства 17... 17... 17... Въ розовомъ. Да, тайна — въ розовомъ".

И обрывая на этомъ мѣстѣ рукопись, больной срывается съ мѣста и лихорадочно-торопливо собираетъ воображаемые хирургическіе инструменты. Онъ спѣшитъ на операцію.

Больной считается неизлѣчимымъ.

Клубни орхидей.

На свѣтѣ много, другъ Гораціо, такого,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.
В. Шекспиръ.

Для общества смерть моего тестя—доктора Гардова—осталась загадкой. Газеты сообщили о ней, какъ о „несчастномъ случаѣ въ лабораторіи". Вскрытіе же тѣла констатировало смерть отъ апоплексіи и странно-незначительное количество крови въ сосудахъ.

Я сейчасъ—въ положеніи человѣка, не знающаго, пережилъ ли онъ кошмаръ, или дѣйствительность. Изъ опасенія попасть въ сумасшедшій домъ, я скрылъ отъ властей то, что зналъ о причинахъ смерти Гардова. Онѣ чудовищны и совершенно неправдоподобны, но давятъ меня до такой степени, что не разсказать о нихъ я не могу.

Жена моя (дочь покойнаго) лежитъ въ нервной горячкѣ, и жизнь ея колеблется на вѣсахъ Всевышняго. Я пишу эти записки возлѣ ея постели. Изъ глазъ больной глядитъ темный ужасъ, а отрывки бреда совпадаютъ съ моими переживаніями... Но я до такой степени потрясенъ, что не могу съ увѣренностью сказать, кошмаръ, или страшная явь—вся эта исторія.

Въ тотъ день докторъ опоздалъ. Мы кончили обѣдать, когда онъ вошелъ въ столовую возбужденный и веселый, съ небольшимъ ящикомъ въ рукахъ.

— Я получилъ цѣнный подарокъ, дѣти,—сказалъ онъ, ставя ящикъ на столъ рядомъ со своимъ приборомъ.—Ты помнишь Гробина, Лена?

Жена вздрогнула. Въ глазахъ ея промелькнулъ испугъ.

— Папочка, это тотъ...

Докторъ улыбнулся и потрясъ сѣдой гривой волосъ.

— Нѣтъ, Леночка. Мой заклятый врагъ Гробинъ давно умеръ... Но это—его сынъ, симпатичный молодой человѣкъ... Онъ только что вернулся изъ Индіи и, зная мое пристрастіе къ орхидеямъ, принесъ мнѣ въ университетъ три клубня... Замѣчательные клубни! Совершенно неизвѣстный ботаникѣ видъ орхидеи! Полюбуйтесь.

Докторъ открылъ ящикъ.

Въ ящикѣ лежали какіе-то сѣрые, почти черные комки, сморщенные, точно губки. Гардовъ вынулъ ихъ и положилъ на столъ.

Елена и я наклонились надъ ними.

— Но, папа, это не похоже на корни. Точно мертвые пауки.

Клубни были покрыты мелкими серебристыми волосиками, а корешки, лучеобразно расходившіеся отъ центра, напоминали суставчатыя лапы пауковъ, скорченныя конвульсіей смерти.

Сходство съ пауками было до того поразительно, что, когда я положилъ на ладонь одинъ клубень, дрожь брезгливаго отвращенія пробѣжала по тѣлу.

Елена не прикоснулась къ страннымъ корнямъ. Она съ опаской смотрѣла на клубень, лежавшій у меня на ладони, точно боялась, что онъ оживетъ.

Должно быть, ея настроеніе передалось и мнѣ. Отъ клубня словно исходило что-то, передаваясь ладони чисто-физическимъ ощущеніемъ непріятнаго. Мнѣ показалось даже, что шевельнулись лапы паука, и я выронилъ клубень на столъ.

Тесть расхохотался.

— Стыдно тебѣ, юристу, обладать нервами женщины. Какъ при такихъ нервахъ разбираться въ преступленіяхъ?

Засмѣялся и я, но больше не прикоснулся къ клубнямъ.

— Страшные эти корни, — сказала жена, когда послѣ обѣда докторъ унесъ ящикъ къ себѣ въ кабинетъ.—Я боюсь ихъ, Викторъ... Они не принесутъ добра, повѣрь мнѣ, разъ связаны съ именемъ Гробина — отца или сына—все равно.

И въ моемъ сознаніи засѣла мысль, что съ клубнями орхидей связано что-то загадочное. Ихъ сходство съ пауками не давало покоя: какъ навязчивая идея, всосалось въ мозгъ.

Чтобы разсѣять непріятныя настроенія, я уговорилъ жену вечеромъ съѣздить въ театръ.

Но настроеніе жены не улучшилось. Она не могла досидѣть до конца пьесы: ее тянуло домой. Сперва она боролась съ этимъ чувствомъ, но въ концѣ третьяго акта не выдержала.

— Ѣдемъ скорѣе домой, Викторъ! У насъ что-то ужасное дома.

Она и въ меня влила безпокойство. По дорогѣ домой я не могъ отдѣлаться отъ предчувствія чего-то сквернаго.

Клубни-пауки странно ассоціировались въ мозгу съ этими предчувствіями.

Горничная открыла дверь и на тревожный вопросъ жены отвѣтила съ легкимъ изумленіемъ:

— Докторъ у себя въ кабинетѣ. Просили не безпокоить...

— Я пойду къ нему, Викторъ,—сказала жена.—Я не могу успокоиться, пока не увижу его. Подожди меня въ столовой.

Когда тесть работалъ, входить къ нему безъ особыхъ непріятностей могла только Елена.

Я прошелъ въ столовую и оттуда слышалъ, какъ жена постучала въ двери кабинета. Дважды постучала и, видимо, не получая отвѣта, постучала въ третій разъ — болѣе настойчиво. Въ мою душу этотъ стукъ внесъ безпокойство: почти машинально я пошелъ къ женѣ.

Въ дверяхъ столовой мы встрѣтились. Она была блѣдна и держалась лѣвой рукой за грудь, точно сдерживала удары сердца.

— Викторъ, о нъ не отвѣчаетъ.

Слова эти холоднымъ бичомъ рѣзнули сознаніе. Я поспѣшилъ къ кабинету тестя.

Дверь кабинета отворилась, едва я нажалъ ручку. Жена вскрикнула и прижалась ко мнѣ, а я точно приросъ къ порогу: тесть лежалъ на полу почти посерединѣ комнаты безъ всякихъ признаковъ жизни.

— Боже мой, папа умеръ!

Елена, какъ безумная, оторвалась отъ меня и кинулась къ распростертому на коврѣ доктору. Прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь подумать, она опустилась на колѣни рядомъ съ неподвижнымъ тѣломъ отца. На одинъ мигъ только. Едва успѣвъ коснуться колѣнями ковра, Елена вскочила, точно подброшеннаи электрическимъ токомъ, и съ воплемъ ужаса побѣжала обратно ко мнѣ. Но не добѣжала—сдѣлавъ два шага, упала на коверъ.

Я бросился къ женѣ — она была безъ чувствъ. Нужно было поднять ее и уложить на диванъ. Я занялся этимъ, а слѣпой безотчетный страхъ сдавливалъ мнѣ затылокъ: точно ледяная лапа легла на мозгъ.

Я хорошо помню, что именно это ощущеніе ужаса заставило меня обернуться и поглядѣть на доктора Гардова. Обернувшись, я, какъ парализованный, безсильно опустился на диванъ: къ шеѣ тестя присосались два паука-гиганта, величиною съ кулакъ. Длинные лапы-щупальцы охватили шею несчастнаго и медленно шевелились, въ то время, какъ блестящія жирныя тѣла были неподвижны.

Не нужно было долго думать, чтобы узнать въ нихъ „клубни“ орхидей.

„Клубни орхидей—пауки!“ — прорѣзала сознаніе молніеносная мысль. Я сталъ искать глазами третьяго паука: вѣдь, „клубней“ было три.

Нашелъ, и всего меня сотрясли ужасъ и отвращеніе. Чудовище было въ двухъ шагахъ отъ меня. Описывая дугу, отъ тѣла доктора оно направлялось ко мнѣ маленькими упругими скачками. Я видѣлъ и глаза паука, неподвижно уставленные на меня... Холодные, со

злымъ металлическимъ блескомъ, глаза эти точно пронизывали мое тѣло множествомъ иголокъ...

Страхъ, на мгновеніе парализовавшій тѣло, вывелъ затѣмъ меня изъ неподвижности. Я вскочилъ, подкинутый именно страхомъ, и бросился къ столу — за тяжелымъ прессъ-папье — въ инстинктѣ самосохраненія.

Чудовищный паукъ точно понялъ мою мысль и измѣнилъ направленіе, съ молніеносной быстротой кинувшись мнѣ наперерѣзъ. Однимъ громаднымъ прыжкомъ онъ вскочилъ вдругъ ко мнѣ на грудь. Я ощутилъ точно толчокъ мячикомъ и, закрывъ глаза, ударилъ паука кулакомъ. И опять точно холодный мячикъ отскочилъ отъ кулака и противно шлепнулся на коверъ.

У меня было только одно желаніе: передавить тяжелымъ прессъ-папье всѣхъ трехъ чудовищъ. Но пауки уклонились отъ борьбы. Сперва быстрыми скачками исчезъ въ темномъ углу комнаты мой врагъ, а за нимъ, отвалившись отъ шеи доктора, разбѣжались въ разныя стороны и два остальныхъ.

Я преслѣдовалъ ихъ. Преодолѣвая дрожь отвращенія, я освидѣтельствовалъ всѣ углы комнаты, перетрясъ гардины и портьеры, перевернулъ мебель..

Но пауки исчезли. Исчезли безслѣдно, какъ видѣніе кошмара.

За этими поисками застали меня полиція и врачъ. Я не помню, когда распорядился позвать ихъ, но горничная увѣряла, что она, вбѣжавъ на крики въ кабинетъ, получила отъ меня приказъ позвать врача и полицію.

Это я забылъ... Неужели я находился во власти бреда и кошмара?

Когда появились въ кабинетѣ люди, я обрѣлъ способность думать, но говорить связно не могъ. Должно быть, у меня былъ жалкій видъ, такъ какъ меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Занялись докторомъ Гардовымъ и Еленой.

Докторъ былъ мертвъ. Слѣдовъ насильственной

смерти у него не оказалось. У жены констатирована нервная горячка.

Пауковъ не обнаружили. И я промолчалъ о нихъ изъ опасенія попасть въ домъ умалишенныхъ и быть оторваннымъ отъ больной жены.

Я сижу возлѣ больной и не могу даже теперь дать отчета въ томъ, кошмаромъ или дѣйствительностью было все пережитое. Превратились ли на самомъ дѣлѣ клубни орхидей въ пауковъ, или это былъ плодъ навязчивой идеи, рожденной чудовищнымъ сходствомъ клубней съ пауками и вылившійся въ кошмаръ, благодаря неожиданной смерти тестя?

Пауки исчезли совершенно. Но клубней тоже не оказалось въ кабинетѣ доктора...

* * *

Къ этимъ запискамъ, найденнымъ въ бумагахъ моего друга, недавно умершаго извѣстнаго юриста М., я долженъ прибавить нѣсколько словъ.

Другъ мой, умершій пять лѣтъ спустя послѣ смерти жены (она не перенесла нервной горячки), видимо, всю эту исторію рѣшилъ считать бредомъ кошмара. Онъ никому никогда не говорилъ о ней. Между тѣмъ, три или четыре году тому назадъ я читалъ замѣтку въ газетѣ о томъ, что въ одномъ изъ домовъ на окраинѣ города былъ обнаруженъ громадный паукъ съ кулакъ величиною. Поймать его не удалось. Тогда я сообщеніе это считалъ безобидной уткой, созданной для развлеченія читателей второго сорта, но теперь...

Впрочемъ, воздержусь отъ выводовъ.

Трагедія профессора Х.

Посвящается Вас. Вя. Гадалину.

I.

Опытъ былъ интересенъ и протекалъ очень удачно. Стернъ смотрѣлъ на часы и отмѣтилъ время — 9 час. 45 мин., — когда профессоръ Х. началъ аматеріализироваться.

Свѣтящаяся полоска окружила голову Х. Блѣдное, молочно-бѣлое сіяніе, отчетливое въ красномъ сумракѣ комнаты, постепенно охватывало тѣло. Мельчайшія подвижныя искорки точно струились изъ поръ кожи, окружая профессора трепетнымъ ореоломъ. Наконецъ, что-то свѣтящееся, полупрозрачное отдѣлилось отъ профессора Х., поплыло въ воздухѣ, остановилось въ нѣсколькихъ шагахъ. Точно кусокъ свѣтящейся кисеи, сохранившій форму человѣческаго тѣла...

Въ 10 час. 15 минутъ началъ отдѣляться второй флюидъ. Въ тишинѣ раздался скорбный звукъ... Звукъ струны... Задрожалъ и замеръ... Второй флюидъ былъ прозрачнѣе и свѣтлѣе. Микроскопическія дрожащія искорки пронизывали его во всѣхъ направленіяхъ. Въ комнату влился странный ароматъ тонкихъ невѣдомыхъ духовъ... Второй флюидъ поплылъ по направленію къ первому. Они встали рядомъ и слились наполовину — два странныхъ молчаливыхъ гостя изъ міра невѣдомаго.

Профессоръ Х. былъ блѣденъ и казался безжизненнымъ. Голова откинулась на спинку кресла; лицо было неподвижно, рѣсницы вздрагивали на полузакрытыхъ вѣкахъ.

Наступалъ моментъ полной аматеріализаціи. Выдѣлится ли третья оболочка? Всѣ мы находились въ состояніи напряженнаго вниманія.

Снова показалось блѣдное сіяніе... Лобъ профессора прорѣзала вдругъ глубокая, скорбная складка... Неподвижные флюиды зашевелились, точно охваченные тревогой.

Тревога овладѣла мною. Я видѣлъ выраженіе тревоги и на лицѣ Стерна. Гнетущее чувство захлестнуло душу.

Голубой яркій огонекъ вспыхнулъ на лбу профессора, пробѣжалъ по его тѣлу, и почти неуловимая свѣтлая тѣнь метнулась отъ него. Дрожащій звукъ лопнувшей струны проплылъ по комнатѣ, и электричество вдругъ погасло.

Во мракѣ бѣгали цвѣтные огоньки, собирались въ группы по два, по три, кружились.. Потомъ погасли. Растаяли въ темнотѣ и выдѣленные профессоромъ флюиды.

Тишина и мракъ.

II.

Докторъ Грессъ первый пришелъ въ себя. Въ темнотѣ раздался его глухой голосъ:

— Мертвъ.

Этого слова не хватало для того, чтобы привести въ ясность состояніе гнетущей тревоги, овладѣвшей нами.

Принесли лампу.

Профессоръ Х. лежалъ въ креслѣ въ той же позѣ. Скорбная складка застыла на его лбу. Въ полуоткрытыхъ глазахъ остеклѣло странное выраженіе мольбы или предостереженія—нельзя было понять.

Ни пульса, ни сердца не ощущалось. Всѣ признаки смерти были налицо.

Профессоръ Х. умеръ во время своего удивительнаго опыта. Результаты самого опыта остались неяс-

ными: была ли смерть исходомъ аматеріализаціи, или обыкновеннымъ случаемъ апоплексіи.

Пришлось заявить полиціи.

Въ дни до похоронъ возлѣ тѣла профессора Х. происходили странныя явленія. Свѣчи не горѣли возлѣ покойника. Едва ихъ зажигали, какъ онѣ гасли. Въ этомъ сказывалась какая то таинственная и непреклонная воля.

Меня странно тянуло къ тѣлу покойнаго. Мы были друзьями, но дружбой нельзя было пояснить этого страннаго влеченія. Безпокойство овладѣвало мною, едва я удалялся изъ комнаты, въ которой лежалъ мой другъ. На улицѣ, въ университетѣ, дома, гдѣ бы я ни находился, я былъ полонъ болѣзненнымъ ощущеніемъ какого-то зова, зова къ тѣлу моего трагически погибшаго друга. Когда я находился возлѣ него, безпокойство принимало другой характеръ: нужно было сдѣлать что-то важное, но я не зналъ что.

Нервозность доходила до галлюцинацій. Три дня до похоронъ я не могъ найти ни минуты покоя; три ночи не сомкнулъ глазъ. Постоянная тревожная напряженность мысли, старающейся вспомнить что то крайне важное, довела меня почти до безумія.

Послѣ похоронъ это прекратилось.

Прошло шесть недѣль. Я совершенно успокоился, и жизнь моя вошла въ обычную колею. О смерти своего друга я могъ размышлять совершенно спокойно: мысль была послушна строжайшимъ завѣтамъ логики.

Въ тотъ вечеръ я былъ цѣликомъ поглощенъ работой—моимъ новымъ ученымъ трудомъ. Меня охватила досада, когда лакей доложилъ, что какой-то человѣкъ настойчиво добивается свиданія со мной.

— Я говорилъ, господинъ профессоръ, что вы не принимаете,—виновато пояснилъ слуга, — но онъ очень проситъ. Говоритъ, что господинъ профессоръ очень пожалѣетъ, если не приметъ его... Онъ хочетъ сообщить что-то о смерти профессора Х...

— Кто онъ такой?

Лакей пожалъ плечами.

— Онъ очень неважно выглядитъ.

Я приказалъ впустить посѣтителя.

Въ кабинетъ вошла довольно странная фигура.

Субъектъ былъ одѣтъ почти въ лохмотья, нелѣпо висѣвшіе на грузномъ сутуловатомъ тѣлѣ. Красное одутловатое лицо было покрыто клочками рыжей перепутанной шерсти на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно растутъ усы и борода. На головѣ торчали такіе же клочья, вихрастые и растрепанные. Багровый носъ и бѣгающіе слезящіеся глаза выдавали въ немъ алкоголика.

— Кто вы и что вамъ надо? — не скрывая брезгливости и досады, спросилъ я.

Субъектъ вздохнулъ и жалко улыбнулся. Въ глазахъ его промелькнуло близкое, знакомое мнѣ выраженіе, но сразу потухло.

— Вы не можете меня узнать въ этой оболочкѣ, Арнольдъ,—заговорилъ странный посѣтитель и этими простыми словами пригвоздилъ меня къ креслу. Интонація, голосъ были такъ странно похожи на голосъ и манеру говорить моего покойнаго друга.

Я потеръ лобъ, чтобы освободиться отъ страннаго волненія, охватившаго меня.

— Ни вы и никто другой не признаете меня въ этомъ видѣ, — продолжалъ тотъ же голосъ, который странно и нелѣпо было слышать изъ устъ подозрительнаго бродяги. — Я и не разсчитываю на признаніе и зашелъ къ вамъ только затѣмъ, чтобы разсказать свою странную исторію, начавшуюся моей смертью на томъ памятномъ спиритическомъ сеансѣ и, надѣюсь, заканчивающуюся сегодняшнимъ днемъ.

Мнѣ казалось, что я схожу съума. Старый оборванный алкоголикъ, говорившій фамильярнымъ тономъ моего стараго друга, могъ быть уродливой галлюцинаціей, но не больше. Я овладѣлъ собою.

— Если вы собираетесь мистифицировать меня,— началъ я строго, но бродяга перебилъ:

— Тутъ нѣтъ никакой мистификаціи. Я дѣйстви-

тельно вашъ другъ, Арнольдъ. Я дѣйствительно профессоръ Х., но только въ иной оболочкѣ. И въ этомъ — моя трагедія.

Тонъ его голоса былъ подкупающе убѣдителенъ. Я кивкомъ головы выразилъ согласіе выслушать его.

— Я сяду и приступлю прямо къ разсказу, — продолжалъ странный субъектъ, садясь въ то кресло, на которомъ часто проводилъ вечера мой покойный другъ.—Вы на досугѣ сами разберетесь въ томъ, о чемъ я разскажу.

— Мой опытъ аматеріализаціи былъ очень удаченъ въ тотъ вечеръ, Арнольдъ, и результаты его — цѣнный вкладъ въ науку, но имъ, къ сожалѣнію, не повѣритъ никто изъ такъ называемыхъ здравомыслящихъ людей. Я умеръ. Вѣрнѣе, я цѣликомъ отдѣлился отъ тѣла, что и было полной моей аматеріализаціей. Съ этого момента я потерялъ способность чувствовать, но мыслить и дѣйствовать могъ. Я представлялъ собою частицу энергіи, способной дѣйствовать по разумному плану; со мной былъ весь мой интеллектъ, и я нисколько не пострадалъ въ разумѣ, отдѣлившись отъ своего мозгового аппарата. Моимъ стремленіемъ было вернуться опять въ свою бренную оболочку, но этого я не могъ сдѣлать тотчасъ. Мнѣ нужно было побороть вліяніе особой энергіи, стремившейся къ поглощенію меня своей массой, и борьба эта могла занять много времени. Ее можно сравнить съ борьбой человѣка, котораго десятки рукъ не пускаютъ войти въ открытую дверь.

— Мнѣ очень важно было задержать похороны. Я гасилъ свѣчи у своего трупа, давая этимъ сигналы, непонятые окружающими. Я преслѣдовалъ васъ, стараясь внушить вамъ мысль задержать похороны, но все напрасно. Въ моемъ распоряженіи не было тѣхъ грубыхъ эмоцій, на которыя реагируютъ наши нервы и мозгъ, и я не могъ ассоціировать въ васъ своего опредѣленно выраженнаго желанія.

— Похороны состоялись. Я оказался отторгнутымъ отъ своей земной оболочки, но стремленіе вернуться на землю у меня осталось. И это стало возмож-

нымъ: нужно было только занять любую оболочку скоропостижно умершаго человѣка.

— Я нашелъ такую. Какой-то пьяный бродяга замертво упалъ на улицѣ. Я внѣдрился въ его тѣло.

— Проснулся я въ этомъ самомъ тѣлѣ на больничной койкѣ. Въ эту дряблую алкогольную развалину я вселилъ мой интеллектъ, мои знанія и весь духовный багажъ, но... унаслѣдовалъ и отъ него нѣкоторыя органическія привычки. Но объ этомъ — потомъ...

— Мнѣ, естественно, захотѣлось познакомиться съ собой въ новомъ воплощеніи. Кто и чѣмъ боленъ? Черная дощечка надъ изголовьемъ дала точный отвѣтъ: „Иванъ Бургисъ, безработный, 57 лѣтъ. Delirium tremens".

— Да, у меня была бѣлая горячка, у меня, никогда не прикасающагося къ алкоголю!

— Мое новое соціальное положеніе со всей своей безпощадной ясностью опредѣлилось въ тотъ же день. Ко мнѣ пришла жена, то-есть, жена Бургиса, безработнаго пильщика дровъ. Это была грязная, грубая женщина съ воспаленными глазами и слѣдами побоевъ на лицѣ. Какой то комокъ тряпья барахтался у ея груди, а трое грязныхъ ребятишекъ цѣплялись за истрепанный подолъ. Супруга внушала омерзеніе.

— Она долго причитала и бранила меня, называя пьяницей, кровопійцей, и изощрялась въ брани до тѣхъ поръ, пока больничный служитель не выпроводилъ ее изъ палаты.

— Этотъ визитъ укрѣпилъ меня въ мысли, что мнѣ никогда и никому не доказать факта моего перевоплощенія. Любая попытка въ этомъ направленіи привела бы въ сумасшедшій домъ. И я рѣшилъ только повидать васъ, Арнольдъ, разсказать все это и снова уйти изъ жизни людей, но уже безвозвратно...

— Какъ на интересную деталь моего новаго положенія, укажу вамъ, что я сталъ алкоголикомъ. Сегодня утромъ я вышелъ изъ больницы и немедленно пропилъ свое довольно приличное платье, промѣнявъ его на эти лохмотья. Я своимъ профессорскимъ интеллектомъ не могъ побѣдить жажды къ алкоголю клѣ-

точекъ тѣла пильщика Бургиса. Я выполнилъ его программу цѣликомъ и только тогда получилъ способность распорядиться собой.

— Теперь вы понимаете, дорогой Арнольдъ, что профессоръ Х. не можетъ жить Бургисомъ. Это было бы нелѣпо. Кромѣ того и цѣль моей жизни закончена: одинъ человѣкъ знаетъ о томъ, что мой опытъ аматеріализаціи былъ удаченъ.

Онъ кончилъ, и грузная фигура въ лохмотьяхъ скорбно поникла въ креслѣ.

Я не могъ говорить. Я не могъ собрать мыслей, бѣшенымъ потокомъ мчавшихся въ головѣ. Молчалъ пораженный и оглушенный всѣмъ слышаннымъ.

Х. поднялъ на меня глаза Бургиса, но въ нихъ снова теплилось знакомое и близкое мнѣ выраженіе.

— Теперь прощайте, Арнольдъ, нѣтъ, не задерживайте меня — иначе мнѣ будетъ тяжело. Пожмите руку только. Вотъ такъ.

Грубая заскорузлая мозолистая лапа крѣпко стиснула мою руку.

Не глядя на меня, онъ вышелъ изъ комнаты грузной развинченной походкой алкоголика...

*

Мнѣ остается только привести газетную замѣтку изъ отдѣла хроники, напечатанную три дня спустя послѣ страннаго визита Х.

„Самоубійство. Вчера подъ поѣздъ № 3 Р.-Г. жел. дороги бросился безработный пильщикъ И. Бургисъ, 57 лѣтъ. Несчастный раздавленъ на смерть. Послѣ самоубійцы осталась жена и четверо дѣтей".

Партія въ кости.

Посвящается Вл. Нив. Туманскому.

I.

Было поздно, когда вошелъ этотъ гость. Длинновязый Бартоломео собирался покинуть погребокъ и задержался на минутку, чтобы ущипнуть за подбородокъ служанку Клару и сказать ей пару словъ—тѣхъ словъ, какія рождаются въ душѣ, согрѣтой старымъ каталонскимъ,

Поздній гость былъ закутанъ въ длинный черный плащъ; широкополая шляпа съ бѣлымъ перомъ почти совсѣмъ закрывала лицо. Вошелъ онъ такъ странно, что, казалось, будто двери ни при чемъ въ его появленіи: просто тѣнь выросла у входа.

— Вина, Мигуэль, да такого, какое бы не раздражило моего горла: оно у меня нѣжной конструкціи.

Говоря это, гость опустился на скамью, небрежно скинувъ плащъ съ плеча и сдвинувъ на затылокъ шляпу. Трактирщикъ успѣлъ охватить взглядомъ и дорогой бархатный колетъ на гостѣ, и рукоять шпаги, осыпанную драгоцѣнными камнями. Это придало ему бодрости: низко кланяясь, толстякъ скрылся въ отдушинѣ подвала.

Хорошенькую Клару поразило блѣдное красивое лицо незнакомца. Оно было цвѣта пергамента, а глаза сверкали мрачнымъ блескомъ черныхъ брилліантовъ. Незнакомецъ улыбнулся Кларѣ, но она не отвѣтила на улыбку—отшатнулась и поблѣднѣла: холодомъ мрака вѣяло отъ красоты гостя.

Что касается Бартоломео, то онъ обрадовался новому собутыльнику. Легкомысленная душа стараго художника была до краевъ наполнена гармоніей и красками. До такой степени наполнена, что потребность излить ее кому-нибудь, кто бы былъ хоть чуточку внимательнѣе алгвазилла, въ этотъ моментъ стала жизненной необходимостью для Бартоломео. Покачиваясь на тощихъ длинныхъ ногахъ, онъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ незнакомецъ.

II.

Спустя пять минутъ они пили вино, и художникъ болталъ... Погребокъ, освѣщенный масляной лампой, коптившей подъ потолкомъ среди свиныхъ окороковъ и колбасъ, подвѣшенныхъ къ балкамъ,—былъ мраченъ. Клара забилась въ уголъ за очагомъ, куда не достигалъ взглядъ незнакомца; толстякъ трактирщикъ примостился передъ огнемъ. Огня было немного въ очагѣ —тлѣли догорающіе угли, бросая красноватый отблескъ на кирпичный полъ.

Подъ закоптѣлыми сводами сгущался мракъ.

— Уважаемый донъ,—говорилъ Бартоломео, поднявъ кубокъ и любуясь топазовыми искрами, вспыхивавшими на поверхности вина,—художнику нужно жить тысячелѣтія, чтобы постигнуть тайну красоты и умѣніе передать ее на холстѣ. Человѣческая жизнь слишкомъ коротка для этого. Клянусь святымъ Іосифомъ! Взять хоть меня. Я сорокъ лѣтъ работалъ и многаго достигъ, но, по совѣсти говоря, въ искусствѣ не сдвинулся съ альфы. Будь въ моемъ распоряженіи еще сорокъ лѣтъ —я бы могъ постичь хоть тайну смѣшенія красокъ... А теперь...

Бартоломео съ горькой улыбкой прикоснулся къ сѣдымъ волосамъ, падавшимъ грязными, плоскими прядями на плечи, и поднесъ кубокъ ко рту.

— Теперь мнѣ не закончить работы... Ахъ, если бы можно было вернуть назадъ лѣтъ 20—30!

Незнакомецъ маленькими глотками пилъ вино.

Онъ слушалъ молча, и лукавымъ лучомъ дрожала на его губахъ улыбка.

Глядя въ упоръ на художника, почти обжигая его взглядомъ, онъ сказалъ вдругъ:

— А это возможно.

Слышали эту фразу и трактирщикъ, и Клара. Мигуэль вытаращилъ глаза на страннаго человѣка, а лицо Клары испуганно выглянуло изъ за очага и скрылось.

— Это возможно, донъ Бартоломео, — спокойно повторилъ незнакомецъ, точно рѣчь шла о займѣ нѣсколькихъ монетъ.—Только это сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ. Это—игра. Простая игра въ кости.

Странный гость добылъ изъ кармана игральныя кости. На лицѣ его не было и тѣни улыбки, когда онъ пояснилъ:

— Это—единственная пара костей на свѣтѣ, въ которую можно играть на года. Можно выигрывать и проигрывать года жизни.

Кости ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ игральныхъ костей. Трактирщикъ хитро улыбнулся, подмигнувъ Кларѣ.

— Молодчику хочется играть, а съ нашего дона Бартоломео, кромѣ дырявыхъ штановъ, взять нечего— поиграютъ въ шутку на года.

Но Клара покачала головой. Незнакомецъ и кости пріобрѣтали въ ея глазахъ зловѣщій смыслъ. Колдовствомъ, дьявольскимъ навожденіемъ повѣяло на ея душу.

— Это будетъ скверно, хозяинъ, если донъ Бартоломео станетъ играть съ нимъ, - сказала она, поблѣднѣвъ.—Господи, спаси его душу!

III.

Бартоломео не сразу понялъ въ чемъ дѣло. Незнакомцу пришлось повторить объясненіе:

— Выигрывая, вы будете молодѣть на соотвѣтствующее количество лѣтъ. Проигрывая — старѣть. Въ этомъ вся суть игры. Вы располагаете капиталомъ для игры въ 10 лѣтъ, это—предѣлъ вашей жизни. Пустите его

въ оборотъ и передъ вами — возможность стать юношей.

У Бартоломео вспотѣлъ лобъ. Точно молніей освѣтила мозгъ увѣренность, что здѣсь шуткѣ — не мѣсто. Дрожащей рукой онъ взялъ кости...

— Десять лѣтъ... десять лѣтъ... этого мало... мало,—пробормоталъ старикъ.—До жестокости мало... Я хочу играть.

И началась самая странная игра въ мірѣ, гдѣ ставками были года.

Сухо щелкали кости въ стаканѣ, точно пальцы скелета. Бартоломео трясъ ихъ и медлилъ съ первой ставкой. Наконецъ рѣшился:

— Десять лѣтъ,—глухо, дрожащимъ голосомъ выронилъ онъ.

Незнакомецъ одобрительно кивнулъ головой.

Звякнувъ, покатились по столу кости. Выпало 7 очковъ.

Охваченный страннымъ напряженіемъ, трактирщикъ подошелъ къ игрокамъ.

Незнакомецъ собралъ кости. Длинные гибкіе пальцы небрежно встряхнули стаканъ.

Бартоломео тяжело дышалъ. Навалившись грудью на столъ, онъ не сводилъ глазъ съ руки партнера.

Опять прыгнули на столъ кости.

— Пять,—равнодушно объявилъ незнакомецъ. — Вы выиграли.

— Матерь Божія! — раздался изъ-за очага вопль служанки.

Трактирщикъ всплеснулъ руками и отшатнулся отъ художника блѣдный, какъ мертвецъ.

— Клянусь святымъ Николаемъ, вы точь-въ-точь стали такимъ, какимъ я васъ зналъ десять лѣтъ тому назадъ, донъ Бартоломео! — пролепеталъ онъ въ ужасѣ.

Художникъ почувствовалъ приливъ молодости и попросилъ у Клары зеркало. Дѣвушка съ трудомъ рѣшилась подойти къ нему и сдѣлала это, крестясь и читая молитвы.

— Готовъ поклясться всѣми вѣдьмами міра, —

воскликнулъ Бартоломео, поглядѣвъ въ зеркало, — я выигралъ 10 лѣтъ жизни!

Мрачный незнакомецъ улыбнулся, кидая кости въ стаканъ.

— Можете и еще выиграть,—сказалъ онъ.

IV.

Трактирщикъ и служанка провели затѣмъ кошмарные полчаса. Впослѣдствіи оба передъ лицомъ инквизиціи описали подробности этой необыкновенной игры въ кости, и оба слово-въ-слово разсказали одно и то же.

Мрачный игрокъ оставался неизмѣннымъ во все время игры. Лицо же Бартоломео то старѣло вдругъ, покрываясь морщинами, то молодѣло. Лицо и осанка художника мѣнялись ежеминутно. Мигуэль и Клара точно бредили наяву.

Бартоломео дрожалъ отъ азарта. Его захватили процессъ игры и калейдоскопическая смѣна ощущеній въ зависимости отъ перемѣны возраста.

— Мнѣ жизнь нужна, сколько угодно жизни, — лепеталъ дрожащимъ голосомъ художникъ, и алчность горѣла въ его глазахъ — алчность ростовщика, пересыпающаго руками червонцы...

Роковое случилось въ 12 часовъ. Часы на церкви св. Иннокентія начали бить полночь. Бартоломео назвалъ ставку. Партнеръ его улыбнулся.

— Не зарвитесь, донъ Бартоломео,—сказалъ онъ: —крайности опасны.

— Одну только игру... только одну игру... — умоляюще пробормоталъ художникъ.

Съ послѣднимъ ударомъ колокола на башнѣ кости принесли Бартоломео выигрышъ: 12 и 1.

И вдругъ то, что было художникомъ Бартоломео Бентона, поникло и грудой тряпокъ свалилось подъ столъ. Комокъ одежды, въ которомъ шевелилось и пищало что-то.

Мрачный игрокъ всталъ и разсмѣялся.

— Ну, съ этимъ мнѣ играть не приходится, — сказалъ онъ, собирая кости и бросая на столъ золотой.—Получи, хозяинъ, да постарайся воспитать то, что осталось отъ дона Бартоломео, въ духѣ меньшей алчности къ жизни.

И ушелъ. Точно растворился въ мракѣ у выхода такъ же, какъ и вошелъ.

Трактирщикъ, стуча зубами отъ страха, окинулъ взглядомъ опустѣвшій погребокъ. Комокъ платья, трепыхавшійся подъ столомъ, — вотъ все, что осталось отъ двухъ игроковъ.

Толстякъ позвалъ Клару, но дѣвушка наотрѣзъ отказалась выйти изъ своего угла.

Чуть дыша, съ замирающимъ сердцемъ подошелъ Мигуэль къ одеждѣ и приподнялъ ее...

Новорожденный ребенокъ выскользнулъ изъ оранжевыхъ панталонъ дона Бартоломео и упалъ на полъ, извиваясь и крича отъ холода и боли...

*

Въ толедскомъ музеѣ инквизиціи, среди древнихъ пергаментовъ, есть запись, гласящая:

„16 сентября сожженъ во славу Божію нечестивецъ живописецъ Бартоломео Бентона, 67 лѣтъ, знавшійся съ дьяволомъ и колдовскимъ способомъ превращенный въ новорожденнаго младенца".

Воплощенный призракъ.

„Сны иногда открываютъ намъ картины прошлыхъ существованій, которыхъ не можетъ помнить наше современное существо".

К. Фламмаріонъ.

Онъ любилъ ее. Въ глазахъ его сіяла любовь, но она не озаряла глубинъ души: сѣрые глаза казались Гердѣ завѣсой, скрывавшей темныя нѣдра. Странные глаза: точно въ далекомъ прошломъ когда-то они потухли и стали непроницаемыми, какъ стальная переборка. И чувства, казалось, въ нихъ вспыхивали только на поверхности, какъ отраженья въ зеркалѣ.

Это и еще другое мучило Герду. Часто она боялась своего жениха. Иногда одинъ взглядъ его леденилъ душу, вызывая въ ней что-то, похожее на ощущеніе давно пережитаго кошмара.

Мгновенья эти были пыткой; Герда боялась говорить о нихъ. Она любила его — этого сѣдѣющаго уже человѣка. Любила со всей нѣжностью и горячностью, на какія способна лишь экспансивная дѣвушка 18 лѣтъ. И отъ сочетанія счастья любви съ минутами кошмаровъ, любовь ея казалась головокружительнымъ паденіемъ въ бездну; была сплетеніемъ яркаго жгучаго пламени съ ослѣпляющимъ мракомъ полярной ночи.

. . . . . .

Въ глазахъ родителей онъ былъ хорошей партіей: человѣкъ съ милліоннымъ состояніемъ въ иностранной валютѣ. Русскій по происхожденію, онъ почти всю

жизнь провелъ заграницей, собственнымъ трудомъ составляя богатство. Имя его очень нравилось Гердѣ; оно къ тому же было и старымъ русскимъ дворянскимъ именемъ: Анатолій Порфировичъ Греминъ.

Онъ много и подробно разсказывалъ о своихъ скитаніяхъ по земной планетѣ, но никогда не вспоминалъ родины и юности. Коротко сообщилъ, что въ юности сталъ политическимъ эмигрантомъ. Даже наединѣ Гердѣ ничего не сказалъ объ этомъ своемъ прошломъ. Разъ только сообщилъ съ видимымъ душевнымъ страданіемъ:

— Я бѣжалъ изъ Сибири. Давно это было: 20 лѣтъ тому назадъ.

И тогда именно Герда впервые на мгновенье почувствовала свой безпричинный ледяной ужасъ: точно Сибирь дохнула въ душу мощью чудовищныхъ морозовъ.

•

Свадьба должна была состояться въ маѣ. Греминъ уѣхалъ въ Парижъ за свадебнымъ подаркомъ. Герда среди суеты приготовленій жила, какъ во снѣ. Близость брака вселяла трепеты счастья; въ то же время и странная тревога поселилась въ душѣ.

Очень часто чувство тревоги выливалось въ настойчивое безпокойное желаніе вспомнить что-то. Это что-то было подъ глубокимъ мракомъ страннаго прошлаго, въ которое звала душа, но куда не могло проникнуть сознаніе. Подчасъ Гердѣ казалось, что она улавливаетъ нить и вотъ-вотъ вспомнитъ... Точно слабый лучъ свѣта прорѣзалъ мракъ. Но лучъ потухалъ не вызвавъ ясной картины, и нить обрывалась. Въ головѣ оставалась лишь мучительная боль.

Герда стала очень нервной: напряглись всѣ фибры ея существа въ мучительныхъ попыткахъ побороть мракъ и овладѣть какой-то загадкой. Она чувствовала, что ключъ къ разрѣшенію ея состоянія былъ у жениха. Отсутствіе его становилось поэтому почти невыносимымъ.

•

Это былъ сонъ.

Герда другая. Она значительно старше, но и вдвое прекраснѣе. Брилліанты потоками лучей обвиваютъ ея волосы, шею, руки... Она на эстрадѣ. Поетъ, вызывая бурю восторга среди слушателей...

Но страненъ городъ, гдѣ она находится... Весь занесенъ снѣгомъ. Дома деревянные — бревенчатые. Улицы темныя и пустынныя...

Зима? Да, это зима. А городъ — въ Сибири.

...Шумный успѣхъ. Ревъ восхищенныхъ зрителей. Артистка Герда снисходительно принимаетъ овацiи. Она — столичная извѣстность и изъ прихоти даритъ лучъ искусства людямъ, погруженнымъ въ холодъ зимней сибирской ночи...

И во снѣ точно двѣ Герды. Одна на эстрадѣ, а другая — настоящая Герда, которая смотритъ какъ бы со стороны на артистку. Странное раздвоеніе и двойная жизнь, но во снѣ въ этомъ нѣтъ ничего страннаго для Герды. И живя на сценѣ артисткой, она живетъ и другой—нынѣшней Гердой, созерцая себя въ какомъ-то странномъ прошломъ.

...Юноша. Въ толпѣ она замѣтила и отмѣтила его. Юноша съ сіяющими глазами и упрямымъ подбородкомъ. Сильная воля въ этомъ подбородкѣ, а въ глазахъ — сверканье страсти.

Герда ласково улыбнулась ему.

...Это была прихоть артистки: номеръ въ какой-то загородной гостиницѣ. Она — артистка Герда — и юноша. Вдвоемъ...

Поздній вечеръ. Бревна трещатъ отъ мороза... На столѣ — вино и фрукты... Юноша наливаетъ бокалы, и тутъ Герда узнаетъ его: это — Греминъ, очень молодой, значительно моложе ея. Она называетъ его мальчикомъ и со снисходительной нѣжностью даритъ ему любовь...

Герда много выпила вина. Анатолій подноситъ ей еще бокалъ, полный пѣнящейся влаги. Въ глазахъ застыло что-то странное.

— Выпей, любимая моя.

И она выпила.

. . . Сонъ... непобѣдимый сонъ овладѣлъ ею...

Потомъ Герда видѣла себя въ той же комнатѣ, на диванѣ — только въ сорочкѣ. Платье, сорванное съ нея, валялось на полу, а Греминъ стоялъ надъ нею и жадно срывалъ съ нея драгоцѣнности... Она была неподвижна и не могла пошевелиться — казалась мертвой въ своемъ тяжеломъ непобѣдимомъ снѣ.

Греминъ собралъ всѣ драгоцѣнности и спряталъ ихъ въ обшивку дивана. Потомъ открылъ форточку въ окнѣ, съ трудомъ оторвавъ примерзшую створку, и самъ легъ въ постель, укутавшись съ головой одѣяломъ и мѣхами...

Обнаженное тѣло Герды стыло отъ чудовищнаго мороза, наполнившаго комнату... Она начала превращаться въ ледъ...

. .

Герда проснулась странно-оцѣпенѣлая. Она не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія сна: кошмаръ вошелъ въ душу. Точно въ ней поселилась та, другая — артистка — вошла въ ея существо, замороженная, окоченѣлая.

Герда какъ бы раздвоилась послѣ этого сна. Наяву она переживала странный сонъ и очень часто чувствовала себя не нынѣшней Гердой, а той артисткой. Окружающее становилось чуждымъ.

Только Греминъ могъ разсѣять кошмаръ — однимъ властнымъ увѣреннымъ словомъ. И Герда ждала его. Ждала съ ужасомъ и надеждой... Остальныя чувства точно застыли въ ней. Даже себѣ она казалась выходцемъ изъ другого міра. Жила какъ тѣнь среди живыхъ... А бракъ ей казался уже медленно-надвигающейся катастрофой...

. .

Когда пріѣхалъ Греминъ, пробудился вновь трепетъ любви. Живая сила вспыхнула въ груди и вызвала къ жизни весеннія солнечныя улыбки счастья. Но онѣ были омрачены кошмарной загадкой сна. Гер-

да не могла жить съ этой тяжестью на душѣ. Едва они остались одни, Герда все разсказала Гремину.

Они сидѣли рядомъ на низкой тахтѣ. Сумерки сплетали вуаль вечера. Рука Гремина держала руку Герды.

Герда разсказывала своей сонъ, не глядя на Гремина — ей почему-то страшно было взглянуть на него, — но она почувствовала, какъ задрожала сперва рука жениха, а потомъ крѣпко стиснула ея руку. Она вскрикнула отъ боли.

— Продолжай!

Онъ почти прохрипѣлъ это. Лицо его стало сѣрымъ, а глаза — стальной переборкой. Но Гердѣ показалось, что за непроницаемостью взгляда рождается ужасъ.

И она почувствовала этотъ ужасъ—ужасъ передъ неотвратимой катастрофой. Но она продолжала подробно и безпощадно описывать всѣ детали сна. Разсказъ ея точно гасилъ жизнь Гремина: лицо его блѣднѣло, а сталь глазъ таяла—въ нихъ наростала бездна ужаса.

Греминъ всталъ съ тахты и, глядя на Герду широко открытыми глазами, медленно сталъ подаваться къ дверямъ — задомъ, загородившись руками отъ нея, точно отъ чудовищнаго призрака.

Въ сумракѣ вечера онъ былъ страшенъ—человѣкъ, потерявшій все человѣческое подъ вліяніемъ смертельнаго ужаса.

Герда подумала, что онъ сошелъ съ ума.

— Боже мой, Анатолій, что съ тобой?

Она хотѣла подойти къ нему, но Греминъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Не подходи... Ты... ты... Призракъ... О, я проклятый!

— Анатолій!

Но онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Безумный страхъ толкнулъ за нимъ Герду.

На лѣстницѣ она увидѣла только силуэтъ его, быстро исчезнувшій въ темени. Герда остановилась возлѣ открытыхъ дверей. Сердце ея билось судорожными толчками... Вдругъ волна безысходной тоски за-

хлестнула душу: нужно позвать, вернуть Гремина... Нужно разсѣять кошмаръ, нужно проснуться отъ какого-то чудовищнаго сна...

Герда заметалась по площадкѣ лѣстницы, заломивъ руки, и кинула въ нѣдра темныхъ пролетовъ вопль отчаянія и мольбы:

— Анатолій!

Стукнула внизу выходная дверь — точно гробовая крышка упала...

Тишина.

Утренняя почта принесла Гердѣ письмо. Написанное угловатыми неровными буквами, съ чернильными брызгами и кляксами, оно было тѣмъ ключомъ, который искала Герда.

„Я не могу жить съ этимъ ужасомъ, безконечно любимая моя. Провидѣніе мнѣ отомстило за жизнь, когда то прерванную мною... Твой кошмаръ — быль. Да, я усыпилъ и ограбилъ женщину, симулировавъ затѣмъ несчастный случай—замерзаніе въ пьяномъ видѣ, 20 лѣтъ тому назадъ... Она была извѣстной артисткой и я любилъ ее... Но мнѣ нужны были средства, чтобы бѣжать изъ ссылки... Душа ея воплотилась въ тебѣ, Герда... Ты — воплощеніе той женщины, ты похожа до мелочей на нее и, можетъ быть, потому-то я и полюбилъ тебя... Но нѣтъ... Это—рокъ, это—месть за преступленіе... Я долженъ теперь прервать свою жизнь, какъ прервалъ когда-то твою, моя свѣтлая греза и мой ледяной кошмаръ.

Проклятье надо мной... Но почему Богъ не пожалѣлъ тебя, любимая? Зачѣмъ Онъ вложилъ въ тебя воспоминанія о томъ кошмарѣ? Вѣдь ты тогда умерла счастливая и любимая...

А какое безмѣрное счастье насъ ожидало... И нѣтъ его... Прощай“...

Обрывалось письмо и оборвалась послѣдняя свѣтлая ниточка въ душѣ. Бумага выпала изъ рукъ Герды, а слезы—холодныя, мучительныя — закапали на судорожно переплетенные пальцы.

— Анатолій... Зачѣмъ... Мы могли бы быть еще счастливы... Зачѣмъ... Зачѣмъ ты ушелъ? И зачѣмъ эти воспоминанія?

Мысль безпомощно билась среди вопросовъ отчаянія, и некому было отвѣтить на нихъ...

Солнце, кружившее лучезарныя пылинки въ своемъ золотомъ лучѣ, тоже не могло дать отвѣта: оно было черезчуръ праздничнымъ и живымъ...

Зачѣмъ?

Чертовщина на Діанѣ.

Посвящается Г. Г. Дайберу.

I.

Началось съ того, что пропалъ второй помощникъ—Іонъ Партенъ. Онъ не отличался безукоризненнымъ поведеніемъ на берегу, но, что касалось службы, — не было человѣка аккуратнѣе и пунктуальнѣе его.

Норвежецъ Тибольдъ поздно вечеромъ, наканунѣ отплытія шхуны, доставилъ Партена на бортъ. Два матроса-шведа, задраивавшіе люкъ, видѣли грузную фигуру второго помощника, остановившуюся надъ трюмомъ. Если въ темнотѣ трудно было разглядѣть лицо Партена, то невозможно было ошибиться въ его голосѣ, пожелавшемъ шведамъ „провалиться къ чортовой бабушкѣ и ея внукамъ". Это обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наблюденіями Тибольда, создало убѣжденіе, что Іонъ Партенъ былъ въ достаточной степени „нагруженъ". Впрочемъ, Іонъ Партенъ никогда не возвращался съ берега трезвый, и этотъ фактъ не могъ освѣтить происшествія. Матросы-шведы были послѣдними, видѣвшими и слышавшими Іона Партена. Послѣ нихъ уже никто не видалъ второго помощника: онъ исчезъ, точно призракъ. Шведы клялись, что Іонъ Партенъ исчезъ прямо у нихъ на глазахъ; что же касается Тибольда, то онъ склоненъ былъ думать, что переправилъ въ этотъ вечеръ на шхуну оборотня.

Подняли якорь безъ второго помощника. Капитанъ былъ мраченъ: исчезновеніе Іона Партена ему крайне не нравилось. Старый морякъ, просоленный и

просмоленный насквозь, — онъ былъ начиненъ суевѣріями, какъ послѣдній матросъ. Стоя у шкафута и раскуривая трубку въ то время, какъ „Діана“, забравъ полный вѣтеръ, оставляла за собой Нордентальскій маякъ, онъ говорилъ помощнику:

— Жалко Іона, чортъ возьми! Хорошій былъ морякъ... Пропалъ ни за грошъ... Это штуки стараго Хегга, Кедровъ, могу поклясться въ этомъ... Да, и могу замѣтить, что это не предвѣщаетъ намъ ничего хорошаго.

Старикъ мрачно покачалъ головой. Кедровъ улыбнулся.

— Мнѣ тоже жалко Партена, — сказалъ онъ. — Іонъ былъ хорошимъ товарищемъ. Непріятно, что онъ пропалъ такимъ образомъ, и непріятно еще, что мы безъ второго помощника. Что же касается самаго исчезновенія Іона, то тутъ я не вижу ничего таинственнаго и загадочнаго: пьяный упалъ за бортъ — и все тутъ.

Капитанъ исподлобья взглянулъ на помощника. Взглядъ былъ недружелюбный и насмѣшливый. Старый морякъ недолюбливалъ молодыхъ дипломированныхъ моряковъ; они, по его мнѣнію, слишкомъ легкомысленно относились къ морю и не понимали его.

— Вы, что хотите, то и думайте, Кедровъ, — проворчалъ онъ. — Я вамъ одно скажу: Іонъ сотни разъ прогуливался по этой палубѣ, пьяный, какъ Ной послѣ потопа, и никогда не падалъ за бортъ... Вчера же была годовщина... знаете чего... и Хеггъ появился... Не улыбайтесь, пожалуйста... На морѣ, молодой человѣкъ, случаются странныя вещи, и цѣну имъ я знаю. Распорядитесь зарифить гротъ!

Помощникъ, пожавъ плечами, отправился исполнять приказаніе. Капитанъ, окинувъ взглядомъ море и острова, темными пятнами рисовавшіеся на юго-востокѣ, сошелъ къ себѣ въ каюту. Шведъ Янсонъ, мимо котораго прошелъ капитанъ, слышалъ странную фразу, сказанную вполголоса:

— Несомнѣнно, это — штуки Хегга... А вы еще

черезчуръ дипломисты, молокососъ, чтобы хоть сколько-нибудь понимать въ этомъ.

II.

На бакѣ и въ кубрикѣ къ случаю съ Іономъ Партеномъ отнеслись съ должнымъ вниманіемъ. Матросскія души вплотную подошли къ тайнѣ и слились съ ея мракомъ. Загадочная фраза капитана, подхваченная Янсономъ, подлила масла въ огонь. Дюжина людей, ложась въ этотъ вечеръ по койкамъ, была въ возбужденномъ состояніи, и имя Іона Партена не сходило съ устъ, причемъ неизмѣнно ставилось въ связь съ таинственнымъ Хеггомъ.

Готлибъ Андерсенъ намекнулъ, что ему извѣстно, какова птица старый Хеггъ. Юнецъ Янсонъ, полный чисто-дѣтскаго любопытства, высунулъ голову, заслышавъ слова стараго Готлиба.

— Ребята, — крикнулъ онъ, — Андерсенъ долженъ намъ разсказать про Хегга. Тутъ кроется что-то... Про „Діану“ мнѣ и раньше приходилось слышать кое-что дурное.

— Брось, дуракъ! — Осадилъ его мрачный Тибольдъ.—Меня морозъ пробираетъ, какъ подумаю я, что вмѣсто второго помощника везъ въ гичкѣ оборотня. У „Діаны“, парень, есть своя тайна, и у многихъ судовъ она имѣется... Проникать въ тайну — только бѣду накликать на свою голову.

Андерсенъ стягивалъ сапогъ и потѣлъ отъ натуги. На слова Тибольда онъ замѣтилъ, переводя духъ:

— Тибольдъ говоритъ правду. Нечего говорить о Хеггѣ.

Но трудно было успокоить разожженное любопытство.

— Эй, старина, — сказалъ длинновязый англичанинъ Томсонъ, — если началъ говорить, то выкладывай все, что знаешь. Кто такой Хеггъ?

Андерсенъ справился съ сапогомъ и поднесъ его къ свѣту. Онъ разсматривалъ подошву, ощупывалъ

верхъ, пробуя изъяны, и точно не замѣчалъ всеобщаго возбужденія.

— Эй, кто-нибудь! — возмутился Іерсъ Хенсенъ, лежавшій на дальней койкѣ, въ углу. — Вышибите сапогъ у старой обезьяны. Андерсенъ, у тебя спрашиваютъ, кто такой твой Хеггъ?

Старый матросъ отложилъ сапогъ и оглянулся на койки. Всюду виднѣлись темныя головы и лица, полныя напряженнаго вниманія. Только норвежецъ былъ мраченъ и неодобрительно покачивалъ головой.

Андерсену оставалось только развязать языкъ: матросы на „Діанѣ“ были настойчивымъ народомъ, и старикъ зналъ это.

— Ну, чортъ съ вами,—сказалъ онъ, расправивъ ладонью сѣдые, колючіе, какъ репейникъ, усы.—Хеггъ, это—прежній владѣлецъ „Діаны“.

— Ну?

Десятокъ ртовъ сразу произнесъ это побужденіе. Готлибъ Андерсенъ сплюнулъ.

— Тьфу! Пристали! Ну, и онъ повѣсился на этой самой шхунѣ, на гротъ-реѣ въ одну ненастную осеннюю ночь.

Наступило молчаніе. Слышались удары волнъ въ борта. Лампа на потолкѣ раскачивалась, кружась.

— Такъ,—вздохнулъ Гомсонъ,—а дальше что?

— А тебѣ что еще надо? — огрызнулся Андерсенъ.

И добавилъ мрачно:

— Хеггъ появляется на палубѣ „Діаны“ въ годовщину смерти, и тогда нѣсколько дней на суднѣ творится чортъ знаетъ что. Въ трюмѣ — стукъ по ночамъ, мачты трещатъ и скрипятъ, точно въ ураганъ. Въ ночную вахту исчезаютъ матросы, какъ исчезъ Іонъ Партенъ.

Всѣмъ стало не по себѣ. Веселое лицо Янсона потускнѣло. Онъ спросилъ боязливо:

— А когда бываетъ эта годовщина, Готлибъ?

— 15 октября, парень... вчера, значитъ...

Янсонъ поблѣднѣлъ и окинулъ растерянными взглядомъ товарищей.

— Господи! А вѣдь моя сегодня ночная смѣна.

— И моя тоже, — буркнулъ Тибольдъ.—Очень-то мнѣ нужно было знать про вашего проклятаго Хегга.

III.

Ночь была темная. Густыя облака скрывали звѣзды, и моросилъ мелкій дождь. Свѣжій вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ, и волны лязгали о борта, вскидывая хлопья пѣны на бульверки.

Янсонъ прохаживался по палубѣ, придерживаясь за тросы и, хотя влѣво отъ себя видѣлъ черную фигуру Тибольда, закутанную въ непромокаемую куртку, а сзади, на мостикѣ, штурмана — чувствовалъ себя неважно. Онъ старался держаться подальше отъ бульверковъ и поближе къ норвежцу. Нервы были напряжены, а мускулы въ полной готовности отразить нападеніе. Молодому шведу казалось, что мракъ ночи таитъ угрозу, что за нимъ неусыпно слѣдитъ кто-то невидимый, выжидающій случая сыграть скверную шутку вродѣ той, что была сыграна со вторымъ помощникомъ капитана.

По шканцамъ скользнула тѣнь. Янсонъ могъ поклясться, что видѣлъ, какъ развѣвалась и хлопала пола плаща на ней. Тѣнь исчезла, только на короткое мгновеніе показавшись Янсону. Зубы шведа лязгнули. Скрипъ реи въ эту минуту показался ему зловѣщимъ и угрожающимъ.

— Тибольдъ! — позвалъ онъ.

Тибольдъ не слыхалъ зова. Онъ стоялъ, точно изваяніе, пораженный какимъ-то загадочнымъ явленіемъ. Одной рукой онъ ухватился за канатъ, а изогнутый напряженный станъ говорилъ, что Тибольдъ прислушивается къ чему-то.

Янсонъ шагнулъ къ товарищу.

— Тибольдъ ..

Норвежецъ рѣзко повернулся и схватилъ Янсона за руку.

— Тс... Накликали чертовщину на свою голову... Слушай...

Ледяная дрожь обдала тѣло Янсона. Скрипъ рей, удары волнъ въ борта и свистъ вѣтра надъ головой пріобрѣли въ эту минуту роковой, зловѣщій смыслъ.

— Слышишь... въ трюмѣ...

Теперь и шведъ услыхалъ глухой стукъ: точно изнутри ломались въ люкъ трюма.

— Господи, — прошепталъ онъ, — спаси и помилуй .. Это, конечно, Хеггъ...

У Тибольда дрожала челюсть отъ страха. Онъ кивнулъ головой.

— Да... да... Нужно пойти къ помощнику.

Оба ринулись на мостикъ, толкая другъ друга, точно спасаясь отъ погони. Помощника не оказалось на мостикѣ. Рулевой переполошился, увидѣвъ вахтенныхъ.

— Помощникъ сошелъ внизъ на минуту,—сказалъ онъ. — А съ вами что, ребята?

Ему кратко разсказали, въ чемъ дѣло. Лицо рулевого перекосилось.

— Не покидайте меня, друзья, — взмолился онъ. —Я умру отъ страха, если оно покажется.

— Не смѣй бросать руля! — крикнулъ ему Тибольдъ, и они оба съ Янсономъ скатились кубаремъ съ мостика.

Они столкнулись съ темной фигурой въ плащѣ, точно вынырнувшей изъ-подъ палубы. Янсонъ дико завопилъ: это была та самая тѣнь, что проходила по шканцамъ. Тибольдъ съ хриплымъ крикомъ кинулся на привидѣніе.

Оно оказалось далеко не безплотнымъ духомъ. Ловко увернувшись отъ норвежца, тѣнь закатила ему такой звонкій ударъ по скулѣ, что Тибольдъ пошатнулся. Два удара, нанесенные съ молніеносной быстротой, свалили его на палубу. Голосъ помощника крикнулъ гнѣвно:

— Вы что это, негодяи? Бунтъ?!

Знакомый голосъ помогъ Янсону оправиться отъ страха. Отступая передъ разсвирѣпѣвшимъ штурманомъ, онъ нашелъ силы заговорить:

— Простите... но на суднѣ творятся ужасныя вещи... Мы видѣли призракъ... Въ трюмѣ стучатъ...

— Дураки оголтѣлые! — выбранился Кедровъ. — Какой стукъ? Гдѣ привидѣніе?

— На.. шканцахъ я видѣлъ тѣнь въ плащѣ.

— Когда?

— Минутъ десять назадъ.

Помощникъ разразился смѣхомъ. Тибольдъ поднялся съ палубы и подошелъ къ нимъ.

— Это я проходилъ тамъ десять минутъ назадъ... —сказалъ штурманъ, корчась отъ хохота.

— Я этого не видалъ, — мрачно сказалъ Тибольдъ, — но стукъ въ трюмѣ слышалъ ясно... Его и вы можете услышать, господинъ помощникъ.

Кедровъ пересталъ смѣяться. Прослушавъ еще разсказъ о таинственныхъ стукахъ, онъ хлопнулъ себя ладонью по лбу.

— Идемъ! — рѣшительно заявилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженій.

Такъ какъ онъ направился прямо къ трюму, то матросы нѣсколько сдержали шагъ и очутились далеко позади начальника. Глухой стукъ попрежнему раздавался въ трюмѣ: чѣмъ-то тяжелымъ настойчиво барабанили въ филенки люка.

— Что онъ будетъ дѣлать? — спросилъ Янсонъ, дрожа отъ страха.

Неподалеку отъ трюма столпилась уже кучка матросовъ. Тревога съ палубы проникла въ кубрикъ и выгнала ихъ изъ коекъ. Они мрачно шептались, и появленіе помощника прекратило этотъ шопотъ. Нѣсколько угрожающихъ возгласовъ коснулись все-таки слуха Кедрова:

— Нужно разбудить капитана...

— Потребовать, чтобы онъ велъ насъ обратно...

— Судно во власти чертовщины.

Но тутъ появился и самъ капитанъ. Зычный голосъ стараго моряка точно ушатъ воды вылилъ на недовольныхъ. Какъ переполошенное стадо овецъ, они столпились у борта.

— Что тутъ такое?

Стукъ въ трюмѣ привлекъ его вниманіе. Капитанъ крякнулъ и многозначительно взглянулъ на помощника. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ страшно затрещали мачты и закачались, грозя рухнуть на палубу. Шхуна странно накренилась, чуть не зачерпнувъ воду бортомъ. Паруса заполоскали, треща по швамъ, и рангоутъ зловѣще заскрипѣлъ. Ужасъ охватилъ людей. Матросамъ стало ясно, что судномъ овладѣла нечистая сила. Послышались вопли и молитвы. А страшный стукъ въ трюмѣ раздавался попрежнему.

— Что это еще, чортъ возьми!?—крикнулъ остолбенѣвшій капитанъ.

Но Кедровъ сообразилъ уже въ чемъ дѣло. Онъ быстрѣе птицы помчался къ рулевому колесу.

Минуту спустя, судно выправилось. Кедровъ съ мостика звалъ рулевого, и странное поведеніе корабля объяснилось. Напуганный общей сумятицей, рулевой бросилъ штурвалъ и присоединился къ матросамъ, отъ страха забывъ, что судну угрожала гибель. Онъ пошелъ на зовъ Кедрова, не проявляя, впрочемъ, особой поспѣшности.

IV.

Вернулся Кедровъ, и капитанъ распорядился открыть люкъ. Принесли фонари. Люди немного оправились и приступили къ работѣ безъ особой, правда, охоты. Сдернули брезентъ и приподняли крышку люка. Матросы отшатнулись отъ темной дыры, изъ которой раздался хриплый страшный голосъ:

— О, черти бы вашу бабушку! Да подайте какую-нибудь помощь, чортъ васъ чортомъ чорту на рога!

Капитанъ остолбенѣлъ. При свѣтѣ фонаря видно было, какъ на лицѣ его отразилось неописуемое изумленіе. Помощникъ засмѣялся.

— Партенъ, это вы? — крикнулъ онъ.

— Конечно, я, — раздалось изъ трюма.—Кедровъ, спуститесь ко мнѣ: у меня сломана нога, должно быть...

И я что-то черезчуръ слабъ: вѣрно, долгонько пролежалъ, пока не очухался.

Опустили фонарь. Желтый свѣтъ скользнулъ по доскамъ ящиковъ, сложенныхъ въ трюмѣ, и на верхнемъ изъ нихъ освѣтилъ Іона Партена. Второй помощникъ сидѣлъ, облокотясь одной рукой на ящикъ; въ другой у него былъ тяжелый желѣзный болтъ...

— Ну, вытаскивайте же меня, — прохрипѣлъ онъ. — Клянусь честью, мнѣ надоѣло торчать въ этой дырѣ...

*

Такъ умерла легенда о Хеггѣ... Впрочемъ, капитанъ не сдался и на легкомысленныя замѣчанія помощника по этому поводу хмурился и отвѣчалъ:

— Если, по вашему, Партенъ случайно упалъ въ трюмъ, то я-то, молодой человѣкъ, не вижу въ этомъ никакой случайности. Почему онъ попалъ въ трюмъ именно 15 го октября, и почему это двое людей, торчавшихъ у люка, не замѣтили этого? Нѣтъ, молодой человѣкъ, на морѣ случаются странныя исторіи, но, конечно, о нихъ ничего не знаютъ въ вашихъ мореходныхъ школахъ.

Экипажъ былъ того же мнѣнія...

Цѣпь мертвой.

I.

Графиню схоронили въ ночь, наканунѣ Рождества. Покойной не было отказано въ фамильномъ церемоніалѣ, но на всемъ обрядѣ лежалъ отпечатокъ холодности и сухости: точно графъ оказывалъ милость своей супругѣ.

Графъ проводилъ гробъ лишь до тяжелыхъ рѣзныхъ дверей усыпальницы и ушелъ со свитой. Только капелланъ и блѣдные дрожащіе слуги остались молиться у гроба.

Склепъ заперли къ утру. Капелланъ, задумчивый и грустный, послѣднимъ отошелъ отъ гроба.

Сумрачно-тихо стало въ замкѣ. Но не тишина скорби воцарилась въ немъ: тяжесть жуткой тайны влила трепетъ въ молчаніе обширныхъ древнихъ залъ и покоевъ.

Слуги шептались въ углахъ. Блѣдные отъ страха, они перекидывались мыслями о смерти графини. Говорили шопотомъ и замолкали, если подходилъ кто-нибудь изъ графскихъ ландскнехтовъ... Имя барона Рейнгольда часто повторялось въ этихъ разговорахъ, рядомъ съ именемъ графини.

Вспоминали жуткій стонъ ночью въ покояхъ графини и говорили объ ударѣ кинжала. Старухи, обмывавшія тѣло графини, видѣли на груди трупа зіяющую рану.

— Она не закрылась,—говорили онѣ, покачивая дрожащими головами.—Изъ раны сочилась кровь. Подумайте, свѣжая кровь у покойницы.

И крестились, объятыя трепетомъ.

Крестились и старые слуги замка, много видавшіе на своемъ вѣку. А самый старый—поваръ Іенъ — кивалъ мрачно головой и говорилъ:

— Горе замку!

II.

Ночью исчезъ любимый пажъ графини—Бертольдъ. Золотоволосый мальчикъ съ лицомъ херувима, онъ былъ радостной улыбкой, свѣтлымъ пятнышкомъ во мракѣ стариннаго замка. Берти было всего 12 лѣтъ. Онъ до самозабвенія былъ преданъ своей госпожѣ.

Берти пропалъ. На утро, въ его комнаткѣ, нашли смятую постель, бархатную шапочку на полу и обрывокъ атласнаго камзола. Дѣтская шпага была сломана, и рукоять исчезла вмѣстѣ съ мальчикомъ.

Камеристка Сусанна разсказывала, что слышала ночью шумъ и голоса двухъ ландскнехтовъ — Фрида и Робура—двухъ приближенныхъ тѣлохранителей графа...

При звукахъ голосовъ, Сусанна забилась подъ одѣяло и начала творить молитву. Потомъ ей чудился дѣтскій крикъ и возня... Она не ручалась за послѣднее, но разъ Фридъ и Робуръ ходили къ Берти, то дѣло ясно...

Старый Іенъ, нахмурясь, закончилъ мысль Сусанны:

— Тѣло его въ преисподней Восточной башни. Бѣдный Берти: онъ носилъ записки отъ покойной графини барону Рейнгольду!

И жуть сгустилась въ замкѣ. Она спускалась отъ безмолвныхъ апартаментовъ графа и графини, тянулась отъ опустѣвшей комнатки Берти и вѣяла холодомъ отъ рѣзной двери усыпальницы, скрывшей мрачную тайну смерти графини.

III.

Черезъ день новый ужасъ обуялъ слугъ... Старый Іенъ и дворецкій Робинъ внесли его въ людскія и кухню.

Вечеромъ около 11—они ясно помнили это — оба пріятеля рѣшили прогуляться въ погребъ за бутылочкой. Имъ нужно было обсудить важный вопросъ о дальнѣйшей службѣ въ замкѣ, а такіе вопросы не рѣшаются съ сухимъ горломъ...

Іенъ и Робинъ пошли въ погребъ.

Нужно было пройти длинный коридоръ, изъ котораго боковой ходъ велъ къ графской усыпальницѣ.

Друзья знали дорогу и не нуждались въ факелѣ. Шли молча по мрачному коридору. Шаги ихъ отдавались эхомъ въ глубинѣ и глохли въ мракѣ сводчатаго потолка.

Скрипъ тяжелой двери прорѣзалъ вдругъ тишину ночи. Ржавый стонъ желѣза пронесся и замеръ... Можно было поклясться, что отворилась дверь усыпальницы.

Друзья остановились, чуть дыша. Недоброе могильнымъ холодомъ коснулось ихъ душъ. Робинъ схватилъ за руку Іена, и пальцы его дрожали, какъ тетива спущеннаго лука.

Послышались шаги... Тихіе, шуршащіе... Поваръ и дворецкій окаменѣли.

Изъ бокового прохода вышла покойная графиня. Ледянымъ холодомъ повѣяло въ коридорѣ... Бѣлая-бѣлая прошла она такъ близко отъ друзей, что оба они увидѣли блѣдное лицо графини, тяжелую золотую цѣпь на шеѣ и глаза... горящіе глаза вампира...

Она прошла мимо, не взглянувъ на нихъ. Точно обжегъ страшный холодъ отъ ея фигуры... Грозная, она медленно подвигалась по коридору и исчезла на лѣстницѣ, ведущей къ графскимъ покоямъ.

Іенъ и Робинъ, забывъ о бутылкѣ, съ трудомъ дошли до кухни. До утра они сидѣли, уцѣпившись другъ за друга.

Послѣдній черный клокъ волосъ на головѣ Робина посѣдѣлъ.

Утромъ графъ потребовалъ капеллана. Очень долго былъ у графа патеръ, потомъ они вышли оба, пошли

къ усыпальницѣ. Въ рукахъ капелланъ держалъ золотую цѣпь. Это была цѣпь съ шеи графини.

Графъ былъ блѣденъ. Капелланъ говорилъ ему что-то по-латыни. Слуги, забившіеся по угламъ, слышали, какъ графъ отвѣтилъ мрачно:

— Она требовала вернуть Берти... Какъ вернешь то, что брошено въ люкъ Восточной башни?..

И графъ, и капелланъ вошли въ усыпальницу. Поборовъ страхъ, Сусанна заглянула въ дверь. Она клялась потомъ, что видѣла, какъ священникъ надѣвалъ цѣпь на шею графинѣ...

Ледяное нависло надъ замкомъ...

IV.

Съ вечера снѣжная буря свистящей живой пеленой окутала зубчатыя вышки башенъ замка. Ночь надвигалась безпокойная, хищно взывавшая тысячью голосами мятели. Ландскнехты на сторожевыхъ постахъ били мечами о стальные щиты, перекликаться они не могли: буря рвала возгласы и глушила ихъ воемъ.

Мрачно было въ замкѣ. Не было въ немъ веселыхъ святочныхъ огней. Только у графа былъ свѣтъ: допивалъ графъ бутылку вина въ компаніи капитана ландскнехтовъ.

Слуги собрались въ кухнѣ, возлѣ пылающаго громаднаго очага: одиночество имъ было не подъ силу въ эту ночь.

Не было слышно веселыхъ разговоровъ и забавныхъ святочныхъ разсказовъ. Призракъ графини, бродящей по ночамъ въ замкѣ, придавилъ веселье. Говорили почти шопотомъ.

Старый Іенъ говорилъ:

— Не кончится это добромъ... Графиня не можетъ спать въ гробу: ея рана сочится. Она требуетъ вернуть къ жизни бѣднаго малютку Берти... Не кончится это добромъ... Графу лучше уѣхать...

— Развѣ спасешься отъ мести мертвеца? — про-

молвила пряха.—Молитвой и раскаяніемъ нужно смывать грѣхи...

— А кто вернетъ Берти?—спросилъ Робинъ.

Изъ нѣдръ замка донеслись заунывные размѣренные звуки: часы били 11...

Съ послѣднимъ ударомъ, въ глухихъ извилинахъ коридоровъ, раздался стонъ ржавыхъ петель.

Іенъ и Робинъ стали сѣрыми, какъ холстъ.

— Защити насъ, Богородица,—прошептали они.— Это—о н а.

Ледяные пальцы ужаса сдавили сердца... Лица побѣлѣли. Кто-то застоналъ отъ страха... Потомъ стало тихо, точно умерли всѣ въ кухнѣ... Огонь ревѣлъ и рвался въ трубу, брызгая тысячью искръ...

Въ замкѣ было тихо... Перезвонъ оружія часовыхъ доносился сквозь вой снѣжной бури...

Изъ тишины замка надвигалось тяжелое и жуткое, мертвящее кровь въ жилахъ, какъ дыханіе могилы...

Вдругъ дикій вопль прорѣзалъ мрачное безмолвіе... Вопль, а за нимъ шумъ на лѣстницѣ и звонъ оружія: сверху, отъ покоевъ графа бѣжали въ паникѣ люди, гремя доспѣхами по каменной лѣстницѣ...

На лѣстницѣ они наткнулись на шестерыхъ ландскнехтовъ, сломя голову мчавшихся внизъ. Это была личная охрана графа.

Сверху раздался третій п о с л ѣ д н і й вопль, звѣриный вопль ужаса и отчаянія... Потомъ паденіе тѣла и звонъ золотой цѣпи... Что-то тяжелое, зашуршавъ, волочилось по полу, задѣвая за мебель.

Забытый факелъ бросалъ багровый свѣтъ на площадку лѣстницы... Въ трепетномъ пятнѣ кроваваго свѣта показалась покойная графиня... Суровая, вся бѣлая и блѣдная, сошла она по лѣстницѣ. На золотой цѣпи за ней тащился трупъ задушеннаго графа.

—

Спотыкаясь во тьмѣ узкихъ проходовъ, взвывая отъ страха, люди бросились бѣжать изъ замка — въ снѣжную бурю, въ ночь, свистѣвшую тысячью голосами метели...

Древній замокъ опустѣлъ, и небытіе простерло надъ нимъ темную руку.

Проклятіе капуцина.

Посвящается Ел. Фед. Кудрявцевой.

I.

Комната казалась только что покинутой обитателями. Кровать подъ шелковымъ балдахиномъ точно поджидала гостя, сверкая бѣлизной простынь изъ подъ откинутаго атласнаго одѣяла. Видъ кровати окончательно прельстилъ продрогшаго путника, и графъ выразилъ желаніе остаться въ этой комнатѣ.

— Если въ ней никто не живетъ, — добавилъ онъ, смущенный жилымъ видомъ помѣщенія.

Старый молчаливый стражъ покинутаго замка поклонился и вздохнулъ.

— Уже 25 лѣтъ какъ никто не живетъ въ этой комнатѣ, господинъ графъ, — проговорилъ онъ, исчезая за дверью. Черезъ минуту, однако, старикъ вернулся съ охапкой дровъ и затопилъ каминъ.

— Тутъ все готово къ ночлегу, господинъ графъ, — заговорилъ снова старикъ, когда пламя камина бросило трепетные блики на ковры и штофную отдѣлку стѣнъ, борясь со свѣтомъ свѣчи.—Каждый день въ теченіе 25 лѣтъ я убираю эту комнату и жду ночлежника, какъ завѣщала, умирая, моя госпожа... Но, можетъ быть, вы раздумали, господинъ графъ?

— Нисколько, — живо возразилъ графъ.

Старикъ снова отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Ваша воля, господинъ графъ. Я предупреждалъ васъ относительно привидѣній.

Графъ улыбнулся. Онъ былъ молодъ, весь напол-

женъ упругой силой жизни, и она отдѣляла его непроницаемой стѣной отъ загробнаго.

— Я продрогъ и усталъ, блуждая по лѣсу, до такой степени, что никакое привидѣніе не въ состояніи будетъ разбудить меня. Не безпокойся за меня, добрый старичина.

Старикъ отвѣсилъ глубокій, почтительный поклонъ и молча удалился. Не успѣла закрыться дверь за его спиной, какъ онъ снова просунулъ лицо въ комнату.

— Желаю вамъ доброй ночи, господинъ графъ. Пусть Господь Богъ поможетъ вамъ...

Нотки сильнаго волненія дрожали въ голосѣ стараго слуги. Точно испугавшись своего волненія, онъ исчезъ и захлопнулъ дверь.

— Чудакъ! — засмѣялся графъ, прислушиваясь къ шаркающимъ шагамъ старика: они глохли въ дали нежилыхъ комнатъ, точно тяжелые вздохи.

II.

Графъ усталъ, какъ можетъ устать человѣкъ, проблуждавшій въ лѣсу около сутокъ. Однако необычайность ночлега и рѣзкая смѣна впечатлѣній — отъ снѣжной бури въ лѣсу до загадочной тишины необитаемаго замка — мѣшали ему сразу же броситься въ постель. Онъ взялъ свѣчу со стола и обошелъ комнату, разглядывая ея обстановку.

Положительно, комната казалась только что покинутой. На туалетѣ лежалъ небрежно брошенный шелковый платочекъ и рядомъ — открытый серебряный флаконъ для духовъ, точно его забыли закрыть уходя. Это создавало странную иллюзію, что обитательница комнаты должна сейчасъ-же вернуться. Графу почудилось, что онъ чувствуетъ даже въ воздухѣ неуловимые, тревожные трепеты интересовъ ея обитательницы — то, что остается всегда въ комнатѣ на нѣсколько минутъ послѣ ухода ея владѣльца.

Раскрытая бритва и приборъ для бритья возлѣ

зеркала грубо нарушали гармонію тонкаго изысканнаго вкуса женщины, лежавшаго неизгладимымъ отпечаткомъ на всей обстановкѣ спальни.

— Это, должно быть, продуктъ заботы чудачливаго старика о ночлежникѣ, котораго онъ поджидалъ 25 лѣтъ. Утромъ это будетъ кстати.

Вздохъ, или вѣрнѣе, смутный шелестъ, похожій на вздохъ, пронесся по комнатѣ. Графъ вздрогнулъ и обернулся.

Никого. Въ каминѣ потрескивали дрова, пламя гудѣло и рвалось въ трубу — навстрѣчу бурѣ и ночи.

— Вздоръ какой, — пожалъ плечами графъ. — Вздохи не могутъ жить въ комнатѣ 25 лѣтъ. Это просто старикъ настроилъ меня своими разсказами о привидѣніяхъ. Но что это?

Свѣча вырвала изъ мрака портретъ, терявшійся на темномъ фонѣ штофной обивки стѣны. Точно живое выступило изъ рамы лицо аристократки, но обезображенное длинной каштановаго цвѣта бородой!

— Что за глупая шутка художника! — вырвалось у графа.

Онъ не могъ отвести глазъ отъ страннаго портрета. Классически красивое лицо женщины, съ нѣсколько холоднымъ и жестокимъ выраженіемъ, приковывало мысли и чувства. Борода, покрывавшая подбородокъ и падавшая длинной прядью на грудь, отталкивала, рождая непонятное отвращеніе.

— Странная игра природы или шутка художника, —овладѣвая собой пробормоталъ графъ, и безпечность молодости вырвала вдругъ шутку:

— Но вы прекрасны, сударыня, и если бы это касалось меня, я вмигъ избавилъ бы васъ отъ этого уродства. Тутъ и бритва подъ рукой!

Точно свѣтлая тѣнь пробѣжала по лицу портрета. Шевельнулись неподвижныя черты и почти улыбнулись графу. Онъ могъ поклясться, что видѣлъ благосклонный кивокъ головы.

— Чортъ возьми, это слишкомъ! — отступая отъ портрета, сказалъ онъ.—Меня начинаетъ смущать мерцаніе свѣчи... Пора, значитъ, выспаться.

И не думая больше о портретѣ, графъ задулъ свѣчу и кинулся въ постель.

III.

Ропотъ пламени въ каминѣ и визгъ бури за окномъ глохли въ сознаніи, отступая въ небытіе. Дремота сковывала члены...

Отдаленный глухой стукъ—точно хлопнула гдѣ то въ подвалѣ тяжелая дверь,—кольнулъ сознаніе. Сонъ отлетѣлъ, и визгъ бури, сыпнувшей въ окно сухимъ колючимъ снѣгомъ, снова сталъ реальнымъ и отчетливымъ...

„Трудно заснуть, однако, въ этомъ замкѣ, — подумалъ графъ.—Неужели этому старому хрѣну вздумалось навѣстить меня?“

Изъ глубины коридоровъ замка, дѣйствительно, донеслись звуки чьихъ-то шаговъ. Привычное ощущеніе приближающейся опасности охватило душу и заставило насторожиться: шаги не были старческимъ шарканьемъ; графъ разобралъ стукъ каблучковъ—медленный, но молодой и рѣшительный шагъ женщины.

Шаги приближались. Въ нежилыхъ комнатахъ они отдавались гулкимъ стонущимъ эхомъ. Вмѣстѣ съ ихъ приближеніемъ въ комнату, казалось, проникалъ холодъ тревоги, росъ и сгущался въ непонятное чувство страха передъ чѣмъ то необъяснимымъ.

Графъ сѣлъ на кровати и перекрестился.

— Я, кажется, не сплю,—пробормоталъ онъ,—но лучше, если бы это былъ сонъ!

Мелкая холодная дрожь бѣжала по его спинѣ, теряясь въ кожѣ затылка... Шаги женщины замолкли возлѣ дверей комнаты.

Графъ вскочилъ и поднесъ свѣчу къ огню камина. Онъ не обернулся къ дверямъ, но слышалъ, какъ отворились онѣ и кто-то вошелъ въ комнату, внеся съ собой струю холоднаго воздуха.

Всѣмъ инстинктомъ жизни онъ почувствовалъ страшную сущность гостьи. Свѣча въ его рукѣ дро-

жала, и фитиль не попадалъ въ узкую струйку пламени, выбивавшуюся изъ догоравшаго полѣна. Почти отчаяннымъ усиліемъ воли графъ удержалъ дрожь руки, чтобы зажечь свѣчу, точно въ ея пламени была его защита..

Сперва слабымъ синимъ огонькомъ, а потомъ ярко вспыхнула свѣчка. Графъ, собравъ остатки воли, заставилъ себя повернуться. Обернулся и чуть не выронилъ свѣчку изъ рукъ: передъ нимъ стоялъ оригиналъ страннаго портрета.

Высокая женщина, въ горностаевой мантіи на плечахъ, съ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ и длинной прядью каштановыхъ волосъ на подбородкѣ, почти въ упоръ глядѣла на него. Это была та же дама, что и на портретѣ, только въ выраженіи лица была нѣкоторая разница: надмененъ и жестокъ былъ портретъ; слѣды глубокой скорби и страданія запечатлѣлись на лицѣ загробной гостьи.

Быть можетъ прошло мгновеніе, можетъ быть — вѣчность. Женщина шевельнулась и прошла вглубь комнаты, не сводя скорбнаго взгляда съ графа.

Ничего угрожающаго не было въ ея движеніяхъ, и это ободрило графа. Храбрый съ живыми, онъ совершенно не зналъ, что дѣлать съ призраками, и голосъ его дрожалъ, когда онъ рѣшился заговорить:

— Живое вы существо или призракъ, сударыня, —пробормоталъ графъ,—но, если вы нуждаетесь въ услугѣ, я готовъ быть вамъ полезенъ.

Вздохъ, похожій на шелестъ, сорвался съ губъ женщины. Блѣдная рука съ тонкими пальцами выплыла изъ-подъ мантіи и коснулась пряди волосъ, безобразившей подбородокъ.

Точно вспышка пороха озарила сознаніе графа. Онъ кинулъ взглядъ на бритву, лежавшую передъ зеркаломъ.

— Я... я... освобожу васъ, сударыня, отъ этого... недостатка.

•

IV.

Странный вопль разбудилъ графа. Муть зимняго утра вползла въ комнату черезъ обмерзшее окно... Руку графа теребилъ кто то, прикасаясь къ ней губами и жесткой путаницей волосъ.

Стоя на колѣняхъ возлѣ кровати, старый хранитель покинутаго замка покрывалъ руку графа поцѣлуями. Слезы обильно текли по морщинамъ лица.

— Въ умѣ-ли ты, старикъ? — спросилъ изумленный графъ, съ трудомъ освобождая руку.

Старикъ не могъ говорить. Онъ жестомъ указалъ на столъ и снова кинулся цѣловать руку графа.

Графъ взглянулъ на столъ, и краска сбѣжала съ его лица: длинная прядь каштановыхъ волосъ лежала на столѣ. Рядомъ валялись бритва и кисточка со слѣдами мыла.

— Такъ это не былъ сонъ! — вскакивая съ постели воскликнулъ графъ.

— О, да! О, да!—разразился, наконецъ, старикъ.— Вы избавили мою несчастную госпожу отъ проклятья капуцина, и Господь успокоитъ теперь ея бѣдную душу. А въ награду за это вы, графъ, получаете замокъ и всѣ земли его: таково завѣщаніе моей несчастной госпожи.

V.

Изъ крайне безсвязнаго разсказа взволнованнаго старика графъ съ трудомъ понялъ въ чемъ дѣло.

25 лѣтъ тому назадъ, молодая графиня — владѣтельница замка — оскорбила ксендца капуцина, искавшаго ночлега въ замкѣ. Найдя бороду монаха черезчуръ уродливымъ придаткомъ на лицѣ, она приказала слугамъ побрить капуцина. Оскорбленный насиліемъ, монахъ проклялъ графиню. Въ силу этого проклятія борода монаха выросла на лицѣ молодой женщины на другой же день, и ни одинъ брадобрей не могъ сбрить

ее. Въ силу заклятія графиня не нашла покоя и послѣ смерти: каждую ночь она должна была бродить по замку въ ожиданіи человѣка, не посвященнаго въ ея тайну, который бы согласился сбрить у нея бороду.

За этотъ поступокъ храбрецъ награждался замкомъ и всѣми его владѣніями. Таково было завѣщаніе графини.

*

Вотъ какимъ образомъ родъ графовъ Драбскихъ получилъ въ свое владѣніе древній замокъ графовъ Скромонты.

Въ архивѣ Драбскихъ вы и сейчасъ найдете точное описаніе всей этой исторіи и прядь каштановыхъ волосъ, срѣзанныхъ у покойной графини Скромонты храбрымъ предкомъ Драбскихъ.

14-ый жилецъ.

I. Съемщикъ.

Двѣ комнаты наверху были уютны и хорошо обставлены. Съемщикъ внимательно обозрѣлъ ихъ, потомъ заглянулъ въ окно, выходившее къ дюнамъ. Постучалъ задумчиво по стеклу и спросилъ цѣну.

У вдовы Буль три сезона не было жильцовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ея послѣдній (тринадцатый по счету) жилецъ Функе повѣсился въ углу возлѣ того окна, у котораго сейчасъ стоялъ съемщикъ, никто не снималъ этого помѣщенія. Заходило много любопытныхъ, но всѣ ограничивались выраженіемъ соболѣзнованія мадамъ Буль и непремѣнно осуждали поступокъ Функе, „испортившаго“ дачу. Никто никогда не спрашивалъ о цѣнѣ и вопросъ съемщика поэтому засталъ вдову врасплохъ.

— Сколько же вы хотите, мадамъ, за свое помѣщеніе?—повторилъ онъ.

Вдова замялась... Но подъ вдовьимъ чепцомъ пронесся вихрь давно продуманныхъ соображеній. Три года дача не давала никакого дохода—разъ, съемщикъ, повидимому, богатый человѣкъ—два, и третье—жизнь стала непомѣрно дорога. Взвѣсивъ эти соображенія, мадамъ Буль вздохнула, точно собираясь извлечь изъ глубины души дорогое и затаенное:

— Fünfzehn tausend, herr!

Когда дѣло доходило до цѣны, вдова говорила по-нѣмецки: это звучало солиднѣе, чѣмъ по-русски. Назвавъ сумму, она почувствовала легкое сердцебіеніе. Чтобы скрыть замѣшательство, она принялась распра-

влять дорожку, лежавшую на столикѣ, и искоса наблюдала за съемщикомъ.

Цифра не произвела никакого впечатлѣнія. Съемщикъ равнодушно кивнулъ головой.

— Хорошо. Я могу вручить вамъ задатокъ. Помѣщеніе остается за мной!

Вдова готовилась къ отчаянной борьбѣ за каждую тысячу своей цѣны, рѣшивъ въ крайности примириться на половинѣ. Отвѣтъ съемщика заставилъ ее вытаращить глаза.

„Онъ—или иностранецъ, или богатый дуракъ!“ — подумала она.

Съемщикъ улыбнулся. Лукавый огонекъ вспыхнулъ въ глубинѣ его черныхъ глазъ и потухъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на вдову.

— Да. Одинъ вопросъ. Это здѣсь повѣсился господинъ Функе?

Мадамъ Буль похолодѣла. Роковой вопросъ ставилъ подъ сомнѣніе выгодную сдѣлку. Она кинула трусливый взглядъ въ тотъ уголъ, гдѣ висѣлъ когда-то злополучный Функе, и набралась духу соврать:

— Онъ повѣсился не здѣсь... Въ сараѣ для дровъ... Злые люди нарочно распустили слухъ, чтобы повредить бѣдной безпомощной вдовѣ.

Съемщикъ опять улыбнулся. Но затѣмъ лицо его стало суровымъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на вдову. Взглядъ его, казалось, пронизывалъ и нащупывалъ въ душѣ мадамъ ея ложь... Сердце ея опять ускоренно забилось, и она почувствовала непреодолимое желаніе взглянуть въ тотъ уголъ—„уголъ Функе“.

Она посмотрѣла и... волосы зашевелились подъ чепцомъ: трупъ удавленника ясно обрисовался въ углу. Функе висѣлъ въ одномъ бѣльѣ и, казалось, зловѣще поддразнивалъ ее длиннымъ распухшимъ языкомъ.

Мадамъ Буль дико вскрикнула и прыгнула къ дверямъ съ легкостью, на какую не давали права ни ея полнота, ни почтенный возрастъ.

Но Функе исчезъ. Вдова, тяжело дыша, опустилась на стулъ возлѣ дверей.

— Что съ вами, мадамъ?—участливо освѣдомился

съемщикъ, но вдова ясно замѣтила улыбку на его губахъ.

— Это... это... сердце, — опять соврала она, чувствуя, какъ лицо покрывается красными пятнами. — Сердечный припадокъ, не обращайте, пожалуйста, на это вниманія.

Опять, точно змѣйка, скользнула по бритому лицу съемщика усмѣшка.

— Это печально, мадамъ... Такъ вы совершенно увѣрены, что герръ Функе повѣсился не здѣсь?

— О, да,—вѣки вдовы задрожали.—Совершенно увѣрена.

— Въ такомъ случаѣ я беру помѣщеніе.

Онъ вынулъ бумажникъ и отсчиталъ 5 тысячъ новенькими десятилатовыми билетами.

Руки вдовы дрожали, принимая деньги. Это награждало за все перенесенное: она забыла и страшное видѣніе, и самого Функе—ея злополучнаго 13-го жильца. Наконецъ, у нея былъ новый—четырнадцатый жилецъ!

— Совершенно вѣрно, — пересчитала она деньги. — Когда вы думаете переѣхать, господинъ?

— Венновъ, мадамъ, — съ любезнымъ поклономъ отрекомендовался жилецъ. — Викторъ Михайловичъ Венновъ, человѣкъ съ независимыми средствами. Поселяюсь у васъ только съ цѣлью отдыха.

— Вы не коммерсантъ?

— Былъ немного. Но вообще я не занимаюсь теперь дѣлами... Хочу отдохнуть...

Мадамъ Буль одобрительно закивала головой. О, для отдыха ничего не можетъ быть лучше ея дачи. Море сейчасъ же за дюнами, а вокругъ сосны, какъ въ лѣсу. Трудно придумать лучшее мѣсто для отдыха. Если господинъ Венновъ пожелаетъ трудиться ради моціона, она можетъ отвести ему грядку изъ своего огорода... Нѣкоторые это любятъ... Вонъ по сосѣдству живетъ одинъ типографъ — солидный такой, жирный господинъ... Онъ разводитъ грядки для моціона...

— Нѣтъ, это занятіе не по мнѣ, спасибо, — улыбнулся жилецъ. — Я больше люблю гулять.

— Ну да, это какъ кому нравится, конечно, — согласилась вдова, тоже улыбаясь.

Провожая жильца внизъ, вдова еще разъ подробно разсмотрѣла его. Въ немъ ничего не рѣзало глазъ: онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и красивъ. Одѣтъ по модѣ, но безъ легкомысленнаго щегольства, и держится очень солидно. На видъ ему было лѣтъ 30.

II. Фрейлейнъ Лола.

Въ столовой у окна вдову поджидала дочка. Окно выходило къ дорогѣ и черезъ него можно было увидѣть уходившаго съемщика.

— Какъ дѣла, мама? Онъ снялъ комнаты? Будетъ у насъ 14-ый жилецъ?

Вдова помахала въ воздухѣ бумажками.

— Да. Будетъ. Наше проклятье кончилось, Лола...

„Четырнадцатый“ жилецъ показался въ саду, и Лола не дослушала мать. Въ избыткѣ любопытства золотистая головка высунулась въ открытое окно.

14-ый жилецъ обернулся. Увидѣлъ дѣвушку и вѣжливо снялъ шляпу. Лола вспыхнула до корней волосъ и чуть-чуть кивнула ему въ отвѣтъ.

Вдова въ ужасѣ смотрѣла на эту сцену.

— Schande, Lola, schande, — сердито сказала она и потащила дѣвушку отъ окна. — Ты хочешь опозорить меня на старости лѣтъ?

— Но... онъ... очень красивый... мама... Такой стройный...

— Фуй! Фуй! Развѣ дѣвушки говорятъ такъ! — строго оборвала вдова Буль. — Ты просто неприличная дѣвчонка... И потомъ тебѣ совсѣмъ неумѣстно смотрѣть на мужчинъ... такимъ образомъ... герръ Трибке почти уже твой женихъ.

Досадная гримаса сдвинула брови Лолы.

— Но Трибке нельзя и сравнить съ этимъ! Кромѣ того, я успѣю посѣдѣть раньше, чѣмъ Трибке сдѣлаетъ предложеніе. Онъ, мама, прошлый разъ всю прогулку говорилъ о томъ, какія брюки сошьетъ себѣ къ

свадьбѣ, а... о предложеніи ни слова не сказалъ... Краснѣетъ только... И самъ какъ недоростокъ аистъ со своимъ краснымъ длиннымъ носомъ...

— Фуй, Лола... Развѣ такъ говорятъ дѣвушки... Въ наше время такъ не говорили молодыя дѣвушки... Фуй... Нужно со стыда сгорѣть...

Лола дѣйствительно зардѣлась слегка, но не отъ стыда: 14-ый жилецъ подошелъ вдругъ къ окну.

— Извините, сударыня, — приподнимая шляпу сказалъ онъ мадамъ Буль,—извините, сударыня, но я забылъ сказать вамъ, что завтра утромъ думаю пріѣхать. Это васъ не обезпокоитъ?

— Пожалуйста, пожалуйста,—любезно закивала головой мадамъ Буль, — когда вамъ угодно...

14-ый жилецъ, казалось, не слушалъ ея. Онъ нескромно посмотрѣлъ вглубь комнаты, гдѣ стояла Лола, и снова поклонился ей. Лола и на этотъ разъ не удержалась, чтобы не отвѣтить на молчаливое привѣтствіе: это было пріятно почему-то.

— Такъ я переѣду завтра, мадамъ, — весело повторилъ жилецъ. Онъ тянулъ съ разговоромъ, очевидно, въ надеждѣ, что вдова представитъ его дочери. Но мадамъ Буль была далека отъ этого: она кипѣла негодованіемъ.

— Когда вамъ будетъ угодно, — холодно отвѣтила она. — Лола, принеси мнѣ шаль!

„Четырнадцатый“ странно улыбнулся, снялъ шляпу и простился однимъ глубокимъ поклономъ съ матерью и дочкой. Вдова безцеремонно закрыла окно.

Жилецъ ушелъ. Если бы вдова слышала, что бормоталъ онъ подъ носъ, то, вѣроятно, задумалась бы. Онъ говорилъ, улыбаясь:

— За ложь о Функе—разъ, за то, что церберомъ охраняешь дочку — два и за то, что жадна—три... За все это ты почувствуешь меня, милая мадамъ... Гм... а дочка—прелесть, и только за это ты заслуживаешь нѣкотораго снисхожденія.

Такъ говорилъ жилецъ, уходя за калитку дачи, и улыбался.

Странная это была улыбка.

Вдова не могла его слышать. Въ эту минуту она изливала свое негодованіе на дочку.

— Ты совсѣмъ неприличная дѣвушка, Лола, — говорила она. — Что о тебѣ подумаетъ этотъ новый жилецъ? Ты опозоришь мою старую голову!

Дѣвушка подавила до непочтительности веселую улыбку, просившуюся на губы.

— Ничего онъ не подумаетъ, мамочка. Не говори такихъ страшныхъ вещей... А я не виновата, что онъ такой интересный...

— Лола!

Точно изъ пушки вылетѣло новое подавляющее восклицаніе.

— Стыдно... Стыдно... и притомъ, когда герръ Трибке...

— Ай, мама... Что такое герръ Трибке?

Вдова сурово остановила ее:

— Герръ Трибке хорошій молодой человѣкъ изъ почтенной семьи и почти женихъ твой... Для насъ онъ хорошая партія.

Лола капризно передернула плечикомъ.

— Ну, конечно — партія! Надо же мнѣ за кого нибудь выходить замужъ! Но Трибке...

Она, однако, сдержалась отъ ироническаго прилагательнаго, просившагося на губы. Силуэтъ 14-го жильца былъ виденъ вдали на дорогѣ. Лолѣ показалось, что онъ обернулся на мгновеніе.

III. Толки и пересуды.

Появленіе жильца на дачѣ мадамъ Буль горячо обсуждалось кореннымъ населеніемъ Булдури. Хозяйки пропадали въ лавкахъ особенно долго, смакуя злободневную тему на всѣ лады. Почему-то общее мнѣніе склонялось не въ пользу новаго жильца и мадамъ Буль. Это опредѣленно и энергично формулировала толстая колбасница Шмидтъ, нарѣзая однажды сало для мадамъ Бликсъ — содержательницы ренсковаго погреба напротивъ.

— Жилецъ этотъ кончитъ похуже Функе. Помяните мое слово, мадамъ Бликсъ. Будетъ хлопотъ у мадамъ Буль... Я бы не пустила такого жильца и за 100.000.

— Вы правы, — согласилась погребщица. — Онъ очень странный человѣкъ этотъ „четырнадцатый жилецъ"... Вчера онъ зашелъ ко мнѣ за бутылкой вина, и я испугалась: у него страшные глаза и горятъ, какъ угли... Добра такой мало принесетъ. Съ другой стороны, вдовѣ Буль слѣдовало бы получше смотрѣть за своей противной вертушкой Лолой. Я сама видѣла, какъ она въ сумерки говорила въ саду съ этимъ самымъ жильцомъ...

— Что вы говорите! Вѣдь у Лолы женихъ Трибке!

— Почти женихъ, — съ каплей яда въ тонѣ поправила погребщица. — Лола не такая дѣвушка, за которую хватались бы, какъ за булку съ масломъ... Я кое-что шепнула мадамъ Трибке... Понимаете?

Колбасница кивнула головой. Ея толстыя лоснящіяся щеки расплылись въ улыбку и освободили изъ тѣснаго плѣна красный носикъ пуговкой.

— Конечно, конечно... Нашъ долгъ — предупреждать ближнихъ... А этотъ жилецъ—не что иное, какъ большевикъ. Кто можетъ такъ швыряться деньгами и платить за двѣ комнатки по 15.000 рублей? А большевику это ничего не стоитъ — деньги у нихъ вѣдь фальшивыя... Ха ха-ха... А что касается Лолы, такъ эта дѣвушка свернетъ себѣ голову на немъ: у большевиковъ браки не приняты... Понимаете? Кх...

Колбасница такъ многозначительно крякнула, что мадамъ Бликсъ чуть не разсыпалась отъ дробнаго веселаго смѣха...

Дачники тоже обратили вниманіе на четырнадцатаго жильца мадамъ Буль. Для нихъ онъ былъ новой и притомъ оригинальной личностью. Спекулянтъ Пушкіусъ, у котораго былъ громадный кругъ знакомствъ, увѣрялъ, что встрѣчалъ когда то Веннова въ Петербургѣ. Пушкіусъ любилъ посплетничать и передавалъ очень пикантную исторію о четырнадцатомъ жильцѣ,

нѣсколько нескромнаго характера. Адвокатъ Псельшъ, узнавъ, что Венновъ не стѣсняется средствами, свелъ съ нимъ знакомство и затащилъ къ себѣ на дачу — поиграть въ карты. Объ этой игрѣ потомъ любители „зеленаго поля“ разсказывали цѣлыя легенды. „Четырнадцатый“ творилъ чудеса азарта и въ результатѣ дочиста обыгралъ и Пушкіуса, и фабриканта Лиленталя, и даже „короля всѣхъ игръ“ трактирщика Сипова... Псельшъ только выигралъ, потому что опредѣленный процентъ съ банковъ шелъ въ его пользу—за карты и закуску; самъ же онъ участія въ игрѣ не принималъ.

Эта ночь установила особую репутацію за четырнадцатымъ жильцомъ мадамъ Буль и ввела его въ кругъ неизсякаемой сплетни... Никто не зналъ Веннова, никто ничего не могъ сказать о его прошломъ, и каждый выдумывалъ что-нибудь... Больше всѣхъ, положимъ, старался Пушкіусъ. Но и ему мало вѣрили...

Мадамъ Буль была вполнѣ довольна жильцомъ. Онъ былъ солиденъ и внушалъ зависть сосѣдкамъ, сдавшимъ свои дачи гораздо дешевле. Сплетни о жильцѣ мало заботили ее. А Лола? О, мадамъ Буль чувствовала себя достаточно твердой и сильной, чтобы уберечь дочь отъ опасности...

Съ жильцомъ у нея были странныя отношенія. Она не могла спокойно выносить его остраго, пронизывающаго взгляда и всегда немного робѣла въ его присутствіи... Она старалась избѣгать съ нимъ лишнихъ встрѣчъ, въ такихъ, конечно, предѣлахъ, въ какихъ это допускало чувство личнаго достоинства. Своего авторитета хозяйки она не могла подорвать...

Жилецъ и ей самой казался страннымъ, но... онъ былъ солиденъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а развѣ богатые люди не имѣютъ права на странности?

Лола? Что думала Лола о четырнадцатомъ жильцѣ —это была тайна. Она никому не говорила объ этомъ. Только всѣмъ достовѣрно было извѣстно, что Лола вечеромъ, въ саду, украдкой отъ матери, болтала съ жильцомъ. И однажды своей подругѣ Эммѣ Озольсъ она проговорилась, что у Веннова удивительно ласковые бархатистые глаза.

— Въ ласкѣ этого взгляда можно утонуть, — сказала она.—Понимаешь?

Эмма знала толкъ въ такихъ вещахъ. Но Эмма была изрядной болтушкой, и потому слова Лолы стали извѣстны Взморью.

IV. Начало разной чертовщины.

Въ этотъ день у мадамъ Буль съ утра было скверное настроеніе. Наканунѣ приходила мадамъ Трибке и очень вѣжливо, но тонко дала понять, что слухи о Лолѣ и четырнадцатомъ жильцѣ могутъ разрушить нѣкоторые планы какъ самой мадамъ Трибке, такъ и мадамъ Буль.

— Когда пріѣдетъ мой мальчикъ изъ своей берлинской командировки, — заключила мадамъ Трибке,— онъ будетъ очень огорченъ, если сплетня не исчезнетъ къ этому времени.

Мадамъ Буль обѣщала принять мѣры и вечеромъ читала длинную строгую нотацію Лолѣ. „Противная дѣвчонка“ не возражала, но въ глазахъ ея было мало смиренія. Полчаса спустя вдова уже собственными глазами видѣла, какъ Лола остановилась въ саду и весело, черезчуръ оживленно бесѣдовала съ Венновымъ, возвращавшимся домой. Суровый окликъ вдовы нарушилъ эту идиллію...

Безпокойство за будущность дочки мѣшало ей ночью спать. Трибке былъ хорошей, завидной партіей для Лолы, и вдову пугала одна мысль о возможности разрыва между ними.

Ночью былъ заморозокъ, и погибъ весь салатъ — нѣжный молодой салатъ, посаженный собственными руками мадамъ Буль. Это усугубило скверное настроеніе. Вдова склонилась надъ грядкой и сердито принялась вырывать поблекшіе зеленые кустики, ворча на ужасную погоду...

Вдругъ она почувствовала на себѣ знакомый сверлящій взглядъ. Странное ощущеніе робости въ видѣ

какого-то непріятнаго томленія возлѣ сердца охватило вдову.

Она знала, что сзади стоитъ Венновъ, но обернуться не могла. Жилецъ довольно долго сверлилъ ее взглядомъ, прежде чѣмъ снялъ шляпу и сказалъ:

— Добраго утра, мадамъ Буль!

И точно привѣтствіе освободило вдову отъ оцѣпѣненія. Она обернулась и отвѣтила на привѣтствіе очень холодно и сурово.

Жилецъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Скверная погода, мадамъ,—помахивая тростью заговорилъ онъ.—Я вижу, часть вашего салата пропала? Ужасный климатъ въ этой странѣ! Но, мадамъ, почему вы выбросили такіе свѣжіе прекрасные кустики салата?

Вдова строго взглянула на жильца, говоря этимъ, что шутки здѣсь совершенно неумѣстны, но не могла удержаться и кинула косой взглядъ въ сторону салата.

Посмотрѣла и чуть не присѣла на грядку: на рѣдкость свѣжія головки салата валялись тамъ, куда она бросила только что замерзшую зелень.

Вдова не могла повѣрить глазамъ. Она подняла одну головку: упругая зелень хрустнула подъ пальцами, разрушая всякія сомнѣнія въ пригодности салата.

— Ничего не понимаю, — безпомощно развела руками мадамъ Буль, оторопѣло глядя на жильца.

Тотъ снова улыбнулся.

— Нѣтъ, я, кажется, ошибся, — отходя замѣтилъ онъ. — Салатъ дѣйствительно никуда не годится. Очень извиняюсь.

Вдова задрожала. Головка салата въ ея рукѣ завяла, и дряблый листъ расползся между пальцами.

Это было похоже на дьявольское навожденіе. Волна жути прокатилась въ груди вдовы. Она со страхомъ поглядѣла вслѣдъ жильцу. Тотъ безпечно насвистывалъ, поднимаясь на дюны.

Вдова не могла оставаться на огородѣ: ей было страшно. Она отправилась черезъ дорогу къ мадамъ Шмидтъ, снимавшей ставни съ оконъ лавки, такъ какъ ощущала настойчивую потребность поговорить со знакомымъ, живымъ человѣкомъ.

Но и бесѣда съ колбасницей не разсѣяла ее. Толстуха, послѣ первыхъ привѣтствій и жалобъ на по году, завела разговоръ о четырнадцатомъ жильцѣ и очень ловко перевела его на тему о фальшивыхъ кредиткахъ.

— Теперь, знаете, страшно брать новенькую пятисотку, — сказала она. — Большевики навезли столько фальшивыхъ денегъ, что прямо ужасъ! Ужъ если новая бумажка, да еще даетъ ее шикарный неизвѣстный человѣкъ — такъ и знай, что окажется фальшивой.

У мадамъ Буль пронеслась тоскливая мысль о десяти новенькихъ бумажкахъ, полученныхъ отъ жильца и спрятанныхъ въ неприкосновенный запасъ.

— Но, кажется, если на бумажкѣ обозначено краснымъ „10 латъ“, то она настоящая, — робко промолвила вдова.

Колбасница покачала головой.

— Вотъ и видно, что вамъ мало приходится соприкасаться съ деньгами, — съ неуловимой „изюминкой“ въ тонѣ возразила она. — Не только латы, но и фунты и доллары бываютъ поддѣльные. Сколько хотите!

Это не могло успокоить вдову. Она почувствовала вдругъ болѣзненное желаніе снова взглянуть на деньги, полученныя отъ жильца. Разсѣянно простившись съ колбасницей, она пошла домой, полная тревоги и даже какого то смутнаго страха.

Четырнадцатый жилецъ вдругъ пересталъ ей казаться солиднымъ человѣкомъ. Одна мысль о немъ вызывала непріятное томленіе въ душѣ и, почему-то, представленія о чертовщинѣ...

Въ спальнѣ мадамъ Буль, на днѣ сундука, заполненнаго разнымъ скарбомъ, лежала заповѣдная шкатулка, въ которую три поколѣнія Булей откладывали свои сбереженія. Теперь въ шкатулкѣ хранилась валюта: обезцѣненныя германскія марки, доллары и фунты. Поверхъ всего лежали десять новенькихъ бумажекъ, полученныхъ отъ жильца. Онѣ ждали первой поѣздки въ Ригу, чтобы превратиться въ доллары.

Вдова всегда съ чувствомъ гордости извлекала фамильную шкатулку. Теперь же она дѣлала это съ ощущеніемъ сильнаго безпокойства. Пальцы ея дрожали, и она съ трудомъ открыла шкатулку...

Прежде, чѣмъ заглянуть внутрь ящика, она зажмурилась и перевела дыханіе, точно собираясь съ силами встрѣтить жестокій ударъ судьбы...

Потомъ... Вопль ужаса вырвался изъ ея груди, и шкатулка упала съ колѣнъ: поверхъ валюты лежали десять совершенно бѣлыхъ листочковъ бумаги.

Ни слѣда какихъ бы то ни было надписей на нихъ. Дѣвственно бѣлые листочки, взамѣнъ новенькихъ хрустящихъ пятисотокъ!

„Фальшивые... Выцвѣли“... обрушились тяжелыя, какъ молоты, мысли...

— О, мои деньги! — горестно прошептала вдова, сжимая въ рукѣ злополучную бумажку и глядя на нее неподвижными выпученными глазами.

V. Вмѣшательство полиціи.

Оцѣпенѣніе очень скоро смѣнилось бурнымъ негодованіемъ. Вдова подобрала со стола разсыпавшуюся валюту и уже безъ всякой системы сунула ее въ шкатулку. Туда же были брошены и бѣлыя бумажки, такъ недавно еще бывшія пятисотками. Одну изъ нихъ она зажала въ рукѣ и помчалась изъ комнаты, полная гнѣва, возмущенія и острой потребности въ шумной защитѣ своихъ правъ.

Она побѣжала къ дочери. Но у дверей комнаты Лолы остановилась и вдругъ круто повернула къ выходу: Лола можетъ не знать пока о гнусномъ обманѣ, на который попалась ея мать! Лучше показать бумажку Шмидшѣ!

Съ этой мыслью вдова побѣжала въ садъ. Но красная шапка старшаго полицейскаго Салманса, показавшаяся на улицѣ, измѣнила и это рѣшеніе. Вдова остановилась у калитки.

Самъ Богъ послалъ ей Салманса! Что можно было

придумать лучше полиціи въ данномъ случаѣ? И притомъ Салмансъ, на скромность и преданность котораго вдова имѣла основанія разсчитывать! Салмансъ былъ неравнодушенъ къ вдовѣ и пять лѣтъ тому назадъ дѣлалъ ей предложеніе. Но тогда онъ былъ только Салманомъ и выдавалъ себя за нѣмца, а вдова не любила нѣмцевъ, и это разстроило бракъ. Теперь же съ предками Салмана произошла странная метаморфоза: онъ превратился въ Салманса и сталъ чистокровнымъ латышомъ. Это мѣняло положеніе.

Салмансъ за три шага отъ калитки почтительно снялъ шапку и поклонился. На лицѣ его заиграла улыбка и все оно, включительно до пушистыхъ рыжихъ усовъ и краснаго толстаго носа, отразило удовольствіе.

— Добраго утра, мадамъ Буль...

Онъ хотѣлъ прибавить комплиментъ относительно цвѣтущаго вида вдовы (она была еще красна отъ негодованія), но природная робость помѣшала ему. Разставивъ толстыя ноги, онъ остановился передъ ней въ позѣ, которая, по его мнѣнію, была внушительной и исполненной величія.

— Здравствуйте, господинъ Салмансъ. У меня къ вамъ дѣло.

Салмансъ сдѣлалъ серьезное лицо: дѣло, такъ и есть дѣло.

— Зайдите на минутку,—открывая калитку, пригласила вдова.

Полицейскій кивнулъ головой и послѣдовалъ приглашенію. До крыльца они шли молча, и полицейскій созерцалъ сзади мощную фигуру мадамъ Буль, плывшую со всѣмъ величіемъ, подобающимъ такому серьезному моменту.

— Посмотрите на эту бумажку и скажите, чего она стоитъ! — трагически сказала вдова, очутившись дома, и протянула злополучную бумажку Салмансу.

Тонъ вдовы и ея волненіе, неожиданно прорвавшееся при этомъ, создали соотвѣтствующее настроеніе. Салмансъ взялъ бумажку, поднесъ ее къ глазамъ и долго вертѣлъ съ самымъ многозначительнымъ видомъ.

— Фальшивая? — робко спросилъ онъ, переводя взглядъ на вдову.

Отвѣтный взглядъ вдовы заставилъ его смѣшаться и покраснѣть Салмансъ подошелъ къ окну и вторично освидѣтельствовалъ бумажку. Отъ усердія капли пота выступили на лбу.

— Нда... да... Конечно фальшивая, — бормоталъ онъ, украдкой поглядывая на вдову. — Ну, дѣло ясно: вотъ у рыбы здѣсь съ хвостикомъ что-то не ладно... Да... И ротъ... И красная надпись черезчуръ жирная... Да, да, сударыня... Она фальшивая...

— Милостивый Боже!—не выдержала вдова.— Да гдѣ вы тамъ видите все это, если она выцвѣла вся... Что вы тамъ бормочете о рыбахъ и красныхъ подписяхъ?

Салмансъ пришелъ въ новое замѣшательство. Растерянно взглянувъ на вдову, онъ опустилъ взоръ на полъ.

— Нда... Выцвѣла? Ну, конечно, цвѣтъ у ней сомнительный... Какъ же это я раньше не обратилъ на это вниманія... Да... да... бумажка достаточно поблекшая.!.

— Поблекшая?—Вдова сердито вырвала изъ рукъ полицейскаго бумажку.—Я на ней рѣшительно ничего не вижу! Бумажка ничего не стоитъ.

— Совсѣмъ ничего не стоитъ, — поспѣшилъ подтвердить полицейскій.—Только вы не волнуйтесь, мадамъ... Фальшивая, конечно, ничего не стоитъ... Это ясно... Не волнуйтесь.

Но вдова дала полную волю своимъ чувствамъ. Она излила потокъ негодованія на 14 го жильца, разсказала исторію бумажекъ и въ энергичныхъ выраженіяхъ попросила помощи и защиты у Салманса, какъ у блюстителя законовъ.

Салмансъ считалъ себя выдающимся полицейскимъ. Онъ находилъ, что его способности плохо оцѣнены начальствомъ и ждалъ случая выдвинуться... Дѣло вдовы Буль было, по его мнѣнію, такимъ выигрышнымъ дѣломъ. Кромѣ того, его собственные виды на вдову

могли тоже выиграть. Съ двойнымъ рвеніемъ принялся Салмансъ обдумывать дѣло.

— Вамъ лучше всего молчать о случившемся, если вы, мадамъ, хотите получить свои деньги, — наконецъ, рѣшилъ онъ. — Предоставьте все дѣло мнѣ. Я скоро выведу этого молодчика на чистую воду и арестую всю компанію мошенниковъ. У меня есть основанія полагать, что на Взморьѣ ихъ работаетъ цѣлая шайка... Всѣ ваши потери будутъ вознаграждены... Но только ни одного слова никому, даже домашнимъ, иначе пропадетъ все дѣло. Слѣдите за своимъ жильцомъ... Я же буду дѣйствовать!

Этимъ и рѣшили походъ противъ „14-го". Положимъ, дѣло коснулось не только „14-го". Лола, выглянувшая изъ своей комнаты, увидѣла, что Салмансъ цѣлуетъ руку ея матери—значительно выше тѣхъ предѣловъ, которые допускаетъ засвидѣтельствованіе чувства почтенія. Лола постаралась скрыться. Отъ приступа неожиданной веселости она продѣлала туръ вальса и, кланяясь своему отраженію въ зеркалѣ, сказала:

— Васъ, кажется, скоро можно будетъ поздравить съ отчимомъ!

VI. Ужасная ночь.

Съ этого момента жизнь четырнадцатаго жильца протекала подъ двойнымъ наблюденіемъ—полицейскаго Салманса и вдовы Буль. Записная книжка Салманса, точно протоколъ, отмѣчала всѣ дѣйствія и поступки Веннова. Съ каждымъ днемъ Салмансъ все больше и больше укрѣплялся въ мысли, что Венновъ — глава фальшивомонетчиковъ, получающихъ кредитки изъ Совдепіи. Въ записной книжкѣ Салманса были отмѣчены два таинственныхъ свиданія Веннова съ какой-то дамой на пляжѣ. Попытки прослѣдить даму не увѣнчались успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе, этимъ ночнымъ свиданіямъ Салмансъ придавалъ особое значеніе.

Вдова Буль свято хранила тайну. Она даже Лолѣ ничего не сказала. При значительной долѣ врожденной

общительности, вдовѣ было очень трудно молчать, но она все таки молчала.

Съ жильцомъ вдова была очень холодна: почти не отвѣчала на поклоны. Чувство страха передъ нимъ все еще жило въ ея душѣ, и вдова избѣгала лишнихъ встрѣчъ, но украдкой неослабно слѣдила за каждымъ шагомъ „врага".

За дочкой она тоже наблюдала. Однако, въ дочери не было замѣтно уже никакого интереса къ жильцу. Лола могла спокойно говорить о Трибке и о предстоящей свадьбѣ. Это радовало вдову.

Салмансъ часто навѣщалъ вдову и каждый разъ приносилъ ей доказательства своей полезной дѣятельности. Петля за петлей плелась сѣть для поимки Веннова, и мадамъ Буль испытывала уже долю торжества: преступникъ будетъ наказанъ, и ея деньги не пропадутъ!

Очень кстати пришло и письмо отъ Трибке. „Почти женихъ" сообщалъ, что находится уже на пути домой. Онъ писалъ о какой то выгодной сдѣлкѣ съ партіей подтяжекъ и попутно въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ справлялся о здоровьѣ Лолы.

Письмо порадовало и мадамъ Трибке, и мадамъ Буль. Лола же такъ сильно взволновалась, что лишилась даже аппетита!

Только къ вечеру на другой день она успокоилась, хотя стала очень разсѣянной. Вдова Буль приписала все вполнѣ естественному волненію дѣвушки, ожидающей скораго рѣшенія своей судьбы.

Но вдова ничего не знала о томъ, что Лола, сидя у себя въ комнатѣ, написала письмо „четырнадцатому" и получила отъ него отвѣтъ. Все было продѣлано при помощи простой веревочки, дважды опустившейся сверху.

Венновъ, обмѣнявшись письмами съ Лолой, ушелъ изъ дому нѣсколько озабоченный. Встрѣтивъ вдову, онъ сообщилъ, что вечеромъ ждетъ гостей.

Вдова холодно приняла сообщеніе и пробурчала сквозь зубы, что не допуститъ никакого шума, если гости вздумаютъ „веселиться черезъ мѣру". Венновъ

пристально взглянулъ на вдову, потомъ улыбнулся и ушелъ. Въ душѣ вдовы осталось странное тяжелое чувство.

„У него глаза дьявола!“ — подумала она.

Въ этотъ вечеръ Лола очень рано ушла къ себѣ. Видъ у нея былъ странный точно лихорадка зажгла въ ней горячіе огни. Мадамъ Буль заботливо уложила дочку въ постель, и сама отправилась на покой: она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо.

Ночью вдова проснулась отъ шума. Наверху слышался топотъ ногъ и игра на гитарѣ. Гости у жильца, очевидно, танцовали, и это раздражало вдову. Жилецъ въ ея глазахъ былъ не такимъ человѣкомъ, которому можно было простить потревоженный сонъ. Вдова рѣшила протестовать.

Она одѣвалась полная негодованія. А чьи-то подошвы отбивали наверху фоксъ-тротъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.

— Это черезчуръ. Въ своемъ домѣ я не могу допустить такого безобразія, — гнѣвно сказала вдова.

Захвативъ свѣчу, она вышла въ сѣни. Свѣча слабо освѣтила ступени и откинула трепетныя тѣни въ глубину лѣстницы... Теперь въ шумѣ можно было разобрать голоса, и вдова задрожала отъ сильнѣйшаго возмущенія: она услыхала женскій голосъ — съ тѣми интонаціями, которыя говорятъ о нравственной легковѣсности...

Шумно дыша, какъ паровозъ, вдова рѣшительно постучала въ двери.

— Господинъ Венновъ, я не могу допустить такого безобразія!

Въ щель изъ двери не проникало никакого свѣта. Точно веселье происходило въ темнотѣ!

Шумъ затихъ сразу, точно кануло куда то въ пропасть. Вдова услышала, какъ щелкнулъ ключъ въ замкѣ. Дверь пріоткрылась, и въ темную щель просунулось лицо... Волосы зашевелились у вдовы на головѣ: передъ ней было зеленое, свѣтящееся, какъ гнилушка, лицо удавленника Функе!

Вдова съ крикомъ покатилась по лѣстницѣ. Под-

свѣчникъ прыгалъ за ней по ступенямъ. Въ полной темнотѣ очутилась она внизу и ползкомъ направилась къ своей двери.

Вдова съ трудомъ попала къ себѣ. Она перевела духъ лишь тогда, когда оградила себя отъ посторонняго вторженія двумя поворотами ключа.

Остановилась и прислушалась. Наверху было тихо, какъ въ могилѣ. Вдова слышала удары собственнаго сердца...

Она не могла оставаться одна въ этой тишинѣ и направилась въ комнату дочери.

Лола спала. Она съ головой укуталась одѣяломъ и была неподвижна.

— Она ничего не слыхала! — изумилась вдова. — Лола!

Дѣвушка не шевельнулась. Мадамъ Буль довольно энергично прикоснулась къ одѣялу и... глаза ея чуть не выскочили изъ орбитъ: Лолы не было! Чучело изъ подушекъ и платья лежало въ постели, а дѣвушка исчезла.

Ноги вдовы подкосились. Ощущеніе холода возлѣ сердца вызвало дрожь во всемъ тѣлѣ. Мадамъ Буль безпомощно опустилась на осиротѣвшую дѣвичью постель.

— Боже мой! Боже мой!—шептала она ничего не понимая и растерянно разводя руками.

VII. Приключенія Салманса.

Спекулянтъ Пушкіусъ, возвращавшійся подъ утро, послѣ изрядной выпивки, домой, видѣлъ странную картину. Въ сумеркахъ дождливаго разсвѣта прыгала навстрѣчу ему солидная фигура старшаго полицейскаго Салманса, тщательно выдѣлывавшая па фоксъ-трота. Полицейскій держался самой середины Большого проспекта, размахивалъ руками и вскидывалъ ноги съ видомъ заправскаго танцора.

— Дорѣзался человѣкъ! — громко выразилъ свою мысль Пушкіусъ.

Салмансъ пронесся мимо, танцуя съ граціей молодого слоненка. Лицо его было покрыто крупными каплями пота и хранило печать глубокой сосредоточенности. Полицейскій предавался танцу, словно серьезному дѣлу. Это было такъ убѣдительно, что Пушкіусъ невольно поддался обаянію танца и запрыгалъ возлѣ своей дачи, размахивая тростью и горланя:

— Тра-ра та та-ра ра-ра-ра...

Салмансъ не обратилъ никакого вниманія на выходку спекулянта и, продолжая танецъ, скрылся въ боковой улицѣ.

Разсказу Пушкіуса объ этомъ приключеніи никто не придалъ особаго значенія: подъ вліяніемъ выпивокъ съ нимъ вообще творились удивительныя вещи. Но фактъ подтвердила и мадамъ Бликсъ, мимо погреба которой также протанцовалъ Салмансъ. Мадамъ Бликсъ страдала безсонницей и потому у нея можно было получать справки о ночной жизни улицъ Булдури. Злые языки увѣряли, что „безсонница" ея сводится къ безпатентной торговлѣ напитками въ ночное время... Какъ бы тамъ ни было, но мадамъ Бликсъ видѣла танцующаго Салманса и огорчилась, что почтенный полицейскій выпилъ лишнее... не изъ ея склада.

Фоксъ тротъ Салманса сталъ сказкой Взморья...

Между тѣмъ событія, приведшія Салманса къ такому легкомысленному поведенію, были гораздо значительнѣе, чѣмъ простая выпивка, и тѣсно связывались съ исполненіемъ долга.

Около 11 часовъ вечера Салмансъ занялъ свой обычный наблюдательный постъ у дома вдовы Буль со стороны дюнъ. Полицейскій инстинктъ подсказывалъ ему, что должно случиться нѣчто очень важное и рѣшительное въ его борьбѣ противъ „14-го". По мѣрѣ того, какъ дежурилъ Салмансъ, прижавшись къ стволу сосны, увѣренность эта росла. Салмансъ даже пожалѣлъ, что не захватилъ помощника. Но желаніе одному стяжать лавры всего дѣла потушило это сожалѣніе. Салмансъ ограничился тѣмъ, что освидѣтельствовалъ свой револьверъ.

Небо было въ тучахъ. Накрапывалъ мелкій дождь

—точно вспрыскивало изъ пульверизатора. Мракъ былъ довольно густъ, но не настолько, чтобы нельзя было наблюдать за домомъ.

Часовъ около 12-ти на тропинкѣ, ведшей къ дюнамъ, показались двѣ человѣческихъ фигуры. Онѣ отдѣлились отъ дома вдовы, и сердце Салманса ускоренно забилось: это былъ Венновъ въ длинномъ непромокаемомъ пальто, а съ нимъ — дама въ плащѣ и капюшонѣ, надвинутомъ на голову. Та самая таинственная дама! Въ рукѣ Венновъ держалъ объемистый чемоданъ.

— Ну, Салмансъ, теперь держись! — подбодрилъ себя полицейскій.

Со всякими предосторожностями, прячась въ тѣни сосенъ, Салмансъ приблизился къ парочкѣ. Вѣтеръ донесъ отрывокъ разговора, отъ котораго духъ заняло въ груди полицейскаго:

— Мы улизнули совершенно незамѣченными, увѣряю тебя, дорогая.. У купальныхъ мостковъ насъ ждетъ моторная лодка... Вотъ и все... Только бѣдной мадамъ Буль придется пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ...

И Венновъ засмѣялся.

Салмансъ задрожалъ, какъ боевой конь: мошенники были въ его рукахъ! Распространивъ на Взморьѣ фальшивыя кредитки, преступная парочка спасалась бѣгствомъ! Полицейскій ни на минуту не сомнѣвался больше, что въ чемоданѣ Веннова были фальшивыя деньги.

„И у васъ скоро начнутся непріятныя минутки“,— злорадствуя подумалъ онъ и потеръ руки.

Парочка скрылась на тропинкѣ между колючими проволоками. Салмансъ прибавилъ шагу.

Съ гребня дюнъ онъ увидѣлъ преступниковъ на пескѣ пляжа. Вѣтеръ трепалъ пальто Веннова и срывалъ капюшонъ съ головы женщины...

Бѣглецы шли въ сторону Маіоренгофа.

Салмансъ бѣгомъ обогнулъ нѣсколько дюнъ и спустился къ морю навстрѣчу бѣглецамъ. Онъ столкнулся съ ними возлѣ купальныхъ мостковъ.

— Опять этотъ жирный полицейскій,—съ раздраженіемъ сказалъ Венновъ. — Ужъ не слѣдитъ ли онъ за нами? Послушайте, сойдите съ дороги! — тономъ приказанія обратился онъ къ полицейскому.

У мостковъ стояла моторная лодка, и Салмансъ готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ освободить дорогу бѣглецамъ.

— Успѣется, — отвѣтилъ онъ и добавилъ сурово: — Мнѣ нужно знать сперва, что увозите вы въ этомъ чемоданѣ, господинъ Венновъ, а потому попрошу васъ отправиться со мной въ участокъ.

— Ай!

Это испуганно вскрикнула женщина и прижалась къ плечу своего спутника. Вѣтромъ скинуло капюшонъ съ ея головы, и Салмансъ попятился съ мостковъ въ величайшемъ изумленіи:

— Фрейлейнъ Лола! О!

Венновъ нетерпѣливо повлекъ дѣвушку на мостки.

— Отвяжитесь, болванъ! — кинулъ онъ сердито.— Не вязывайтесь не въ свое дѣло!

Но съ Салмансомъ не такъ-то легко было сладить. Онъ выхватилъ револьверъ.

— Вы арестованы! Сойдите, или я буду стрѣлять!

Дѣвушка перепугалась и вскрикнула снова. Венновъ прижалъ ее къ себѣ и повернулся къ полицейскому.

— Ага, вотъ какъ! Ты самъ себя наказалъ, глупецъ!

Салмансу показалось, что глаза „14-го“ превращаются въ горящіе угли. Что-то, сковывающее сознаніе, полилось изъ этихъ глазъ и спутало мысли... Пропало вдругъ желаніе арестовать кого-бы то ни было... Рука убрала револьверъ... Сонливая апатія вдругъ охватила полицейскаго.

— А теперь — маршъ домой! — вдругъ приказалъ Венновъ. — Понялъ? Да не какъ-нибудь, а фоксъ-тротомъ! Фоксъ-тротомъ — до самой постели, а потомъ—спать до часу дня!

Члены Салманса задрожали, точно пронизанные электрическимъ токомъ. Онъ повернулся, какъ маріо-

нетка... Ноги, никогда въ жизни не плясавшія фоксъ-трота, сдѣлали первыя угловатыя па... И трясясь въ модномъ танцѣ, полицейскій направился къ дюнамъ.

Точно бронзовый колокольчикъ зазвенѣлъ веселый смѣхъ Лолы.

Венновъ тоже смѣялся.

— Однако, — переводя дыханіе сказала Лола. — ты удивительный гипнотизеръ... Страшно сильный. Ужъ не этой ли силой околдовалъ ты меня?

Венновъ нѣжно привлекъ ее къ себѣ и заглянулъ въ глаза.

— Твоя сила грознѣе моей, Лола: она покоряетъ навѣки, и я твой вѣчный плѣнникъ съ тѣхъ поръ, какъ заглянулъ въ твои ясные глазки... Въ нихъ живетъ любовь, моя радость, а сильнѣе любви нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Говоря это, онъ увлекъ дѣвушку въ лодку. Моторъ затарахтѣлъ, застучалъ... Лодка дернулась и, разрѣзая волны, пропала въ свинцовой мути моря.

Такъ исчезъ 14 й жилецъ...

VIII. Неожиданности.

Вдова Буль до утра пролежала въ комнатѣ дочери, находясь въ какомъ-то тяжеломъ оцѣпенѣніи. Ужасы, пережитые наверху, стушевались передъ горемъ и позоромъ, поразившимъ ее. Что скажетъ теперь мадамъ Трибке? А какъ будутъ злорадствовать Шмидша и эта несносная Бликсъ! Лучше умереть, чѣмъ попадаться имъ на глаза! Впрочемъ, можно пока ничего не говорить... Лола можетъ быть и не совсѣмъ ушла, а вернется... Конечно, лучше подождать со скандаломъ... Но куда и съ кѣмъ ушла она въ такую ужасную ночь?.. Бр...

Поднявшись съ постели, вдова подошла къ маленькому столику, на которомъ стоялъ портретъ дочери.

— О, Лола! — вздохнула мадамъ Буль безъ зло-

бы и негодованія — тяжелымъ вздохомъ матери, раненой въ душу.

Конвертъ, лежавшій посерединѣ стола, привлекъ ея вниманіе. Надпись „милой мамочкѣ“ бросилась въ глаза и даже исторгла слезу. Какъ всѣ рыхлыя особы, вдова была очень чувствительна.

Дрожащими пальцами вскрыла она конвертъ, покорно готовясь встрѣтить послѣдній ударъ судьбы.

„Милая мамочка, — писала Лола, — прости меня, но ты никогда бы въ жизни не поняла меня и никогда бы не допустила этого брака... Моя родная, я больше жизни люблю нашего „четырнадцатаго“, и сегодня мы ѣдемъ съ нимъ въ Ригу, чтобы повѣнчаться... Все уже готово, и утромъ я буду замужемъ... А ты бы этого никогда не позволила — я знаю“...

Въ глазахъ у вдовы помутилось. Она выронила письмо, охваченная ужасомъ и горемъ,

— Боже мой! Бѣжать съ этимъ шарлатаномъ, съ этимъ мошенникомъ съ глазами дьявола! Онъ ее сразу обманетъ и броситъ... О Лола! Лола!

Это превышало всякія силы. Отказаться отъ честнаго Трибке, чтобы бѣжать съ проходимцемъ, причинившимъ столько зла матери. Этого нельзя было простить... Никогда...

Но шевельнулось въ душѣ и другое. Вдова вспомнила, что ни слова не сказала дочери ни о фальшивыхъ деньгахъ, ни о странной шуткѣ съ салатомъ. Дѣвочка не знала ничего, а мужчины такіе обольстители и прикидываются всегда ангелами!

— Бѣдное мое дитя! Своей скрытностью я погубила тебя, — всхлипнула вдова. — Но я поѣду всюду за тобой и вырву тебя изъ когтей этого дьявола... Разъ я сдѣлала ошибку, я постараюсь, чтобы ты не пострадала отъ нея, моя бѣдная дѣвочка.

И немного успокоенная этимъ торжественнымъ рѣшеніемъ, вдова снова взялась за письмо.

„Если бы ты знала, мамочка, какой онъ умный, хорошій и какъ сильно любитъ меня, то ты сама бы благословила насъ. Но ты была вся во власти Трибке и не очень-то долюбливала Виктора... Онъ, кромѣ того,

очень знаменитый человѣкъ и страшный богачъ... Послѣ вѣнца мы пошлемъ тебѣ подробныя письма съ особымъ человѣкомъ — и ты не долго будешь огорчаться... Мнѣ очень больно огорчать тебя, я плачу даже, но иначе нельзя: завтра можетъ пріѣхать Трибке и нужно ему натянуть носъ... И ты простишь насъ, моя добрая старушка... Крѣпко цѣлую... крѣпко"...

Вдова въ сильномъ волненіи дочитала письмо.

— Знаменитъ, — съ горькимъ сарказмомъ подумала она. — Троцкій тоже знаменитъ... Глупая дѣвочка! Богатъ! Да, богатъ — фальшивыми деньгами... Бѣдная моя дочка!

Вдова снова вздохнула... Не отдавая себѣ отчета въ поступкахъ, она извлекла свою заповѣдную шкатулку и открыла ее...

Новенькіе десятилатовые билеты, лежавшіе сверху, прямо ослѣпили мадамъ Буль. Вдова взяла ихъ въ руки и перерыла затѣмъ все содержимое шкатулки, разыскивая десять бѣлыхъ „выцвѣтшихъ" билетовъ. Ихъ не было. Новыя, пріятно хрустящія подъ пальцами „десятилатки" лежали вмѣсто нихъ... Волшебство!

Бѣдная вдова ничего не понимала... Ей казалось, что удары, выпавшіе за послѣднее время, помутили ея разсудокъ. Она закрыла глаза, разсчитывая, что бумажки окажутся бѣлыми, когда она на нихъ снова посмотритъ. Ничего подобнаго: кредитки попрежнему щеголяли новымъ нарядомъ типографской краски!

— Но онѣ, должны быть, фальшивыя,—успокоила себя вдова. — Пойду ка я къ Шмидшѣ и попробую размѣнять одну. Что она скажетъ?

У Шмидши мадамъ Буль купила ветчины и съ сильно бьющимся сердцемъ протянула роковую бумажку. Колбасница долго щупала кредитку, смотрѣла сквозь нее на свѣтъ и разыскивала на ней какіе-то точки и знаки.

— У васъ мнѣ не приходилось видѣть фальшивыхъ денегъ, — сказала она, отсчитывая сдачу. — Вы, вѣрно, очень осторожны, когда принимаете деньги.

Вдова пробормотала что-то нескладное въ отвѣтъ,

въ сильномъ замѣшательствѣ принимая сдачу. Значитъ онъ—не фальшивомонетчикъ!

— Когда пріѣзжаетъ молодой Трибке? — болтала колбасница. — Это правда, что Лола выходитъ за него замужъ? Объ этомъ давно говорили, но я не придаю значенія всякимъ слухамъ... Мало ли что говорятъ?

Вдовѣ было не до разговоровъ. Она уклонилась отъ прямого отвѣта, сказавъ, что послѣднее слово въ этомъ вопросѣ еще остается за Лолой, и пошла домой обуреваемая цѣлымъ вихремъ мыслей.

„14-ый жилецъ" не былъ мошенникомъ—это ясно. Но тогда или онъ дьяволъ, или сама она, вдова Буль, на старости лѣтъ оказалась во власти чертовщины... Вопросъ этотъ могъ разрѣшить только пасторъ, а вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ этого вопроса могло измѣниться многое... И судьба Лолы могла оказаться не такой ужъ жалкой... Вѣдь „14-ый жилецъ" производитъ солидное впечатлѣніе, если устранить подозрѣнія о его темной дѣятельности.

IX. Счастье дочери — выше всего.

У мадамъ Буль было время подумать. Хотя ходъ ея размышленій и носилъ крайне сумбурный характеръ, но сводился все-таки къ одному основному вопросу: что предпринять для созданія счастья дочери? И казалось, что нѣтъ той жертвы, которой бы не могла принести вдова ради этого счастья.

— Счастье дочери—выше всего!

Это рѣшеніе было кинуто вродѣ вызова двумъ вазонамъ фикуса, съ листьевъ которыхъ мадамъ Буль снимала влажной тряпочкой пыль. Это рѣшеніе влило свѣжую струю бодрости въ душу вдовы. Точно разомъ было покончено со всѣми непріятностями прошлаго и оставалось рѣшить лишь самую важную задачу дня.

Работа въ это утро не спорилась. Поливая вазоны, вдова пролила воду на коверъ; перемывая посуду — разбила свою любимую розовую чашку. Все это было

показателемъ волненій и приводило въ ужасъ мадамъ Буль.

— Я сегодня хуже дѣвочки, — рѣшила она, опускаясь въ кресло возлѣ окна. — Лучше ничего не дѣлать, а просто ждать.

Но и „просто ждать“ было трудно. Минуты тянулись безконечно. Къ тому же, неизвѣстно было, когда придетъ особый посолъ, обѣщанный Лолой въ письмѣ. Да и придетъ ли вообще?

— Зачѣмъ этотъ посыльный?—хмурилась вдова.— Могли бы и сами поторопиться. Бранить я все равно буду!

Но вдова запнулась, подумавъ о своемъ зятѣ. Едва ли у нея хватитъ храбрости выбранить этого человѣка съ глазами дьявола! Но... для порядка выбранить надо же... Можно, положимъ, бранить и не глядя въ его страшные глаза... Зато этой ужасной дѣвчонкѣ попадетъ какъ слѣдуетъ! Подумать только: выкинуть такую штуку. Этотъ несчастный Трибке, что онъ теперь будетъ дѣлать?

Такъ тянулись мысли въ головѣ вдовы, цѣпляясь то за одно, то за другое... Толстая книга, которую она взяла читать, лежала на колѣняхъ нераскрытой...

Посыльный прибылъ послѣ 12. Онъ внесъ двѣ объемистыя корзины и вручилъ вдовѣ конвертъ.

— Отвѣтъ просили сейчасъ же.

Мадамъ Буль хотѣлось забросать посыльнаго вопросами, но это было бы неприлично. Вдова съ достоинствомъ кивнула головой и вышла въ столовую прочесть письмо.

Письмо было длинное, нѣжное и полное ласки. Глаза мадамъ Буль увлажнились, и она не могла сразу дочитать до конца того, что писала Лола.

„Мы повѣнчались, любимая моя мамочка, и теперь я—мадамъ Веннова,—сообщала Лола. — Викторъ проситъ тебя простить его. Онъ очень извѣстный гипнотизеръ и говоритъ, что причинилъ тебѣ нѣсколько непріятностей своимъ гипнотизмомъ. Мнѣ онъ боится сказать, что сдѣлалъ съ тобой, но я думаю, что не то, что онъ сдѣлалъ съ Салмансомъ... Онъ говоритъ, что

очень уважаетъ тебя и загладитъ свою вину сыновьимъ почтеніемъ. Прости его, мамочка, а заодно и меня: до самаго полнаго счастья мнѣ не хватаетъ только одного твоего словечка, моя добрая старушка"...

Дальше вдова не могла читать. Она поднесла платокъ къ глазамъ, осушила ихъ, вздохнула и отправилась въ спальню. Тамъ добыла листокъ бумаги и конвертъ.

„Да благословитъ васъ Господь, — написала она дрожащей рукой.—Пріѣзжай скорѣе, если не хочешь вогнать въ гробъ свою мать, Лола!"

Больше ничего. Листокъ, вложенный въ конвертъ, она вручила посыльному и въ окно слѣдила за этимъ человѣкомъ въ синей шапкѣ, уносившимъ въ конвертѣ крикъ ея материнскаго сердца.

А когда синяя шапка скрылась за деревьями, мадамъ Буль почувствовала вдругъ себя безпомощной, покинутой и одинокой. Первый разъ въ жизни.

X. Еще одна пара.

Рыжая голова полицейскаго Салманса просунулась въ двери уже тогда, когда вдова, поборовъ свою слабость, разбиралась въ содержимомъ корзинъ, оставленныхъ посыльнымъ.

Въ первой корзинѣ оказались подарки для нея самой, во второй — вина и фрукты. Вещей было такъ много, что глаза разбѣгались.

У полицейскаго былъ сконфуженный и растерянный видъ. Онъ не зналъ даже какъ приступить къ разсказу о своихъ ночныхъ приключеніяхъ—слишкомъ щекотливой была тема—и, послѣ словъ привѣтствія, остановился возлѣ дверей въ полной нерѣшительности.

Мадамъ Буль сурово взглянула на него.

— Вамъ что-нибудь нужно, Салмансъ?

— Такъ... ничего особеннаго. Пришелъ спросить, все ли у васъ благополучно, мадамъ Буль?

Вдова пронзила его уничтожающимъ взглядомъ и встала изъ-за корзины.

— Благодарю васъ, — ледянымъ тономъ отвѣтила она.—Я могу сказать только одно, Салмансъ, что при такой полиціи, какъ вы, никогда и нигдѣ не можетъ быть благополучно.

Полицейскій поежился, точно мундиръ вдругъ обжегъ его тѣло.

— Но... почему же... почему... — забормоталъ онъ, не рѣшаясь встрѣтиться взглядомъ съ глазами вдовы.

— И вы еще смѣете спрашивать почему? Нѣтъ, лучше я васъ спрошу, почему вы честныхъ людей считаете мошенниками, а настоящія хорошія деньги называете фальшивыми? Почему? А? Скажите мнѣ, кто такой мой жилецъ? Ну-ка...

Полицейскій отступилъ въ уголъ передъ разсерженной вдовой и съ тоской поглядывалъ на дверь: крупная фигура вдовы отрѣзала отступленіе.

— Фаль... фальш... — осмѣлился выговорить онъ, но подавился словомъ.

— Сами вы фальшивомонетчикъ! Посмотрите-ка теперь на бумажку и скажите безъ утайки, видѣли вы ее тогда такой же, какъ и теперь?

Вдова поднесла къ лицу Салманса пятисотку. Онъ осторожно взялъ ее, точно раскаленный уголь...

— Все то же самое... Да...—безсмысленнымъ взоромъ обозрѣвая бумажку забормоталъ полицейскій. — Это... та же?

— Одна изъ тѣхъ... Ту я размѣняла уже.

— Она... настоящая...

Вдова выхватила бумажку изъ руки полицейскаго: она не владѣла уже собой.

— А вы меня морочили! — выпалила она, дрожа отъ гнѣва.—Моего жильца вы называли большевикомъ и фальшивомонетчикомъ... А вы знаете, кто онъ?

Послѣдовала мертвая пауза. Вдова была величественна въ порывѣ благороднаго негодованія и напоминала богиню... немного располнѣвшую богиню, конечно.

— Онъ—мужъ моей дочери!

Ударъ дубиной по головѣ вызвалъ бы меньшій

эффектъ. Салмансъ выпучилъ глаза и опустился на первый попавшійся стулъ.

— Извините... мнѣ плохо,—прохрипѣлъ онъ, вынимая платокъ изъ кармана.

Салмансъ былъ уничтоженъ. Вдова кинула на него послѣдній негодующій взглядъ и отошла къ своимъ корзинамъ.

Она уже не обращала никакого вниманія на своего поклонника. Полицейскій долго сидѣлъ неподвижно, украдкой поглядывая на вдову. Ея пухлыя бѣлыя руки съ глубокими ямками на локтяхъ извлекали изъ корзины множество разныхъ вещей. Салмансу никогда еще не казались эти руки такими привлекательными, какъ теперь. Онъ долго собирался съ мыслями, краснѣлъ, отиралъ платкомъ потъ со лба и, наконецъ, рѣшительно поднялся со стула.

— Мадамъ Буль... Я ухожу... Только на прощанье хочу сказать вамъ...

Рука, извлекавшая бутылку изъ корзины, замѣтно дрогнула. Вдова не подняла однако глазъ.

— Что сказать, господинъ Салмансъ? — спросила она уже болѣе мягко.

— Я... я... люблю васъ,—тяжелымъ вздохомъ выдавилъ полицейскій.—Изъ любви къ вамъ я оказался плохимъ полицейскимъ... Я... я ослѣпленъ любовью и все видѣлъ вашими глазами... Прощайте и не поминайте зломъ!

Онъ двинулся къ двери—понурившійся, точно на плечи его опустилась какая-то тяжесть.

Вдова остановила его.

— Постойте, господинъ Салмансъ.

Она улыбаясь подошла къ нему.

— У васъ серьезныя намѣренія, Салмансъ?

Полицейскій нервно теребилъ фуражку.

— Быть вашемъ мужемъ—моя мечта.

Вдова подумала одну минутку.

— Это имъ тоже будетъ сюрпризъ, — сказала она оживившись. — Пусть ваша мечта осуществится: вотъ моя рука...

Салмансъ даже подпрыгнулъ отъ неожиданности.

Затѣмъ схватилъ протянутую руку и пожалъ ее такъ, что хрустнули кости. Потомъ спохватился и хотѣлъ поцѣловать...

Бѣшено мчавшійся автомобиль подкатилъ къ калиткѣ сада. Вдова выдернула руку и бросилась къ окну. Салмансъ поспѣшилъ за нею.

Изъ автомобиля выходила Лола—сіяющая, счастливая, съ громаднымъ букетомъ въ рукахъ. Ее поддерживалъ „14 ый жилецъ".

— Они!

Вдова поблѣднѣла отъ сильнаго волненія. Хотѣла бѣжать въ садъ — навстрѣчу, но пошатнулась и попала въ медвѣжьи объятья Салманса. На лицѣ она ощутила сейчасъ же колючее прикосновеніе подстриженныхъ усовъ.

— Эти глупости оставь, Салмансъ,—освобождаясь отъ объятій замѣтила вдова, — ты еще не мужъ... Дай лучше руку и пойдемъ встрѣчать ихъ...

По саду въ солнечномъ лучѣ шла подъ руку молодая чета, сіяющая любовью и полная счастья...

Навстрѣчу ей изъ сумрака дома вышла вторая чета. Тоже счастливая по своему, хотя и не молодая уже...

Домъ на островѣ.

I. Ростовщикъ.

Это было старое животное, высохшее, костлявое, съ пергаментно желтой кожей, обтянутой на вискахъ и собранной многочисленными складками на лбу и подъ глазами. Одѣтое въ зеленоватый отъ времени широкій балахонъ, оно передвигалось съ помощью палки, которую цѣпко держали крючковатые пальцы съ ревматическими узлами на суставахъ. Эта старая развалина еле двигалась и казалась муміей на ходуляхъ.

Но у старика были замѣчательные глаза. Сѣрые, ясные, они сохранили свѣжесть и кристальность юности. Красныя, морщинистыя вѣки безъ рѣсницъ были плохой оправой для нихъ: дряблость старости не вязалась съ молодымъ блескомъ глазъ.

Въ этихъ глазахъ поражало выраженіе жестокости и силы, странной для такой ветхой муміи, — холодной, безпощадной силы. Но въ нихъ не было и намека на алчность, что тоже казалось страннымъ: старикъ занимался ростовщичествомъ и скупостью превзошелъ Плюшкина.

Звали его Исидоръ Гочъ. Въ городѣ онъ пользовался мрачной популярностью, но жители не брезгали услугами его денежнаго сундука. При желаніи, старикъ могъ бы оклеить городскую колокольню обязательствами должниковъ, но онъ былъ далекъ отъ подобныхъ желаній.

Домъ стараго ростовщика стоялъ на островѣ. Это былъ единственный домъ на островѣ, — приземистое

старое зданіе съ двумя рядами пыльныхъ темныхъ оконъ, задѣланныхъ рѣшетками въ первомъ этажѣ.

Когда то островъ сообщался съ городомъ деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ узкій рукавъ рѣки. Но мостъ обветшалъ, сталъ опаснымъ и его снесли. Двѣ сваи остались въ выемкѣ берега у острова. Онѣ напоминали два гнилыхъ зуба, топырившіеся изо рта; къ нимъ старикъ привязывалъ лодку, въ которой ѣздилъ въ городъ. Исидоръ Гочъ жилъ въ обществѣ прислуги, горбатой старухи. У нея было свирѣпое лицо, напоминающее морду бульдога, облагороженную крючковатымъ хищнымъ носомъ. Она вела несложное хозяйство старика. На базарной площади, съ мѣшками для провизіи въ рукахъ, старуха напоминала ползущую летучую мышь. Должно быть за непривлекательную наружность ее считали колдуньей.

О Гочѣ много говорили въ городѣ. Ходили слухи, что онъ богатъ, какъ Вандербильдъ, и могъ купить весь городъ, если бы захотѣлъ. Говорили также, что онъ любитъ золото — червонцы — и вымѣниваетъ на нихъ всѣ свои доходы. Толковали, что въ домѣ на островѣ существуетъ потайная комната, въ которой спрятаны богатства старика. Банковъ Гочъ не признавалъ: онъ не довѣрялъ банкамъ.

II. „Веселые друзья".

Странно, что въ трактирѣ „Веселые друзья" мало интересовались Исидоромъ Гочемъ. „Веселые друзья" стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города и занималъ позицію, враждебную городскому населенію. Люди, толпившіеся у грязной стойки и сидѣвшіе за столами въ прокопченной комнатѣ, придерживались большевицкаго взгляда на частную собственность. Среди нихъ были удалые ребята, передъ которыми не могли устоять никакіе замки и запоры. Были тутъ и мрачныя личности, пользовавшіяся кастетами и ножами въ качествѣ орудій добывающей промышленности.

Да, веселые друзья, собиравшіеся подъ вывѣской,

на которой были изображены трое продозрительныхъ субъектовъ со стаканами въ рукахъ, расходились съ населеніемъ города, какъ образомъ жизни, такъ и родомъ занятій.

Жизнь горожанъ очень интересовала веселыхъ друзей. Благополучіе отдѣльныхъ гражданъ служило въ трактирѣ весьма животрепещущимъ матеріаломъ для интимныхъ бесѣдъ. Съ этой стороны интересы кабака переплетались съ интересами города, хотя польза отъ этого была только Матанѣ, кривоглазому пузатому человѣку съ деревяжкой вмѣсто ноги, владѣльцу заведенія „Веселые друзья".

О ростовщикѣ въ „Веселыхъ друзьяхъ" почти не говорили. Имя Гоча упоминалось крайне рѣдко. Можно было подумать, что безшабашные „друзья" питали странное уваженіе къ дому на островѣ: даже о потайной комнатѣ они говорили съ безкорыстнымъ восхищеніемъ. Такимъ же образомъ они могли восхищаться и содержимымъ подваловъ Англійскаго банка.

III. Рыцарь удачи.

Григъ былъ новичкомъ въ „Веселыхъ друзьяхъ" и новымъ лицомъ въ городѣ. Курьезная достопримѣчательность въ видѣ Исидора Гоча кинулась ему въ глаза. Какъ новичокъ, онъ многаго не зналъ о жизни города, но о ростовщикѣ въ первый день узналъ почти столько же, сколько знали старожилы.

Григъ не расчитывалъ долго пользоваться гостепріимствомъ „Веселыхъ друзей". За нимъ въ Бейлѣ остался слишкомъ горячій и пахнущій слѣдъ. Чтобы не нажить непріятностей, слѣдовало продолжить путешествіе.

Два вечера въ „Веселыхъ друзьяхъ" хотя и расположили въ его пользу Матаню и завсегдатаевъ трактира, но поглотили всѣ наличныя средства. Отъ нихъ осталась отрыжка въ видѣ мрачнаго похмѣлья и на память — синякъ, закрывшій лѣвый глазъ.

Утромъ, сидя за столомъ, на которомъ стояла

водка и лежалъ огурецъ, Григъ обдумывалъ свое положеніе. Саднящая боль въ глазу настраивала мысли на мрачный ладъ, а похмѣлье усугубляло ихъ чувствомъ подавленности и тревоги.

Въ такомъ состояніи духа Григъ обратилъ вниманіе на Исидора Гоча. Собственно, старикъ въ его глазахъ не заслуживалъ ровно никакого вниманія, но зато таинственная комната въ домѣ на островѣ заполнила мысли бродяги. Онъ наканунѣ бродилъ возлѣ рѣки и наблюдалъ за домомъ, совершенно безцѣльно, какъ наблюдаютъ любопытное явленіе. Теперь результатъ этихъ наблюденій слился въ его мозгу съ идеей, озарившей похмѣльный мракъ больной головы.

Улыбнувшись собственнымъ мыслямъ, Григъ спросилъ еще водки и, выливая ее въ стаканъ, пробормоталъ:

— Все прямо чудесно, и мѣстные парни — круглые идіоты, если до сихъ поръ не раздѣлались со старикомъ.

Кривой Матаня услышалъ это. Онъ подмигнулъ единственнымъ глазомъ Полифему, сидѣвшему за столикомъ въ другомъ углу.

— Къ Гочу собирается...

Полифемъ тряхнулъ рыжими кудрями, точно папахой прикрывавшими его голову.

— Пусть...

Онъ подарилъ Грига злораднымъ взглядомъ. Наканунѣ они разодрались и носили теперь на своемъ обликѣ слѣды этого боя.

— Не такіе хаживали, ха... ха... ха... стараго сквалыгу не подцѣпишь.

Матаня, ковыляя на деревяжкѣ за прилавкомъ, поддержалъ разговоръ. Григъ внушалъ ему симпатію.

— Помнишь, какъ Мазикъ хвасталъ, что порѣшитъ Гоча и вѣдьму тоже?

— Помнится, Мазику не повезло, — равнодушно отозвался Полифемъ... Дай-ка, Матаня, еще порцію!

— То-то и есть, — отковырнувъ крючкомъ пробку, многозначительно сказалъ Матаня. — Наши ребя-

та, почитай, всѣ обожглись на Гочѣ. Стыдно вспомнить, съ какимъ конфузомъ приходили сюда...

Полифемъ щелкнулъ яйцомъ о столъ, очистилъ скорлупу и, выпивъ водки, замѣтилъ со спокойствіемъ философа:

— Съ этимъ ничего не подѣлаешь, Матаня. Колдуютъ они тамъ... Заговоренъ домъ.

— Заговоренъ, или нѣтъ, — не знаю... Кхе... кхе... А только есть что то у стараго жида... Не боится онъ никого... Ребята наши ни за что къ нему не сунутся... Понтикъ посѣдѣлъ, побывавъ на островѣ...

Разговоръ заинтересовалъ Грига.

— Что же тамъ страшнаго такого?—спросилъ онъ.

Матаня счищалъ рукой крошки съ прилавка.

— Кто его знаетъ, — въ задумчивости, кладя въ ротъ крошки, отвѣтилъ онъ. — Никто изъ нашихъ ни слова не говоритъ объ этомъ. Всѣ они удивительно скромными приходятъ отъ Гоча. Молчатъ, какъ дохлая рыба.

Григъ былъ молодъ, силенъ и самоувѣренъ. Онъ презрительно пожалъ плечами.

— Возьмись я за это дѣльце — вашему жиду не помогло бы никакое колдовство...

Онъ чуть было не проговорился и закусилъ губу. Больше пить не слѣдовало, и, швырнувъ на столъ послѣднюю мелочь, Григъ вышелъ изъ кабака.

IV. Ночной визитъ.

Лодка безшумно подошла къ острову и скользнула въ тѣнь кустовъ ивняка. Григъ сложилъ весла на бортъ и съ минуту сидѣлъ неподвижно. Отъ вѣтра колыхался ивнякъ и скрипѣлъ ржавый флюгеръ на крышѣ. Мрачная громада дома выдвигалась изъ темноты прямо передъ Григомъ; за рѣшетками поблескивали квадратики стеколъ, точно подмигивали.

Еще днемъ Григъ намѣтилъ окно. Оно было меньше другихъ, безъ рѣшетки, и помѣщалось надъ входной дверью. Выдавить стекло ровно ничего не

стоило, и Григъ направился къ нему осторожно, но рѣшительно.

Григъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Выдавливая на патоку стекло надъ дверью, онъ мурлыкалъ подъ носъ пѣсню и далекъ былъ отъ мысли о какой-либо опасности: изъ города его не мог и замѣтить, что же касается обитателей дома, то они не стоили того, чтобы молодой, сильный бродяга думалъ о нихъ.

Легкое хрустѣніе стекла и ловко свернутые осколки вмѣстѣ съ тряпкой безшумно упали на землю. Григъ заглянулъ внутрь дома. Привыкшіе къ темнотѣ глаза различили лѣстницу, уходившую вглубь мрака.

Проникнуть въ окно и опуститься по ту сторону двери было дѣломъ одного момента. Григъ нащупалъ запоры и отворилъ ихъ. Это было сдѣлано скорѣе по привычкѣ, чѣмъ въ силу необходимости: два полуживыхъ старика не могли внушать серьезныхъ опасеній.

Направо помѣщались жилыя комнаты. Необходимо было начать изслѣдованіе съ нихъ, и Григъ, нащупавъ ручку дверей, нажалъ ее.

Дверь подалась. Слегка скрипнула. Громила застылъ на порогѣ. Обостренный слухъ разобралъ тиканье карманныхъ часовъ въ глубинѣ комнаты; глазъ различалъ неясныя очертанія обстановки.

Тишина. Григъ вошелъ въ комнату; сердце его билось ровно и спокойно, безъ напряженія...

Непріятное ощущеніе чьего-то сосредоточеннаго взгляда на затылкѣ остановило вора. Григъ ясно чувствовалъ этотъ взглядъ—насмѣшливый, жестокій, пронизывающій.

Онъ обернулся. Сзади никого. Сквозь открытую дверь виднѣлась стѣна. Легкая дрожь свела кожу на затылкѣ.

Досадуя на себя, Григъ сдѣлалъ шагъ въ глубину комнаты. Непріятное сознаніе, что за нимъ наблюдаютъ, не покидало его. Причины этого сознанія были таинственны, непонятны и создавали тревогу. Робость проникла въ душу, и самообладаніе начало колебаться.

Въ комнатѣ не было никого. Григъ вынулъ спички. Руки дрожали, и двѣ спички сломались.

Третья вспыхнула, но сразу же погасла...

— Ха... ха... ха...

Точно старыя стѣны дрогнули вдругъ и залились скрипучимъ хохотомъ. Кровь замерла въ жилахъ бродяги. Уронивъ коробку со спичками, онъ торопливо обернулся. Визгливый, какъ вопль, смѣхъ звучалъ въ ушахъ, но въ комнатѣ никого не было.

— О, чортъ!—вырвалось у Грига.

Кто то прошелъ мимо. Темная тѣнь скользнула въ двухъ шагахъ и слилась съ мракомъ. Ужасный, сковывающій взглядъ перемѣстился тоже. Теперь онъ былъ спереди. Григъ чувствовалъ, что взглядъ этотъ парализуетъ его, лишаетъ способности двигаться. Почти съ отчаяніемъ онъ вскрикнулъ:

— Кто ты, сатана?

Отвѣта не было. Двѣ свѣтлыя точки выплыли изъ мрака. Онѣ излучали то странное, гнетущее, что овладѣло Григомъ, сковало его волю... Потомъ, какъ черный призракъ, обрисовалась во мракѣ фигура человѣка... Послѣдняя вспышка сознанія освѣтила желтое пятно лица, и Григъ понялъ, что свѣтлыя точки были глазами... Глазами старика.

V Кошка и мышь.

Очнулся Григъ въ креслѣ. Комната была освѣщена, и бродяга, прежде всего, увидѣлъ Гоча. Старикъ, одѣтый въ темный балахонъ, сидѣлъ передъ нимъ, облокотясь на поручень стараго кресла. Пергаментно-желтое лицо было неподвижно, какъ у муміи. Только глаза глядѣли насмѣшливо и жестоко. Подъ этимъ пристальнымъ взглядомъ Григъ чувствовалъ себя безпомощнымъ младенцемъ.

Огонь свѣтилъ снизу, изъ-за спины Гоча. По красноватому трепетному свѣту Григъ понялъ, что это горѣлъ каминъ. Комната была въ полумракѣ, и мелкія тѣни дрожали на потолкѣ и стѣнахъ, мѣшаясь съ отблесками пламени.

За спиной Гоча копошился кто-то. Это было похоже на кучу тряпья, но, вглядѣвшись, Григъ разобралъ горбатую спину старухи и угловатую голову въ платкѣ.

— Итакъ, вы у меня въ гостяхъ, — нарушилъ молчаніе старикъ.

Этотъ голосъ окончательно привелъ въ себя Грига. Мысль, что онъ поддался на глупую удочку, былъ одураченъ, привела его въ бѣшенство. Онъ рванулся, но тутъ почувствовалъ, что руки, ноги и все тѣло его крѣпко прибинтовано къ креслу. Григъ выругался сквозь зубы.

— Хи... хи... хи... — раздалось за спиной ростовщика.

Это былъ тотъ же смѣхъ, что звучалъ недавно въ темнотѣ. Старуха высунула голову изъ-за спины ростовщика. На свирѣпомъ лицѣ ея, похожемъ на морду бульдога, свѣтилось предвкушеніе чудовищнаго удовольствія, почти наслажденія. Дрожь обдала тѣло бродяги волной холода.

— Ч... что вамъ нужно? — спросилъ онъ, стараясь казаться хладнокровнымъ.

Ростовщикъ пошевелился.

— Этотъ вопросъ мнѣ слѣдуетъ задать вамъ, мой мальчикъ. Не такъ ли, Сусанна? Вѣдь мы имѣемъ право спросить у молодого человѣка, зачѣмъ онъ пожаловалъ къ намъ въ глухой часъ ночи... Такъ, вѣдь? Э? Почему вы молчите? Что вамъ понадобилось отъ стараго Исидора Гоча?

Лицо старика передергивалось противными гримасами. Самъ онъ корежился въ креслѣ, словно дергунчикъ на ниткѣ. Старуха то и-дѣло заливалась визгливымъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ.

— Я спрашиваю, зачѣмъ вы пожаловали? — продолжалъ Исидоръ Гочъ иронически.

— Можетъ быть, вы хотѣли что нибудь заложить мнѣ? Фамильные брилліанты, напримѣръ? Нѣтъ? Сусанна! Господинъ не думаетъ закладывать свои фамильные брилліанты... Ихъ милость просто молчитъ... Ха!

ха! не желаетъ разговаривать. Ну, скажите же что-нибудь господинъ Григъ?

Григъ дернулся, точно ужаленный, и уставился на старика. Откуда это ужасное существо знало его имя?

— Такъ что же, господинъ Григъ?

Это была игра кошки съ мышкою. Только мышь была сильная, огромная, а кошка сморщенная, старая, тщедушная. Григъ потерялъ способность говорить. Онъ остолбенѣло смотрѣлъ въ лицо старому ростовщику, въ его странные сѣрые глаза, свѣтившіеся, точно глаза кошки. Это была кошка, уродливая кошка, или самъ сатана.

— Въ Бейлѣ у васъ было дѣльце... — засмѣялся Гочъ, — и вы убѣжали, господинъ Григъ... Ха, ха, по пути заглянули ко мнѣ... Червонцы стараго Гоча вамъ понадобились... Э?

Это ужасное существо все знало... Напускное хладнокровіе Грига развѣялось, какъ дымъ.

— Дьяволъ! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

Гочъ кивнулъ головой.

— Да, дьяволъ... Не скажете-ли еще что-нибудь?

Да, Григъ хотѣлъ говорить! Приступъ ужаса оледенилъ кровь, сдавилъ мозгъ, и ему нужно было кричать. Молча, онъ могъ сойти съ ума. Григъ началъ кричать.

— Ты... ты сумасшедшій старикъ! Отпусти меня! Слышишь? Если я и преступникъ, то мое мѣсто на каторгѣ, а не въ твоемъ вонючемъ гнѣздѣ! Слышишь ты, выплевокъ ада? Отпусти сейчасъ же!

Онъ напрягъ всѣ силы и конвульсивно скорчился, пытаясь высвободиться изъ путъ. Боролся съ минуту и затихъ, какъ разслабленный, растративъ однимъ бѣшенымъ порывомъ всѣ силы.

Старикъ молча, хладнокровно наблюдалъ за нимъ. Ремни были прочные, испытанные: не одна жертва билась въ нихъ, подобно Григу. Противное лицо старой вѣдьмы глядѣло изъ-за плеча ростовщика съ жаднымъ любопытствомъ.

— Хи... хи... хи... — взвизгнула она, всплеснувъ костлявыми руками.

— Онъ силенъ, Сусанна, — констатировалъ Гочъ хладнокровно.

— Ну, ну, лучше не рвись, — сказалъ онъ Григу. — Отъ насъ ты уйдешь свободнымъ... ха... ха .. жалко лишать адъ такого работника... Но ты хотѣлъ червонцевъ... Сусанна, готово у тебя?!

Уродливое существо зашевелилось у камина. Григъ вспомнилъ вдругъ намеки Полифема, Матани и Понтика, посѣдѣвшаго за ночь. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ.

VI. Червонецъ.

Старая вѣдьма вынула что-то изъ камина и передала Гочу. У Грига чуть не выпрыгнули глаза изъ орбитъ. Лобъ сразу покрылся холоднымъ потомъ, и волосы слиплись на немъ.

Старуха передала ростовщику нѣчто вродѣ пинцета, въ которомъ горѣлъ раскаленный добѣла червонецъ.

Старая мегера однимъ прыжкомъ, точно огромная жаба, шлепнулась возлѣ кресла Грига.

— Что вы... хотите?—слабо вымолвилъ онъ.

Страстное желаніе защититься, бѣшенство вернули ему самообладаніе. Понятно было назначеніе червонца, и Григъ снова хотѣлъ кричать, кричать отчаянно, громко, чтобы пришелъ кто-нибудь на помощь. Но сразу же понялъ, что это будетъ глупо и безполезно. Крикъ отчаянія замеръ на губахъ.

— Что ты хочешь дѣлать, сатана?! — гнѣвно, негодующе спросилъ онъ, усиліемъ воли сдерживая малодушные порывы.

Вѣдьма ловко обнажила кисть руки. Лицо Грига посѣрѣло, когда зашевелился старикъ и орудіе пытки приблизилось къ обнаженному тѣлу. Григъ почувствовалъ теплоту червонца и закрылъ глаза.

— Ты хотѣлъ червонцевъ и получишь,—злорадно замѣтилъ старикъ, — я своихъ гостей не отпускаю съ пустыми руками.

Острая, жгучая боль пронизала тѣло, послышалось шипѣніе кожи... Проклятье, дикій ревъ Грига и вой кривляющейся радостной старухи слились вмѣстѣ... Запахъ горѣлаго мяса разнесся по комнатѣ.

Гочъ держалъ въ рукѣ щипцы съ червонцемъ и смотрѣлъ въ упоръ на Грига. Глаза его стали глубокими, строгими... Подъ ихъ взглядомъ вдругъ начала затихать страшная боль, и странное спокойствіе стало разливаться по членамъ бродяги.

„Гипнотизмъ... внушеніе", — подумалъ онъ, и на минуту сильное желаніе не поддаться внушенію вернуло ощущеніе боли въ рукѣ. Это былъ послѣдній порывъ воли... Взглядъ старика развѣялъ его... Легкій туманъ поплылъ передъ глазами Грига, закрывъ суровое желтое лицо, и только свѣтящіяся точки глазъ старика нѣкоторое время маячили передъ нимъ...

Потомъ потухло сознаніе...

*

...Григъ сидѣлъ въ лодкѣ, подавленный, отупѣлый, точно очнувшись отъ летаргическаго сна. Муть разсвѣта кралась по рѣкѣ, и въ блѣдномъ туманѣ вырисовывались городскіе дома. Въ выдавленное окно надъ дверью виднѣлась голова Исидора Гоча. Странные сѣрые глаза были устремлены на Грига.

— Ну, поѣзжайте, пріятель, съ Богомъ! Кланяйтесь „Веселымъ друзьямъ". Заѣдете къ Матанѣ, надѣюсь?

Григъ шевельнулся и повелъ взглядомъ вокругъ, соображая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Лѣвая рука была забинтована и сильно болѣла. Въ карманѣ брюкъ лежало что то теплое. Вяло, словно сонный, Григъ опустилъ въ карманъ руку и вытащилъ... червонецъ. Монета не успѣла еще остыть, и на закопченной сторонѣ ея виднѣлись присохшіе кусочки обгорѣлаго мяса.

— Это вамъ на дорогу, любезный, — насмѣшливо крикнулъ старый ростовщикъ и добавилъ строго:

— Поѣзжайте-же!

И, повинуясь приказанію, все еще въ полуснѣ, Григъ взялся за весла, опустивъ червонецъ въ карманъ... Исидоръ Гочъ слѣдилъ за лодкой, пока она не скрылась за поворотомъ.

Убійца 23-хъ несчастныхъ.

I.

Человѣкъ висѣлъ, прицѣпившись къ верхушкѣ телеграфнаго столба, точно мѣшокъ на жерди. Широкополая мягкая шляпа закрывала его голову и часть руки, ковырявшейся у изоляторовъ. Красный лучъ закатнаго солнца блестѣлъ въ клинкѣ ножа, царапавшаго проволоку.

Прежде, чѣмъ дѣвушка разглядѣла все это и дала себѣ отчетъ въ видѣнномъ, проволока, взвившись змѣйкой, прыгнула въ воздухъ и зазвенѣла о камень на дорогѣ.. За ней упала вторая.

Охвативъ столбъ ногами, незнакомецъ ловко соскользнулъ внизъ. Отряхнулъ пиджакъ, оправилъ загнувшіяся брюки и развязно шагнулъ къ дѣвушкѣ.

— Такъ, знаете, будетъ лучше,—кивнулъ онъ головой въ сторону срѣзанныхъ проводовъ.—А то люди черезчуръ много шума поднимаютъ на свѣтѣ, благодаря этому дурацкому сооруженію. Хорошо еще, что въ этой гнусной дырѣ не обзавелись радіотелеграфомъ!

Дѣвушка сдѣлала строгое лицо. Поведеніе незнакомца было черезчуръ развязно. Она прибавила шагу, выдавая этимъ тревогу, которую пыталась скрыть.

Незнакомецъ поровнялся съ ней.

— Напрасно убѣгаете. Дорога черезъ лѣсъ будетъ не такъ скучна, если мы пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ онъ, и хотя тонъ его былъ развязенъ, но ничего угрожающаго въ немъ не было. Она рискнула взглянуть на него уголкомъ глаза.

Въ немъ не было ничего страшнаго или отталкивающаго. Если бы она его встрѣтила просто на дорогѣ, а не увидѣла на верхушкѣ столба, у нея не было бы ни капли тревоги въ душѣ.

Онъ былъ широкоплечъ и строенъ. Тонкая шерстяная ткань костюма не могла скрыть богатой мускулатуры рукъ и торса. Тонкія черты лица были благородны; въ нихъ сквозила спокойная самоувѣренность мужества.

Они подошли къ лѣсу. Пыльные пригорки скрыли позади городъ, и только двѣ вышки готическаго собора мерцали въ туманѣ. Впереди, на зубцахъ зеленой стѣны лѣса, горѣла червонная корона заката.

Она не рѣшалась заговорить. Въ душѣ поднимался протестъ: „нахалъ!", но заявить его она не осмѣливалась. Отъ досады закусила губу.

— Вы напрасно тревожитесь, — мягко заговорилъ незнакомецъ. — Почти у выхода изъ лѣса мы разстанемся и больше никогда не увидимся. А на меня вы можете положиться...

Она не выдержала.

— Зачѣмъ вы сидѣли на столбѣ?—гнѣвно вырвалось у нея. — Вы думаете... думаете, что это самая обыкновенная встрѣча, да?

Улыбка искрой блеснула въ глазахъ незнакомца и потухла.

— Но мнѣ это было нужно. Мнѣ нужно безъ помѣхи попасть на пароходъ, а о н и мнѣ могутъ помѣшать, если эта штука будетъ цѣла. Понимаете?

Трудно было не понять. Человѣкъ, рвущій телеграфные провода для того, чтобы безъ помѣхи попасть на пароходъ, встрѣчается не каждый день. Дѣвушка смѣрила его боязливымъ взглядомъ.

— У меня есть револьверъ, — сказала она и покраснѣла отъ досады: онъ навѣрное думаетъ, что она очень боится.

Онъ отвернулся, точно разсматривая на пригоркѣ мельницу; но она видѣла, какъ плечи его задрожали отъ тихаго смѣха.

— Я бы хотѣла идти одна, — хмуро проговорила она.

— Тогда не обращайте на меня вниманія, точно тутъ—пустое мѣсто.

Онъ весело ткнулъ себя кулакомъ въ грудь.

Она прибавила шагу. Странный незнакомецъ не догонялъ.

Но она чувствовала его взглядъ. Два луча впивались въ затылокъ, наполняя ее трепетомъ: незнакомецъ точно прощупывалъ ее взглядомъ.

Дѣвушка не выдержала. Она остановилась, безсильная и гнѣвная. Глаза сверкали, и краска залила все лицо.

— Идите впереди, возмутительный вы человѣкъ!—крикнула она, дрожа отъ негодованія и непонятной обиды.—Я бы убила васъ, если бы могла!

Онъ повиновался молча. Только въ глазахъ, остановившихся на ней, отразилось восхищеніе. Она замѣтила это, и ей стало досадно.

— Не думайте, пожалуйста, что я васъ боюсь, хотя вы, вѣроятно, бѣжали изъ полиціи!—крикнула она. —Вотъ ни крошки, ни капельки не боюсь! А если встрѣтимъ солдатъ, я васъ выдамъ,—спокойнѣе добавила она.

— Глупости,—возразилъ незнакомецъ, — не выдадите. Я—Тонгъ!

Онъ сообщилъ свое имя съ пріятной улыбкой, точно самую радостную новость. Съ лица дѣвушки мигомъ сбѣжала краска, и она отступила.

— Вы... вы...—начала она и задохнулась; слова заклокотали въ горлѣ.

Тонгъ внимательно наблюдалъ за нею, а когда она пошатнулась, поддержалъ рукой.

— Не смѣйте прикасаться... вы... вы... — и снова не могла договорить.

— „Убійца двадцати трехъ несчастныхъ", хотите вы сказать,—странно весело докончилъ онъ.—Ну да, я тотъ самый Тонгъ... Не прошло и часа, какъ я бѣжалъ изъ городской тюрьмы. Что же въ этомъ особеннаго?

II.

Она не понимала, какъ могло сгладиться чувство ужаса и отвращенія. Убійца двадцати трехъ человѣкъ шелъ рядомъ съ нею. Загадоченъ и тихъ былъ лѣсъ, увѣнчанный закатомъ, и загадоченъ былъ спутникъ, говорившій съ нею. Голосъ у него былъ бархатистый, ласкающій, точно сама тишина вечерняго лѣса говорила и разсказывала странную исторію.

— Они собирались у меня по вечерамъ. Задняя комната моего трактира служила для нихъ клубомъ. Это была самая странная компанія, когда-либо собиравшаяся подъ кровлей кабачка. Люди различныхъ общественныхъ ступеней, они были сброшены и перемѣшаны въ одну жалкую и отвратительную кучу. Рука революціи сгребла ихъ и швырнула въ комнату моего трактира, какъ безполезный хламъ.

Гдѣ они ютились днемъ и гдѣ проводили остатокъ ночи,—я не знаю. Собственно день проводили они, выклянчивая подачки у людей, не потерявшихъ еще уваженія къ ихъ прежнему положенію. Вечеромъ же вползали ко мнѣ, и, какъ тараканы въ щель, затискивались въ заднюю комнату.

Тутъ былъ генералъ, споровшій лампасы со старенькихъ брючекъ. Онъ, впрочемъ, старательно берегъ какую-то звѣзду, которую пряталъ за подкладкой фуражки и прицѣплялъ къ груди въ передней тѣхъ домовъ, гдѣ выклянчивалъ подачку.

Приходилъ бывшій директоръ гимназіи — жалкій гнусный развратникъ. Онъ былъ глуховатъ и, пьяный, распускалъ слюни, превращаясь въ комокъ слякоти. Эготъ кичился своимъ умомъ, благородствомъ происхожденія, но кралъ, что попадетъ подъ руку. Кралъ у собутыльниковъ портсигары, мелкія деньги за карточнымъ столомъ и былъ связанъ таинственной дружбой съ ворами и хулиганами Баннаго переулка.

Юристъ-проныра, выбитый изъ колеи большевиками, появлялся съ нѣкоторымъ апломбомъ. Онъ но-

силъ университетскій значокъ на потрепанной курткѣ „хаки“ и постоянно говорилъ о былыхъ дняхъ своего величія. Въ глазахъ у него всегда была лихорадка голода, и онъ налету подхватывалъ кусокъ хлѣба, если ему бросали его.

Являлся и помѣщикъ—бывшій богачъ и гурманъ. Жиръ сошелъ съ него, оставивъ мѣшки и складки на его лицѣ. У него раньше были вставные зубы, но онъ ихъ продалъ, проѣлъ и былъ омерзителенъ съ провалившимися губами и щеками. У него ничего не было кромѣ желудка. Онъ былъ старымъ пустымъ мѣшкомъ, старавшимся наполнить себя съѣстнымъ, но никогда не достигавшимъ цѣли.

Были среди нихъ бывшіе студенты, офицеры, чиновники—все тряпье, весь хламъ города, не сумѣвшій подняться послѣ паденія.

Вообще же это была куча слизняковъ, гнусный плевокъ на лицѣ жизни...

Тонгъ замолчалъ, потомъ улыбнулся.

— Этотъ дурацкій листокъ, газета „Кукишъ“ пролила достаточно слезъ надъ ними. Ихъ назвали „несчастными“, а меня—„убійцей-выродкомъ“, „извергомъ рода человѣческаго“. Конечно, и вы такого же мнѣнія...

Она не отвѣтила. Только посмотрѣла внимательно испытующе и опустила глаза.

— Конечно, листокъ ошибся, — наклоняя голову проговорилъ Тонгъ. — Несчастнымъ былъ я, вынужденный постоянно видѣть этотъ комокъ слизи, а ихъ я сдѣлалъ счастливыми...

III.

— Врачи склонны видѣть въ моемъ поступкѣ сумасшествіе. Можетъ быть, это и есть сумасшествіе, когда человѣкомъ овладѣваетъ одна неотвязная идея, когда ничего, кромѣ одной всепоглощающей мысли, не водится въ мозгу. Это было и со мною.

Знаете, сперва они мнѣ были противны. Въ нихъ не было ничего и для нихъ не было никакой надежды,

но вся эта куча слизняковъ цѣплялась за жизнь... И ждали они возвращенія прошлаго.

Слизнякъ генералъ былъ убѣжденъ, что станетъ во главѣ арміи, когда „пройдетъ все это“; директоръ воображалъ, что ему поручатъ воспитаніе гимназистовъ и гимназистокъ, когда „вернется старое“. И всѣ разсчитывали, что ихъ позовутъ на пиръ жизни, что именно для нихъ измѣнится теченіе исторіи и направится вспять.

Для нихъ лучше всего было умереть, и въ глубинѣ души они это сознавали. Но силъ у нихъ не было. Пресмыкаться въ грязи стало для нихъ обычнымъ.

Сперва они возбуждали во мнѣ презрѣніе и отвращеніе. Потомъ постоянное общеніе съ ними обострило это чувство. Я сталъ ихъ ненавидѣть.

Мысль о томъ, чтобы вымести эту кучу мусора изъ жизни, возникла у меня не сразу. Они мнѣ достаточно отравили вечеровъ, прежде чѣмъ я рѣшился ихъ уничтожить.

Если бы я ихъ не уничтожилъ, — я бы не нашелъ покоя во всю жизнь. Воспоминанія о нихъ преслѣдовали бы меня на каждомъ шагу и мѣшали бы жить. Все это я понялъ, и понялъ, что сила, толкавшая меня на этотъ шагъ, была выше меня, выше моего сознанія.

Изъ газетъ вы знаете остальное. Я имъ устроилъ роскошный пиръ, и послѣднія бутылки вина были отравлены. Да, въ ядъ была влита лишняя капля яда — вотъ и все...

Нужно было ихъ видѣть за столомъ, чтобы понять, что они умерли счастливыми. О такомъ пирѣ они мечтали все время, пока ютились въ моемъ трактирѣ. Они не ѣли, а нажирались и пили жадно, какъ умирающіе отъ жажды. Великолѣпнѣе по омерзительности зрѣлища нельзя было и представить.

Съ ними была проститутка — Женни. Вы помните, навѣрное, что она одна осталась въ живыхъ. Это вышло не случайно, какъ говорятъ газеты, а умышленно. Среди этой слизи она была единственнымъ человѣкомъ и имѣла право жить. Ей я не далъ отравленнаго

вина. Когда наливалъ стаканы — ее одѣлилъ. Я сказалъ:

— Это превосходное вино не для всякой твари. Можешь, Женни, пить водку сколько хочешь, а это вино — для избранныхъ.

И они приняли это за чистую монету. Они считали себя выше проститутки! Женни обидѣлась, ничего больше не пила, но потомъ я не зналъ, куда дѣваться отъ изъявленій ея признательности. Правда, признательность не помѣшала ей привести полицію въ ту минуту, когда я собирался уйти совсѣмъ. Но это въ порядкѣ вещей, и дѣло не въ этомъ. Вся суть въ томъ, что мнѣ удалось отравить эту кучу слизи и очистить отъ нея городъ и жизнь. Я теперь совсѣмъ спокоенъ...

Они дошли до перекрестка. Вправо и влѣво разбѣгались дороги, уходя въ плотную зелень и сумракъ лѣса. Тогнъ остановился.

— Тутъ мы разстанемся, — сказалъ онъ, снимая шляпу.—Прощайте!

Она кивнула головой, но взглядомъ остановила его.

— А вы... вы всегда были трактирщикомъ?—спросила она.

Мягкая грусть затеплила огоньки въ глазахъ Тонга.

— Нѣтъ, сударыня. Это лишь эпизодъ въ жизни Тонга. Прощайте... Но... но не скажете ли мнѣ ваше имя, сударыня... такъ, на память, — нерѣшительно опуская глаза попросилъ онъ. — Вѣдь мы никогда не увидимся.

Розы вспыхнули на щекахъ дѣвушки.

— Меня зовутъ Алиса Менъ, — безъ колебаній отвѣтила она и протянула Тонгу руку.

— А можетъ быть...

Она не договорила, покраснѣвъ сильнѣе.

Убійца 23 хъ несчастныхъ наклонился и нѣжно коснулся губами ея руки. Тонкіе пальчики задрожали въ его смуглой рукѣ и легко-легко отвѣтили на пожатіе.

Ничего не сказавъ больше, онъ ушелъ вправо. Темный силуэтъ мелькнулъ за кустами и пропалъ.

Пошла дальше и она.

Вечеръ сорвалъ червонный вѣнецъ съ сосенъ, и сумракъ сталъ гуще, плотнѣе.

Кухня китайца.

Оставь надежду сюда входящій.
Данте. Адъ.

I.

Они часто пріѣзжали сюда — иногда три раза въ недѣлю: толстый Фрикусъ, напоминавшій сзади раскормленнаго іоркшира, одноглазый Дзибъ и весельчакъ Чалый, щеголявшій всегда новенькимъ френчемъ, орденомъ красной звѣзды на груди и громаднымъ маузеромъ въ лакированной кобурѣ.

Въ притонѣ китайца для нихъ была особая комната, убранная дорогими коврами и роскошной мебелью. Все было сильно потерто и засалено, но пять лѣтъ тому назадъ украшало одинъ изъ дворцовъ.

Китаецъ Маливангъ особенно ухаживалъ за этими гостями. Они были щедры, тратили много денегъ; кромѣ того, Чалый и Дзибъ были видными чекистами. Китайцу внушалъ особое почтеніе револьверъ Чалаго, а мрачная физіономія одноглазаго вызывала священный ужасъ: она напоминала одно изъ тѣхъ изображеній, которыми на родинѣ Маливанга ограждаютъ кумирни отъ вторженія злыхъ духовъ.

Кромѣ того, особыя коммерческія операціи связывали его съ Дзибомъ, операціи такого свойства, въ силу которыхъ Маливангъ находился всецѣло во власти чекиста: простая прихоть Дзиба могла стоить ему жизни. Все вмѣстѣ заставляло китайца преклоняться передъ тремя пріятелями. Сухая, какъ жердь, фигурка Маливанга, тонувшая въ халатѣ и широкихъ шарова-

рахъ, сгибаясь подъ прямымъ угломъ, отвѣшивала непрерывные поклоны, когда онъ бесѣдовалъ съ этими гостями. Черные глазки, похожіе на двѣ коринки, бѣгали во всѣ стороны, выражая трепетъ и преклоненіе.

Притонъ Маливанга былъ популяренъ въ Старой Деревнѣ. Приходилъ сюда всякій совѣтскій сбродъ — покурить опіума и выпить очень вкусной и крѣпкой водки, которую китаецъ гналъ по особому рецепту изъ невѣдомыхъ продуктовъ.

Но водку не трудно было достать въ Петербургѣ. Въ тотъ годъ было очень плохо со съѣстнымъ, а у китайца всегда былъ богатый выборъ мясной закуски и пирожки — особенно нѣжные и вкусные.

Относительно кухни Маливанга ходили очень мрачные слухи. Говорили о дѣтяхъ, пропадающихъ въ окрестности, и исчезновеніе ихъ ставили въ связь съ кулинарными ухищреніями китайца Гости Маливанга не придавали этимъ слухамъ особаго значенія.

Кулинарія китайца удовлетворяла даже Фрикуса— лакомку и гурмана. Одноглазый Дзибъ, мрачный, какъ горилла, пилъ водку и почти ничего не ѣлъ, или глоталъ, нисколько не считаясь съ содержимымъ тарелки.

А Чалый, закусывая хрустящимъ пирожкомъ, неизмѣнно острилъ:

— Хруститъ, каналья. Важное мясцо! Готовъ пари держать, что китаецъ скупаетъ трупы у нашего Полыня. Только у насъ можно достать свѣжаго упитаннаго буржуя.

Фрикусъ болѣзненно морщился.

— Оставь, Чалый; твоя профессія дѣлаетъ тебя невозможнымъ. Но и чекистъ долженъ забывать, кто онъ такой, когда сидитъ въ кругу пріятелей. Не порти аппетита!

Чалый не унимался.

— Дружище Фрикусъ! Когда ты попадешься въ мои лапы, Полынь изрядно заработаетъ на твоихъ останкахъ. А Маливангъ выкроитъ изъ тебя прекрасные окорока. А какихъ сосисокъ понадѣлаетъ—пальчики оближешь! Впрочемъ, не ты, а тѣ, кто ѣсть будутъ.

Фрикусъ блѣднѣлъ и чувствовалъ колотье подъ ложечкой. Удержать болтовню Чалаго было нелегко, а спекулянту ссориться съ другомъ-чекистомъ было невыгодно.

Дзибъ рѣдко принималъ участіе въ разговорахъ. Онъ молча пилъ водку, точно буравомъ сверля дно стакана взоромъ единственнаго глаза. Вторая глазная впадина была пуста — красная зловѣщая дыра, изъ которой вытекала по временамъ мутная желтая капля.

Повязки Дзибъ не признавалъ.

II.

Въ этотъ вечеръ Фрикусъ и Дзибъ пріѣхали вдвоемъ. Чалый запоздалъ. Безъ него было скучно. Кромѣ того, въ кухнѣ Маливанга наблюдалось странное оскудѣніе: на столѣ появились всего двѣ бараньи котлеты и кусокъ черствaго хлѣба. Отъ такого угощенія въ желудокъ спекулянта закрадывалась тоска.

Одноглазый былъ особенно мраченъ и необщителенъ.

Чалый прибылъ поздно вечеромъ. Онъ вошелъ не одинъ: на рукахъ у него была дѣвушка — неподвижная, точно безжизненная. Фрикусъ подумалъ сперва, что это —трупъ. Но съ трупомъ Чалый не обращался бы такъ бережно: онъ опустилъ дѣвушку на ковровую отоманку и остановился возлѣ, совершенно не замѣчая друзей.

Дѣвушка была молода — лѣтъ 18 на видъ. Лицо безъ кровинки—холодное, какъ мраморъ, и зубы плотно стиснуты. Складка застыла между бровей, и все лицо казалось окаменѣвшимъ въ чрезмѣрномъ страданіи. Это нельзя было назвать просто человѣческимъ страданіемъ—скорѣе мукой а́нгела, попавшаго въ адъ.

Фрикусъ и Дзибъ подошли къ отоманкѣ. Чалый сосредоточенно смотрѣлъ на дѣвушку, точно взвѣшивая и оцѣнивая ее взглядомъ.

Потомъ взглянулъ на друзей и нахмурился. Сальная нечисть струилась съ жирнаго лица Фрикуса. Оди-

нокій глазъ Дзиба сверлилъ дѣвушку взглядомъ убійцы. Чалый положилъ руку на кобуру револьвера.

— Слушайте, товарищи! Я ее привезъ, и она— моя. Кто прикоснется къ ней — будетъ имѣть дѣло со мной.

Фрикусъ сразу же отошелъ къ столу.

— Невелико добро, чтобы ссориться изъ-за него, —пробурчалъ онъ.—Чалый нарушилъ наше условіе: ни одной бабы не возить сюда!

Чалый метнулъ на него взглядъ, отъ котораго мурашки пробѣжали по жирной спинѣ спекулянта. Онъ поспѣшилъ заткнуть ротъ рюмкой водки.

Дзибъ перевелъ взоръ съ дѣвушки на Чалаго. Злоба и раздраженіе кололи изъ одинокаго глаза. Странная гримаса подобіемъ улыбки перекосила его челюсть.

— Спекся!—презрительно кинулъ онъ и повернулся спиной къ Чалому.

— Это не твое дѣло, одноглазый, — рѣшительно бросилъ вдогонку Дзибу Чалый. — Вы лучше бы сдѣлали, если бы убрались отсюда. Она можетъ проснуться, и я не думаю, чтобы ей пріятно было видѣть ваши рожи.

— Только твой ангельскій ликъ ей пріятенъ,—отгрызнулся Дзибъ. — Можешь убраться съ нею куданибудь—у Маливанга комнатъ хватитъ.

У Маливанга дѣйствительно нашлась свободная комната. Чалый забралъ въ охапку свою добычу и удалился.

— Съ этого бы ему и начать, — масляно подмигнулъ Фрикусъ.

Дзибъ угрюмо ковырялъ косточку котлетки.

— Онъ-то не начнетъ съ этого—дуракъ! — буркнулъ онъ и сдвинулъ брови, точно боль пронизала его мозгъ.

III.

Чалый долго пропадалъ. Когда онъ вернулся, Фрикусъ былъ пораженъ его видомъ: Чалый былъ

тотъ и будто бы не тотъ. Точно въ душѣ у него вспыхнулъ какой-то яркій свѣтъ, зажегшій чудные огоньки въ глазахъ. Фрикусъ даже почувствовалъ нѣкоторую неловкость.

Чалый, какъ всегда рѣшительный и самоувѣренный, занялъ свое мѣсто за столомъ.

— Она проснулась и пожелала остаться одна, — сообщилъ онъ, радостно смѣясь, какъ младенецъ. — А вы чего уставились на меня, какъ на эфіопа? Эй, Маливангъ! Водки и всего, что есть! Нужно спрыснуть радостяхъ.

Фрикусъ, хихикнувъ, снова подмигнулъ Дзибу. Одноглазый не обратилъ на него вниманія. Въ душѣ у него бродили какія-то мрачныя подозрѣнія, и онъ не только глазъ, но и пустую глазную впадину уставилъ на Чалаго, требуя разъясненій.

Маливангъ принесъ водки и кусокъ копченой колбасы. Колбаса на минутку заняла вниманіе Фрикуса. Чалый выпилъ залпомъ стаканъ водки.

— Это трудно передать,—отвѣтилъ онъ на ждущій взглядъ Дзиба. — Похоже, что внутри меня точно одеколономъ вымыли — пахнетъ и свѣжо. Любовь? Ни-ни! Никакой такой любви не было и, можетъ быть, никогда и не будетъ... Освѣженіе внутри, во всѣхъ чувствахъ, понимаешь?

Дзибъ кивнулъ головой и иронически сощурилъ глазъ. Пустая глазная впадина тоже смѣялась—пустымъ смѣхомъ черепа.

Чалый всталъ.

— Смѣйся, если смѣшно, Дзибъ, — сказалъ онъ. — Въ пятницу я вамъ тутъ отвальную справлю. Понимаете? Загуляемъ какъ слѣдуетъ — не поминайте лихомъ! Укачу вмѣстѣ съ ней. Вырвалъ я ее изъ нашей чеки, вырву и совсѣмъ изъ нашего ада. Поняли? И съ меня довольно этого ада... Хватитъ ..

Никто не отвѣтилъ. Только Дзибъ вздрогнулъ, и странной мрачной ревностью загорѣлся его глазъ.

Водка и новая радость въ душѣ совершенно развязали языкъ Чалому. Онъ чокнулся съ друзьями и попробовалъ разъяснить имъ то сложное, что воскре-

сло вдругъ въ его душѣ и дало ей толчокъ къ другой жизни.

— Я не краснобай, товарищи, и трудно мнѣ толкомъ объяснить вамъ... Она, видите-ли, какъ снѣжинка, упала въ мою душу и потушила тамъ красный пожаръ. Кровью горѣло все внутри, а теперь стало тихо и свѣжо. Можетъ быть, судьба послала ее для меня... Все равно, что бы тамъ ни было, а я забастовалъ. Чекистъ Чалый въ пятницу укатитъ отсюда совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Фрикусъ съ недоумѣніемъ слушалъ Чалаго. Дзибъ насупившись ковырялъ ножомъ скатерть.

— Ты съ ума сошелъ, Чалый, — спросилъ Фрикусъ. — Бросить такой выгодный постъ?

Чалый отмахнулся, точно отъ мухи.

— Можешь занять его, Фрикусъ, если хочешь — мнѣ все равно.

Дзибъ собирался съ мыслями. Злыя и страшныя бродили онѣ подъ изуродованнымъ черепомъ, собираясь въ черный клубокъ. Мрачный огонь снова вспыхнулъ въ одинокомъ глазу.

— Ты думаешь, это такъ просто, Чалый? — кривя въ гримасу лицо, заговорилъ вдругъ Дзибъ. — Нашелъ снѣжинку и айда — вонъ изъ ада? Небось... Чорту въ рай заказаны пути... Выкупался въ крови, а потомъ омылся снѣжинкой одной и сталъ чистъ, какъ младенецъ? Одеколономъ душу вспрыснулъ — и пошелъ? Нѣтъ, братъ, не такъ это просто...

Дзибъ зловѣще кивалъ головой. Изъ пустой глазной впадины, казалось, струился кровавый ужасъ. Проникъ въ душу Чалому и обдалъ холодкомъ жути.

— Не каркай, одноглазый, — сказалъ онъ, охваченный смутной тревогой. — Меня не переубѣдишь: я крѣпокъ и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Далъ обѣщаніе, такъ исполню.

Дзибъ усмѣхнулся.

— Ладно. Посмотримъ.

Больше не возвращались къ этой темѣ. Чалый часто уходилъ — навѣстить дѣвушку. Онъ осторожно подходилъ къ ея комнатѣ въ дальнемъ концѣ дома и,

приложивъ ухо къ замочной скважинѣ, слушалъ. Ровное дыханіе спящей доносилось изъ комнаты. Уловивъ его, чекистъ шумно освобождалъ грудь отъ воздуха и улыбался, пронизанный умильной радостью.

— Ну, спи... Спи, Снѣжинка...

Дзибъ тоже выходилъ поговорить наединѣ съ Маливангомъ. Они бесѣдовали долго и кивали головами въ сторону комнаты дѣвушки. Когда Дзибъ вернулся, на лицѣ его такъ и играло мрачное удовлетвореніе.

— Въ пятницу мы гуляемъ знатно, — сказалъ онъ Фрикусу, потирая руки. — И ты можешь порадоваться, обжорное чудовище: будутъ пирожки съ цыплячьей начинкой.

Такого оживленія давно не было у Дзиба. Фрикусъ изумился.

— Чортъ тебя знаетъ, Дзибъ, — откровенно сознался онъ. — Завидуешь ты Чалому что ли?

Одноглазый покачалъ головой.

— Нѣтъ. Въ пятницу ему и четвертуемый не позавидуетъ. Тоже: снѣжинку нашелъ!

IV.

У судьбы невидимые законы, но цѣпкіе, какъ зубцы стальныхъ шестернъ. Дѣвушка исчезла въ четвергъ вечеромъ.

Поистинѣ роскошный ужинъ ожидалъ друзей, но дѣвушки не было. Маливангъ, блѣдный и дрожащій, пояснилъ, что она рано заперлась въ своей комнатѣ и никто ее не безпокоилъ. Окно комнаты оказалось открытымъ. Оно выходило въ паркъ, спускавшійся къ Малой Невѣ, и китаецъ полагалъ, что она уѣхала въ лодкѣ, такъ какъ пропалъ охотничій челнокъ, стоявшій у берега.

Чалый поблѣднѣлъ, выслушавъ китайца. Потомъ волна крови прилила къ его лицу. Маливангъ, внимательно слѣдившій за нимъ, какъ кошка, выскользнулъ изъ комнаты: рука чекиста легла на рукоять револьвера.

— Брось! Китаецъ тутъ ни при чемъ, — остановилъ его руку Дзибъ.

Вспышка злобы потухла. Чалый кинулся въ комнату дѣвушки. Въ проходѣ отъ него съ дикимъ воплемъ шарахнулся китаецъ, но чекистъ не обратилъ на него вниманія.

Въ комнатѣ было пусто. Окно раскрыто. Въ него зіяла пустота осенняго вечера, и пустота эта словно вошла въ душу Чалаго. Онъ издалъ ревъ, точно раненый звѣрь, и вернулся къ друзьямъ.

— Товарищи... что-же это?—обводя растерянным взглядомъ пріятелей, спросилъ онъ. — Что же это? Носъ?

Никто не отвѣтилъ. Чалый сорвалъ фуражку съ головы и швырнулъ ее на полъ. Освѣжающая снѣжинка растаяла въ душѣ, и ее снова захлестнуло кровавымъ зноемъ. Даже глаза сверкнули кровью.

— Выпей и успокойся,—посовѣтовалъ Фрикусъ, а одноглазый молча налилъ полный стаканъ и протянулъ другу.

Чалый выпилъ. Онъ даже не замѣтилъ, что дѣлаетъ. Такъ же машинально взялъ пирожокъ и закусилъ.

Мрачная радость засвѣтилась въ глазахъ Дзиба.

— Сбѣжала? — точно самъ съ собой заговорилъ Чалый.—Раздумала. Не захотѣла одолжаться чекисту? Эхъ-ма! Не про насъ, видно, ангелы живутъ на свѣтѣ! Пропала снѣжинка, и снова на душѣ трупомъ воняетъ... Ну и ладно!

Онъ вспыхнулъ вдругъ, точно расплескался внутри задорный удальской огонь.

— Эй, товарищи! Гулять, такъ гулять! Закрутимъ какъ слѣдуетъ! Видно, чертямъ изъ ада дороги нѣтъ!

— Нѣтъ,—подтвердилъ Дзибъ.

— Такъ-то лучше, — оживился Фрикусъ и жирно засмѣялся. — Пирожки-то — честное слово объѣденіе. Давно у Маливанга такихъ не было!

V.

Пьянство затянулось за-полночь. Фрикусъ не выдержалъ и свалился на отоманку потный, красный,

почти багровый отъ выпитаго и съѣденнаго. Посапывалъ носомъ и былъ похожъ на борова, приготовленнаго къ свѣжеванію.

Одноглазый и Чалый продолжали пить—молча.

Чалый пилъ, точно старался заполнить пустоту, образовавшуюся въ душѣ, и поймать то живое, что било раньше черезъ край, позволяя безпечно жить среди труповъ и обреченныхъ жертвъ. Онъ пилъ, а хмѣль создавался особый: болѣе четкими и выпуклыми становились мысли и чувства. Забвенія не было. Пустота не заполнялась.

Дзибъ, какъ палачъ у жертвы, ловилъ глазомъ каждое выраженіе лица Чалаго. Во взглядѣ Дзиба не было сочувствія. Чалому казалось, что Дзибъ знаетъ что-то огромное и страшное и выжидаетъ удобнаго момента, чтобы обрушить его на Чалаго. Боясь этого, Чалый не заводилъ разговора. Но не выдержалъ. Сжимая въ рукѣ стаканъ водки, онъ обронилъ два слова, выражавшія всю глубину его переживаній:

— Не удалось...

Дзибъ впился торжествующимъ взглядомъ.

— А ты думалъ удастся?—оживляясь воскликнулъ онъ.—Выкупался въ крови, потомъ умылся снѣжинкой и вырвался изъ ада въ рай? Ловокъ больно. Нѣтъ, братъ, ты только сегодня почувствовалъ этотъ адъ и понялъ, что и чертямъ въ аду положена своя мука... Думаешь, я бы не хотѣлъ взять такого ангела и уйти съ нимъ? А? Хотѣлъ бы, да нельзя: для насъ всѣ двери заперты отсюда.

Дзибъ былъ страшенъ въ непривычномъ возбужденіи. Обезьяній лобъ съ громадными надбровниками покрылся каплями пота, широкая нижняя челюсть дрожала. Онъ не говорилъ, а выбрасывалъ слова какъ камни.

— Куда я уйду? Дырку отъ глаза у меня видишь? Я мстилъ за нее. Я за нее вырвалъ 200 живыхъ глазъ. Вы же еще, черти, прозвали мою камеру глазной лечебницей... Двѣсти вырвалъ, а больше не могу. Почему? А вотъ, когда я остаюсь одинъ, появляются эти глаза вокругъ меня: голубые, карiе, сѣрые, черные...

Собираются и смотрятъ на меня. Галлюцинація? Можетъ быть. Но почему ихъ ровно 200—я считалъ? Почему? Куда я отъ нихъ дѣнусь? Ни одинъ ангелъ не выведетъ изъ ихъ круга... Понялъ? Да и ангеламъ изъ нашего ада одинъ путь—къ Господу Богу въ рай, а не заграницу... Ха-ха ха...

Чалый вздрогнулъ. Въ послѣднихъ словахъ Дзиба послышалось что-то, отъ чего въ душу чекиста проникъ ледяной холодъ.

— Дзибъ, ты что-то знаешь о ней, — блѣднѣ крикнулъ онъ. — Скажи и не томи!

Дзибъ оторвалъ взглядъ отъ стакана и перевелъ его на друга. Мрачный огонь одинокаго глаза отсвѣчивалъ красными вспышками въ пустой глазной впадинѣ. Давя этимъ взглядомъ, Дзибъ вымолвилъ, точно прихлопывая какую то тяжелую крышку:

— Ты не зналъ развѣ, что китаецъ пирожки дѣлаетъ изъ человѣческаго мяса? Я ему продалъ не одинъ трупъ...

Глаза Чалаго остеклянѣли на минуту. Дыханіе съ тяжелымъ свистомъ вырвалось изъ его груди, точно неимовѣрная тяжесть придавила ее. Потомъ молніеноснымъ движеніемъ онъ выхватилъ маузеръ изъ кобуры и выстрѣлилъ. Пуля оцарапала щеку одноглазаго. Дзибъ равнодушно потеръ ее рукой.

— Пали еще! Что сдѣлано — того не воротишь. Чортъ! — внезапно раздражаясь, крикнулъ онъ. — Неужели ты думаешь, что я позволю тебѣ вырваться изъ ада, а самъ останусь въ немъ со своими 200 глазами?

Чалый не слушалъ его. Онъ кинулся вонъ изъ комнаты, охваченный порывомъ слѣпого бѣшенства. Но Маливангъ, услышавъ выстрѣлъ, понялъ въ чемъ дѣло: ни въ одномъ закоулкѣ дома его не оказалось. Чалый взобрался по какимъ-то лѣстницамъ на чердакъ, потомъ спустился въ погребъ. Здѣсь въ одномъ изъ закоулковъ его обдало знакомымъ запахомъ крови и свѣжаго трупа. Бочка въ углу привлекла его вниманіе. Чекистъ поднялъ крышку, но сразу бросилъ ее, точно ужаленный коброй: куски мяса лежали въ бочкѣ, покрытые слоемъ соли, а сверху — кисть руки... Узкая,

холеная, странно-знакомая, но сине-багровая, скорченная въ предсмертной конвульсіи.

Чалый шатаясь вышелъ изъ подвала. По дорогѣ наткнулся на нѣсколько курильщиковъ опія, лежавшихъ во власти грезъ дурманнаго дыма. Онъ остановился и, точно дѣлая серьезное дѣло, пустилъ въ каждое тѣло по одной пулѣ...

VI.

Страшный вернулся Чалый къ Дзибу. Еще изъ дверей онъ выстрѣлилъ въ одноглазаго. Снова далъ промахъ. Дзибъ опять равнодушно встрѣтилъ выстрѣлъ, точно жизнь и смерть были для него безразличны.

Чалый вторично нажалъ курокъ. Но обойма кончилась. Онъ выхватилъ новую изъ кармана, вставилъ, однако, посмотрѣвъ на пріятеля, опустилъ револьверъ.

— Нѣтъ, одноглазый дьяволъ! Пожалуй, ты хочешь смерти! Живи со своими 200 глазами!

Дзибъ разсмѣялся.

— Ужъ если кому-нибудь и нужна жизнь, такъ это не мнѣ, Чалый. Вотъ этой свиньѣ — пожалуй.

Онъ кивнулъ въ сторону Фрикуса, продолжавшаго храпѣть на кушеткѣ.

Злоба и отвращеніе пронизали Чалаго: Фрикусъ ѣлъ и хвалилъ пирожки! Пусть они будутъ его послѣдней пищей.

Снова выстрѣлъ, и пуля пробила високъ Фрикуса. Сразу сбѣжала краска съ лица спекулянта, тѣло вздрогнуло и вытянулось. Храпъ оборвался.

— И все? — устало опускаясь на стулъ спросилъ Чалый, точно покончивъ съ тяжелой работой.

Дзибъ кивнулъ головой. Налилъ стаканъ и протянулъ его другу.

— Все. На кухнѣ у Маливанга прибыло сегодня

продуктовъ... Эхъ ты! Выпей и пойми, что для насъ нѣтъ выхода. Не можетъ быть выхода, и никакія снѣжинки не выведутъ насъ! Нѣтъ выхода никуда.

И въ голосѣ Дзиба впервые прозвучало сочувствіе. Но сочувствіе, вырвавшееся изъ тьмы отчаянія.

Дрруzья подолжали пить.

Ночь ужаса.

Съ самаго начала и до конца момента моего помѣшательства — это дѣло стоило мнѣ непрерывнаго страшнаго напряженія. Два года психіатрической лечебницы были единственной наградой за услугу, принесенную мною согражданамъ. Преступнику же сильно повезло: благодаря тому, что я не могъ участвовать въ слѣдствіи, онъ кончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ, а не на эшафотѣ.

За два года болѣзни въ моемъ мозгу не вытравилось ни малѣйшей подробности этого кошмарнаго дѣла. Воспоминанія такъ живы и ярки, что и сейчасъ кровь стынетъ въ жилахъ, когда я останавливаюсь на нихъ.

Преступникъ умеръ. Дѣло предано забвенію, но я не могу не обнародовать истины, стоившей мнѣ двухъ лѣтъ сумасшествія и всей моей карьеры...

Но прежде, чѣмъ раскрыть истину, я долженъ напомнить читателямъ о всѣхъ событіяхъ, вылившихся въ сенсаціонный процессъ, два года тому назадъ волновавшій все человѣчество.

I.

Первые два обезглавленныхъ дѣтскихъ трупа были найдены въ Сосновомъ Бору въ августѣ 19... года. Дѣти были въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ. Головы были отдѣлены отъ туловищъ удивительно острымъ оружіемъ: безъ малѣйшаго раздробленія позвонковъ. Родители, опознавшіе трупы, пояснили, что дѣти исчез-

ли за два дня до находки тѣлъ; до исчезновенія жили они на дачѣ въ Сосновомъ Бору.

Убійца остался неразысканнымъ.

Вторая пара труповъ мальчиковъ того же возраста была найдена въ той же мѣстности и при тѣхъ же обстоятельствахъ въ декабрѣ.

Повтореніе преступленія взволновало всѣ общественные круги. Насъ—сыщиковъ—газеты упрекали въ бездѣйствіи и требовали голову убійцы въ обмѣнъ за четыре дѣтскихъ головы.

Но убійца снова остался необнаруженнымъ, несмотря на всѣ наши старанія.

Мы долго возились съ дѣтскими трупами. Въ качествѣ экспертовъ были приглашены свѣтила науки и въ томъ числѣ знаменитый анатомъ профессоръ Крегсъ, имя котораго было извѣстно въ обоихъ полушаріяхъ.

II.

Среди экспертовъ онъ былъ, конечно, самымъ выдающимся, какъ по своему положенію въ ученомъ мірѣ, такъ и по внѣшности.

Высокій ростомъ, съ благородной осанкой и породистымъ лицомъ аристократа, онъ импонировалъ своей наружностью. Сѣдая грива волосъ, зачесанная назадъ, напоминала львиную. Неуловимое сходство со львомъ жило, положимъ, и во всей его внѣшности. Сильныя мускулистыя руки особенно были похожи на могучія лапы льва.

Всѣхъ поразила увѣренная трактовка профессоромъ Крегсомъ мотивовъ убійства дѣтей. Особенно поразительнымъ было заключеніе, сдѣланное увѣреннымъ тономъ лектора, констатирующаго фактъ:

— Здѣсь — убійство, но убійство, совершенное ученымъ, а не преступникомъ. Мы это называемъ вивисекціей.

Холодный стальной взглядъ профессора остановился въ этотъ моментъ на мнѣ, и я почувствовалъ точно электрическій разрядъ въ душѣ. Мнѣ показа-

лось, что профессоръ знаетъ больше, чѣмъ хочетъ сказать, и что послѣднюю фразу онъ бросилъ необдуманно: человѣкъ, привыкшій логически заключать мысль, не удержался отъ вывода. И только.

— На человѣческомъ языкѣ такая вивисекція зовется преступленіемъ, профессоръ, — сказалъ я, не сводя взгляда съ лица Крегса.

Тѣнь пренебрежительности скользнула по лицу анатома и застыла во взглядѣ.

— Можетъ быть, — холодно отчеканивая слова, отвѣтилъ онъ. — Но въ наукѣ не существуетъ преступленій. Въ данномъ случаѣ это (онъ кивнулъ въ сторону обезглавленныхъ дѣтей) только объектъ изысканій, можетъ быть, и сумасшедшаго ученаго, но не преступленіе. Мораль чужда чистой наукѣ.

Вмѣшался префектъ полиціи, задавшій какой-то вопросъ ученому, и онъ отвернулся отъ меня. Со снисходительной улыбкой, небрежно бросая слова, Крегсъ пояснилъ префекту, что хирургу отличить работу ланцета отъ удара ножа или сабли такъ же легко, какъ плотнику ударъ топора на деревѣ отъ слѣда пилы.

III.

Экспертиза Крегса вызвала много шума въ прессѣ. Для меня лично она стала объектомъ мучительныхъ размышленій. Инстинктомъ я чувствовалъ, что за словами профессора, холодно брошенными возлѣ тѣлъ обезглавленныхъ дѣтей, скрывается гораздо больше, чѣмъ онъ сказалъ. За спокойной завѣсой словъ скрывалось преступленіе.

Открыто высказать подозрѣнія на профессора Крегса было невозможно: меня бы сочли сумасшедшимъ. Нужно было исключительно за свой оискъ взяться за поиски уликъ.

У профессора Крегса была дача въ Сосновомъ Бору — уединенный домъ въ лѣсу со спеціально-выстроенными лабораторіями, въ которыхъ знаменитый ный дѣлалъ открытія, поражавшія міръ.

Нужно было изслѣдовать эту дачу. Вдвоемъ со своимъ помощникомъ Альвиномъ я по ночамъ нанесъ нѣсколько непрошенныхъ визитовъ профессору Крегсу.

Ни въ лабораторіяхъ, ни въ другихъ помѣщеніяхъ дома мы не нашли ничего подозрительнаго. Не было никакихъ слѣдовъ преступленія, мы не нашли и тѣни улики, которая бы дала возможность предположить, что убитыя дѣти хоть минуту находились въ домѣ профессора.

Несмотря на это, я еще больше укрѣпился въ своихъ подозрѣніяхъ: мы установили, что Крегсъ въ широкихъ размѣрахъ занимался вивисекціей, причемъ нашли нѣсколько обезглавленныхъ морскихъ свинокъ.

IV.

15 марта поступило заявленіе объ исчезновеніи третьей пары мальчиковъ: Іена Арвида—13 лѣтъ и Бека Полиня—14 лѣтъ.

Нужно было дѣйствовать быстро и рѣшительно, и я, не теряя ни минуты, отправился въ Сосновый Боръ. Альвинъ былъ занятъ по другому дѣлу и могъ вернуться только утромъ. Я оставилъ ему записку, въ которой просилъ его немедленно ѣхать въ Сосновый Боръ съ полиціей, если я не вернусь къ 10 часамъ утра. Это было сдѣлано не на всякій случай: во мнѣ жила странная увѣренность, что я натолкнусь на нѣчто ужасное.

Было совсѣмъ темно, когда я подошелъ къ дачѣ профессора. Это былъ обширный каменный домъ, окруженный высокой оградой. Прислуги при домѣ не было никакой — это я зналъ хорошо — что облегчало мою задачу.

Въ первомъ этажѣ не было свѣта, но наверху въ лабораторіяхъ окна были ярко освѣщены. Профессоръ, очевидно, работалъ.

Я перелѣзъ ограду позади дома. Чтобы проникнуть въ домъ, нужно было вынуть стекло въ одномъ

изъ оконъ, — путь, которымъ мы пользовались съ Альвиномъ уже нѣсколько разъ.

Я остановился, отыскивая взглядомъ знакомое окно. Было тихо и совершенно темно. Шелестѣлъ вѣтеръ въ голыхъ вѣтвяхъ.

И вдругъ я услышалъ крикъ. Одинокій, глухой, онъ вырвался изъ каменныхъ стѣнъ дома и слился съ шелестомъ вѣтра.

Ошибиться было невозможно: въ домѣ крикнулъ ребенокъ. И это былъ не простой крикъ ребенка: стонъ ужаса, вопль боли или отчаянія слышался въ немъ.

V.

Крикъ ребенка точно наэлектризовалъ меня. Охваченный возбужденіемъ, я кинулся къ окну и вынулъ стекло, служившее дверью для меня съ Альвиномъ при прежнихъ посѣщеніяхъ дачи профессора. Сдѣлалъ я это не совсѣмъ удачно: стекло выскользнуло изъ рукъ и разбилось о камень на дворѣ.

Я проникъ въ домъ. Комната, въ которой я очутился, была, повидимому, кладовая, но лишенная какихъ бы то ни было припасовъ. Дверь ея, должно быть, никогда не закрывавшаяся, выходила въ прихожую, откуда вела наверхъ деревянная лѣстница. Дорога была знакомая, и я безъ помѣхъ выбрался къ лѣстницѣ.

Сейчасъ я былъ совершенно спокоенъ. Горячность, навѣянная стономъ ребенка, прошла: хладнокровіе, обычное для меня въ моменты серьезной работы, снова овладѣло мной. Мозгъ работалъ строго-отчетливо, намѣчая планъ дѣйствій.

Профессоръ находился наверху, въ лабораторіяхъ. Занятый преступной работой, онъ не могъ услыхать паденія стекла, какъ и я не слыхалъ его присутствія. Ни одного звука не было слышно въ домѣ. Мракъ и полнѣйшая тишина окружали меня.

Присѣвъ на ступеньку, я снялъ ботинки: нужна была величайшая осторожность, и малѣйшій шумъ могъ погубить дѣло.

VI.

Я благополучно пробрался наверхъ. Широкій коридоръ упирался здѣсь въ двери, ведущія въ лабораторію. Узкая полоска свѣта пробивалась изъ щели и это обрадовало меня: сквозь щель я могъ видѣть все, что совершается въ комнатѣ.

Скользя носками по паркету, я подкрался къ двери. Сквозь щель неплотно затворенной двери я увидѣлъ обширную комнату, залитую холоднымъ свѣтомъ электричества. Въ ней никого не было. Столы, заставленные сложными приборами, и клѣтки съ кроликами и морскими свинками—вотъ и все, что находилось въ ней.

Обыкновенная лабораторія ученаго — не больше.

Но на полу, недалеко отъ дверей, лежало нѣчто, не совсѣмъ умѣстное въ комнатахъ ученаго, если у него нѣтъ дѣтей: дѣтская матросская шапочка валялась на паркетѣ. Сердце у меня забилось нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго: шапочка была такой же, какъ ее описывали родители одного изъ пропавшихъ мальчиковъ. Я разобралъ даже начало надписи на лентѣ...

Никакихъ сомнѣній больше быть не могло: исчезнувшія дѣти находились у профессора, въ его лабораторіи, и, возможно, въ этотъ самый моментъ подвергались его преступной вивисекціи. Медлить нельзя было ни секунды.

Я пріоткрылъ дверь и хотѣлъ было войти въ комнату, но сзади вдругъ мое тѣло было охвачено, точно тисками, чьимъ-то медвѣжьимъ объятіемъ, и ноги мои отдѣлились отъ пола.

Сжатый, сдавленный, полузадохшійся, я очутился на полу подъ чьей-то грузной массой, безпомощный, какъ младенецъ. Потомъ ощутилъ на лицѣ прикосновеніе губки и сладкій противный запахъ хлороформа. Одну минуту я пытался не дышать, выбиваясь изъ силъ въ попыткѣ освободиться... Потомъ ѣдкая сладость наркотика влилась въ мой организмъ, и я потерялъ способность что-либо чувствовать.

VII.

Сперва я ощутилъ свѣтъ — море яркаго ослѣпительнаго свѣта. Это было контрастомъ черной бездны небытія, въ которую погрузилъ меня хлороформъ, и я снова закрылъ глаза, приводя въ порядокъ проснувшіяся мысли.

Попробовавъ шевельнуться, я понялъ, что былъ связанъ, вѣрнѣе прибинтованъ къ какому-то мягкому, удобному креслу... Я не могъ сдѣлать ни одного движенія ни рукой, ни ногой. Голову я могъ повертывать въ любую сторону и воспользовался этимъ, чтобы посмотрѣть, куда я попалъ.

Громадная комната, вся залитая бѣлымъ свѣтомъ, падавшимъ сверху изъ двухъ молочно-бѣлыхъ фонарей, ничѣмъ не отличалась обстановкой отъ хорошаго хирургическаго кабинета первоклассной клиники.

Инструменты, приборы... Громадный операціонный столъ посерединѣ, а на немъ два дѣтскихъ обнаженныхъ тѣла—безжизненныхъ, неподвижныхъ, прикованныхъ къ мраморной поверхности стола оцѣпенѣніемъ смерти, или наркотика.

Я много видѣлъ на своемъ вѣку. Та область, въ которой работалъ я, ежедневно почти давала матеріалъ для острыхъ переживаній. Однако никогда я не переживалъ такого остраго чувства ужаса и отчаянія, какъ при видѣ этихъ тѣлъ, очевидно, приготовленныхъ для совершенія чудовищнаго злодѣйства.

Я былъ лишенъ возможности бороться за освобожденіе дѣтей, и это, должно быть, усилило мои переживанія.

VIII.

Вошелъ Крегсъ. Онъ появился неслышно въ бѣломъ халатѣ, большой и величественный внѣшностью, какъ крупный красивый хищникъ.

Не взглянувъ на меня, профессоръ подошелъ къ операціонному столу и, склонившись надъ тѣлами дѣтей, приложилъ поочередно ухо къ груди одного и другого. Выраженіе удовлетворенія промелькнуло на его лицѣ блѣднымъ мгновеннымъ лучомъ, и оно стало снова серьезнымъ, холоднымъ — лицомъ ученаго, погруженнаго въ работу.

Онъ выпрямился, еще разъ окинулъ взглядомъ дѣтскія тѣла и, взявъ пушистое бѣлое покрывало, похожее на пластъ ваты, прикрылъ имъ мальчиковъ. Потомъ обернулся ко мнѣ.

— Вы очнулись? Ну, я бы не сказалъ, что это хорошо, — сурово проговорилъ онъ. — Но ничего не подѣлать. Хотя съ другой стороны, почему бы мнѣ не угостить васъ еще одной порціей наркотика?

Я не отвѣтилъ, стараясь даже взглядомъ не выдать чувства ужаса, поселившагося въ душѣ. Спокойно выдержалъ взглядъ профессора.

Крегсъ недовольно нахмурился. Потомъ рѣшительно тряхнулъ пышной сѣдѣющей гривой волосъ.

— Мы работаемъ съ вами въ различныхъ областяхъ, — сказалъ онъ, — но оба увѣрены, что работаемъ въ интересахъ человѣчества... И въ то же время мѣшаемъ другъ другу... Вы, напримѣръ, будете сейчасъ присутствовать при актѣ величайшаго достиженія науки, сулящемъ безсмертіе человѣку, но съ вашей точки зрѣнія это будетъ преступленіемъ, и если бы вы могли, вы бы не только помѣшали мнѣ, но и запрятали бы меня въ тюрьму...

Я кинулъ утвердительно головой.

— Можетъ быть, вы и правы по своему. По логикѣ вещей, мнѣ бы слѣдовало избавиться отъ васъ, но, къ сожалѣнію, какъ объектъ для моихъ работъ, вы не представляете никакого интереса...

Онъ снова задумался: точно тѣнь легла на выразительномъ гордомъ лицѣ.

— Убейте меня! — крикнулъ я, чувствуя непреодолимую потребность хотя бы въ крикѣ сорвать напряженіе, натянувшее всѣ мои нервы.

Онъ изумился. Сѣрые глаза съ безконечнымъ уди-

вленіемъ поглядѣли на меня, точно я далъ новое невѣдомое направленіе его холодной мысли.

— Нѣтъ, — покачивая головою, отвѣтилъ Крегсъ, —объ убійствѣ не можетъ быть и рѣчи. Я въ затруднительномъ положеніи, это — вѣрно, однако, убійство... это...

Отвращеніе пробѣжало гримасой по его лицу.

Покрывало, наброшенное поверхъ дѣтскихъ тѣлъ, вдругъ шевельнулось. Профессоръ бросилъ быстрый предупредительный взглядъ на меня и безшумно наклонился надъ операціоннымъ столомъ.

Лицо его стало снова сосредоточеннымъ и серьезнымъ. Суровая складка сдвинула брови...

Я понялъ, что наступаетъ какой-то рѣшительный моментъ въ „опытѣ“ профессора Крегса, и почувствовалъ ледъ въ жилахъ...

IX.

Я пересталъ существовать для Крегса.

Онъ ощупалъ пульсъ мальчиковъ, потомъ, выжидая чего-то, уставился напряженнымъ взглядомъ въ ихъ лица — прозрачно-блѣдныя въ бѣломъ освѣщеніи лабораторіи.

Прошла минута или часъ — я не зналъ. Страшное напряженіе сковало мою волю. Глаза фотографировали происходящее, и каждая мелочь врѣзалась въ мозгъ.

Я помню выраженіе лица Крегса, когда онъ взялся за инструменты: оно было почти торжественнымъ. Спокойствіе и увѣренность сквозили во всѣхъ движеніяхъ.

Онъ засучилъ рукава халата, взялъ ланцетъ и повернулся ко мнѣ. Роковая минута, должно быть, не наступила еще.

— Вы наблюдаете?

Голосъ его произвелъ дѣйствіе внезапнаго толчка на мои чувства.

Связанный, безсильный вступить въ борьбу за жизнь дѣтей, лежавшихъ на столѣ, я заговорилъ. Я не

могу возстановить теперь словъ — это былъ потокъ, горячій каскадъ чувствъ, вылившійся въ слова. Я заклиналъ, просилъ, умолялъ его отказаться отъ того, что онъ называлъ „замѣчательнымъ опытомъ".

Онъ слушалъ. Когда у меня изсякли слова, — улыбнулся.

— То, что вы увидите, превзойдетъ всѣ чудеса науки. Не смерть, а источникъ вѣчной жизни — результатъ моихъ работъ... Родители получатъ своихъ дѣтей, хотя и видоизмѣненныхъ — я перемѣщу имъ головы. Это звучитъ дико, но это — необходимое звено въ цѣпи моихъ работъ...

У него, очевидно, была потребность подѣлиться тайной своихъ чудовищныхъ работъ, но легкая дрожь пробѣжала по тѣлу одного изъ мальчиковъ, и Крегсъ отвернулся отъ меня.

— Ни слова! — сурово бросилъ онъ. — Отъ полной тишины зависитъ жизнь дѣтей!

X.

Спокойный, какъ изваяніе, профессоръ наклонился надъ столомъ...

Инструменты, вата, склянки со снадобьями замелькали въ его рукахъ.

Лезвіе ножа дважды сверкнуло въ воздухѣ и съ глухимъ лязгомъ упало на мраморъ. Алый потокъ окрасилъ пальцы убійцы, расплескался по столу... Окровавленные ватные томпоны хлопьями краснаго снѣга усыпали полъ.

Я закрылъ глаза подъ вліяніемъ страшной слабости, охватившей тѣло. Но происходившее влекло къ себѣ гипнозомъ кошмара. Глаза мои раскрылись, и я застоналъ, почувствовавъ снова ледъ въ жилахъ: двѣ головы стояли на столѣ въ облакѣ окровавленной ваты. Синевато-блѣдныя, безкровныя, онѣ сохранили признаки жизни: вѣки дрожали, точно силясь побороть какую-то страшную тяжесть, давившую на

нихъ, и открыться. Гримаса боли застыла на одномъ личикѣ; другое было спокойно.

Это продолжалось мигъ. Руки профессора оторвались отъ безглавыхъ тѣлъ и быстро, точно два мяча, перекинули головы обратно къ тѣламъ. Только теперь головы перемѣстились: бѣлокурая легла налѣво, а на ея мѣсто была положена голова Бека — съ каштановыми волосами.

Ледъ изъ жилъ, казалось, проникъ мнѣ въ мозгъ, сковавъ послѣдніе проблески мысли.

— Все идетъ хорошо, — раздался спокойный голосъ Крегса.

У него на лбу осѣла испарина — единственный слѣдъ напряженія работы. Кромѣ этого пота не было никакихъ измѣненій во внѣшнемъ видѣ профессора.

XI.

Крегсъ опять взялся за склянки. Какой-то острый возбуждающій запахъ разлился по комнатѣ.

Крегсъ поднесъ вату къ головамъ убитыхъ, точно давалъ имъ нюхать что-то. Лица мальчиковъ вдругъ потеряли безжизненный оттѣнокъ. Легкій румянецъ пробился сквозь блѣдность щекъ.

Одно тѣло затрепетало... шевельнулось...

Медленно, опираясь на руки, приподнялось оно... Сверхчеловѣческое страданіе исказило черты дѣтскаго лица, глаза открылись и взглянули на меня.

Мальчикъ застоналъ и рухнулъ всей тяжестью на столъ.

Крегсъ выругался. Я почувствовалъ неудержимое желаніе смѣяться. Смѣхъ отодвинулъ ужасъ, охватившій меня, и вырвался изъ груди сокрушающей волной.

Потомъ было два года болѣзни, сплошного кошмара, заполненнаго взглядомъ ребенка, умерщвленнаго и вырваннаго на секунду изъ проваловъ смерти.

Альвинъ утромъ явился на дачу профессора и засталъ его возлѣ труповъ дѣтей. Я былъ въ припадкѣ безумія.

Судьи сочли Крегса безумнымъ, но, врядъ-ли, они пришли бы къ этому заключенію, имѣй я возможность разсказать на судѣ о ночи, проведенной въ лабораторіи.

Какъ Папоротникъ лишился цвѣтка.

Кровавый хаосъ...

Бичъ пулемета за окномъ разсѣкаетъ жизнь. Тяжелые вздохи орудій—гудящія проклятья — назойливо кричатъ о смерти и разрушеніи...

Ты хочешь забыться среди хаоса, любимая? Хочешь уйти отъ дѣйствительности и послушать сказокъ? Хорошо, я разскажу тебѣ необыкновенную исторію, но ты сама разбирайся въ ней и дѣлай выводы: я на это неспособенъ. А лучше слушай ее такъ же, какъ слушала въ дѣтствѣ нянины сказы, и пусть шопотъ моей сказки унесетъ тебя изъ мрака дѣйствительности въ свѣтлую область сновъ.

Было время, моя дорогая, когда Папоротникъ цвѣлъ каждый годъ, наканунѣ Иванова дня. У него былъ роскошный цвѣтокъ, — самый махровый и самый красный изъ всѣхъ цвѣтковъ на землѣ. Папоротникъ очень гордился своимъ цвѣткомъ: въ тѣ времена цѣна на красное была выше, чѣмъ теперь.

Конечно, это было очень давно...

Люди знали тогда цѣну порядку, тишинѣ, спокойствію и мирно выпивали праздничную кружку вина въ веселой компаніи, не помышляя ни о чемъ, кромѣ того, какъ бы выпить еще кружку за здоровье друзей. И все было хорошо...

Жила тогда же и вѣдьма. Я не утверждаю, что это была единственная вѣдьма на землѣ — въ старину вообще водилось много вѣдьмъ,—но эта была самой выдающейся. Желтые ржавые клыки на полъ-аршина

торчали у нея изо рта, и въ нихъ была скрыта страшная волшебная сила. Эта вѣдьма была такая свирѣпая и злая, что всѣ прочія вѣдьмы могли сойти за херувимовъ въ ея присутствіи.

Звали ее Тер-Рор-А, или просто Террора, что значило Ужасная, потому что и на самомъ дѣлѣ она была ужасной. Люди боялись ея хуже смерти и избѣгали. Она же терпѣть не могла людей и потому жила въ одиночествѣ.

Домъ ея стоялъ на девяти непролазныхъ болотахъ и былъ окруженъ частоколомъ изъ человѣческихъ костей. На каждомъ столбѣ висѣлъ черепъ, выкрашенный краснымъ, краска эта была человѣческая кровь, моя любимая,—другой краски не признавала Террора.

*

Я уже сказалъ, что Террора была могущественная вѣдьма. Она движеніемъ мизинца могла испортить погоду, а щелканьемъ длинныхъ клыковъ—навлечь на людей повальную болѣзнь. Но этого ей было мало. Она прямо жаждала крови и, сидя на своихъ болотахъ, бѣсновалась отъ мысли, что не можетъ утопить въ крови все человѣчество.

У нея былъ Воронъ — самый большой и самый черный изъ всѣхъ вороновъ, каркавшихъ на свѣтѣ. Клювъ у него былъ желѣзный, изогнутый, а глаза налиты кровью, потому что онъ пилъ только кровь, дорогая, и другихъ напитковъ не признавалъ. Ворону было 1000 лѣтъ и всю жизнь свою онъ провелъ только съ вѣдьмой, ѣлъ вмѣстѣ съ нею трупы и пилъ человѣческую кровь изъ большого краснаго черепа.

Разъ въ мѣсяцъ Воронъ улеталъ изъ дому. Онъ собиралъ новости для вѣдьмы, а попутно каркалъ, навлекая болѣзни и смерть. Возвращаясь домой, онъ сообщалъ Террорѣ, что дѣлается на свѣтѣ.

— Что же они дѣлаютъ тамъ, эти жалкіе люди?— спрашивала Террора, щелкая клыками.

— Пьютъ свою кружку вина и довольны судьбой,— каркалъ въ отвѣтъ Воронъ.

Вѣдьма вскакивала съ кресла, сложеннаго изъ

берцовыхъ костей самоубійцъ, и бѣсилась. Она бросала на землю ураганы, вытряхивала изъ гнилого клыка чуму, оспу, холеру, и бѣшенство ея сотрясало болота.

Люди, жившіе за сотни верстъ отъ болотъ, говорили въ ужасѣ:

— Вѣдьма злится! Сохрани насъ, Боже!

Но сразу же добавляли:

— Слава Богу, что она не смѣется.

Потому что смѣхъ Террoры знаменовалъ еще большія бѣдствія, дорогая.

*

Террора хотѣла погубить всѣхъ людей на землѣ, но не могла. Ея могущество имѣло предѣлы, и только грѣхъ невиннѣйшаго изъ невинныхъ могъ помочь ей. Да, любимая, Террорѣ нуженъ былъ грѣхъ невиннаго изъ невинныхъ, и она все думала объ этомъ. Сидѣла на креслѣ изъ берцовыхъ костей человѣка и думала... думала. Отъ думъ и отъ злости она пожелтѣла, высохла и потеряла аппетитъ: окорокъ отъ трупа лежалъ передъ нею долгое время нетронутымъ и даже сталъ портиться немного.

Думалъ и Воронъ, сидя противъ вѣдьмы. А Воронъ былъ мудръ, дорогая. Онъ полузакрылъ кровавые глаза и время отъ времени произносилъ:

— Кра...

Это значило, что онъ находился въ затрудненіи.

Воронъ додумался первый. Онъ сказалъ:

— Я полагаю, что годится Папоротникъ. Невиннѣе растеній ничего не придумаешь, а у Папоротника есть зародыши чванства!

И вѣдьма очень обрадовалась. Она вскочила и сейчасъ же скушала цѣлую ногу отъ свѣжаго трупа—у нея появился аппетитъ отъ радости.

— Да,—сказала она, покончивъ съ завтракомъ.— Это просто прекрасно.

И сейчасъ же собралась въ путь.

Она захватила немного багажа. Въ большомъ сундукѣ у нея лежало порядочно всякаго хлама, но она забрала не все. Порывшись, она вынула 20.000

желаній, — совершенно новыхъ, не бывшихъ въ употребленіи, потомъ 12.000 страстей и 5.000 пороковъ, тоже почти свѣжихъ, — хорошенько почистила все это и спрятала въ саквояжъ. Сверху она положила связку оккультныхъ знаній и 17.500 разгадокъ всѣхъ наукъ. Она подумала немного и нашла, что этого будетъ достаточно. Воронъ тоже нашелъ, что запасовъ хватитъ, и одобрилъ:

— Кра-а.

Террора взяла саквояжъ, и они пошли. Пошли къ Папоротнику, моя дорогая.

*

Папоротникъ росъ на краю болота. Здѣсь была превосходная заросль самыхъ безполезныхъ растеній и среди нихъ самымъ великолѣпнымъ, самымъ пышнымъ и роскошнымъ былъ Папоротникъ.

Онъ много думалъ о себѣ, любимая, и не чуждъ былъ тщеславія. Оттого-то и свои перья-листья онъ раскинулъ какъ возможно шире и почти закрылъ всѣ другія растенія. Возвышаясь надъ сорными травами, онъ надувался, какъ павлинъ.

Онъ не очень удивился вѣдьмѣ и Ворону. Завидѣвъ издалека багряный нарядъ Терроры, онъ сказалъ Лишайнику:

— Эта депутація ко мнѣ.

И не ошибся. Воронъ и вѣдьма шли къ нему, дорогая.

Воронъ подлетѣлъ первый и сказалъ:

— Кра.

Папоротникъ только головой кивнулъ: онъ находилъ неумѣстнымъ болтать съ Ворономъ.

Потомъ подошла вѣдьма.

Она опустила на землю свой саквояжъ и утерла вспотѣвшее лицо.

— Чудесная погодка сегодня! Здравствуй, перолистый... Я пришла подарить тебѣ кое-что...

Папоротникъ очень любилъ подарки. Онъ спросилъ:

— А что это такое, уважаемая госпожа?

Террора подмигнула, а клыки у нея щелкнули.

— Это нѣчто такое, красавчикъ мой, что дастъ тебѣ преимущество надъ всѣми растеніями. Я хочу прибавить къ твоему цвѣтку кое-что, чего нѣтъ ни у кого на свѣтѣ.

А Папоротнику только этого и не хватало. Сидя у болота, онъ дни и ночи думалъ, чѣмъ бы удивить міръ. Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на саквояжъ, но снаружи ничего нельзя было увидѣть.

— Я бы очень хотѣлъ этого,—отвѣтилъ онъ, кланяясь. — Знаете, очень печально становится при мысли, что такая великолѣпная жизнь, какъ моя, почти проходитъ незамѣтно.

Вѣдьма улыбнулась. Понимаешь, любимая, — ей этого только и нужно было.

— О, твоя жизнь не пройдетъ незамѣтно, херувимчикъ мой: ты дашь міру то, что всколыхнетъ его до основанія.

И сказавъ это, Террора начала колдовать. Она вынула 20.000 желаній, совершенно неизвѣстныхъ человѣчеству, и сложила ихъ возлѣ Папоротника.

—Я тебѣ даю то, что до окончанія вѣковъ не дастъ спокойно спать человѣчеству.

Потомъ положила 12.000 страстей.

— Я даю тебѣ то, что огненнымъ вихремъ охватитъ людей и ядомъ переполнитъ кровь ихъ.

Затѣмъ сложила 5000 пороковъ.

— Я даю тебѣ то, что наполнитъ грязью и скверной души людей.

Такимъ же образомъ были положены 17.500 разгадокъ всѣхъ наукъ и связка оккультныхъ знаній.

— Я даю тебѣ то, что дѣлаетъ самымъ могущественнымъ и сильнымъ.

Исполнивъ все это, Террора обошла вокругъ Папоротника три раза и пѣла:

Изсохлась я въ глуши болотъ:
Ждала, когда мой часъ пробьетъ.
Нархозъ, совдепъ, горхозъ, ревкомъ,
Чека, главпуть, бэдламъ, наркомъ...
Всю власть кровавую мою
Въ тебя, цвѣтокъ мой, я волью..

Цикъ, вутечекъ, политотдѣлъ,
Нарпросъ, чека, комвнутриндѣлъ,
Цвѣткомъ багрянымъ комжелдоръ—
Внесу я смерть, вражду, раздоръ...
Нархозъ, совдепъ, горхозъ, ревкомъ,
Чека, главпуть, бэдламъ, наркомъ.
Польется кровь живой рѣкой,
Потонетъ въ ней весь родъ людской.
Цикъ, вутечекъ, политотдѣлъ,
Нарпросъ, цека, комвнутриндѣлъ.

И Воронъ летѣлъ, хлопалъ крыльями и пѣлъ вмѣстѣ съ Терророй,—по своему, конечно.

Непонятныя слова въ вѣдьминой пѣснѣ были не что иное, какъ заклинанія, моя дорогая. Страшныя, зловѣщія заклинанія. Вѣдьмѣ помогалъ Воронъ, помогалъ, потому что онъ тоже былъ великій колдунъ.

Когда они кончили пѣть, все, что положила Террора къ корнямъ Папоротника, исчезло: все перешло въ самый Папоротникъ... Онъ почувствовалъ это и сталъ сразу очень важнымъ, даже чуть-чуть зловѣщимъ.

Покончивъ съ дѣломъ, Террора щелкнула клыками и разсмѣялась. Отъ смѣха ея задрожали болота и въ ближайшемъ городѣ произошло землетрясеніе.

Террора была очень довольна собой: кто сорветъ цвѣтокъ Папоротника, тотъ будетъ знать все и станетъ самымъ могучимъ человѣкомъ на землѣ. Объ этихъ свойствахъ цвѣтка Папоротника ты слыхала вѣрно, и это не подлежитъ сомнѣнію: Террора очень добросовѣстно дѣлала свои заклинанія, и ей помогалъ Воронъ.

Террора могла спокойно ждать: тотъ, кто овладѣетъ цвѣткомъ, придетъ къ ней—такой ужъ она сдѣлала заговоръ. Шла она домой очень веселая. Воронъ тоже. По пути онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Скрамъ.

— И это было имя того человѣка, который овладѣетъ цвѣткомъ Папоротника.

*

Скрамъ былъ юноша, дорогая. Жилъ онъ въ городѣ, среди людей, но былъ очень страннымъ человѣ-

комъ. Тогда, когда другіе мирно пили въ доброй компаніи праздничную кружку вина, — Скрамъ былъ одинъ. Онъ сидѣлъ за книгами и чахъ. Онъ все время рылся въ книгахъ, въ громадныхъ старыхъ томахъ съ пожелтѣлыми страницами и хотѣлъ все знать. Это не удавалось ему, моя дорогая, потому что въ книгахъ не было того, что онъ искалъ. Всѣ 17.500 разгадокъ наукъ были у вѣдьмы, и она ихъ передала Папоротнику.

И Скрамъ напрасно искалъ въ книгахъ разгадокъ. Онъ только желтѣлъ и сохъ въ одиночествѣ.

Люди тогда были очень добры и просты. Они часто звали Скрама распить съ ними кружечку добраго напитка, но Скрамъ отворачивался отъ нихъ: они были глупы по его мнѣнію.

— Неужели вамъ ничего не нужно, кромѣ вашей дурацкой кружки? — восклицалъ онъ сердито.— Неужели вы не хотите ничего лучшаго?

Но у людей не было желаній (ихъ хранила Террора, какъ ты помнишь, родная). Люди пожимали плечами и говорили:

— Чудакъ какой. Что можетъ быть лучше кружки хорошаго вина среди друзей? Развѣ только двѣ кружки!

Скрамъ злился и уходилъ. Шелъ снова къ большимъ желтымъ фоліантамъ и чахъ за ними. Кусалъ ногти отъ раздраженія и досады: не было въ книгахъ разгадокъ наукъ.

*

Скрамъ прочелъ цѣликомъ 7.000 большихъ толстыхъ книгъ, но изъ этого ничего не вышло. Онъ сталъ совсѣмъ какъ скелетъ, обтянутый кожей, любимая. Но онъ былъ упрямый и не хотѣлъ сдаться. Понимаешь, онъ хотѣлъ поставить на своемъ. Съ такимъ упрямцемъ ничего нельзя было подѣлать, тѣмъ болѣе, что и родителей у Скрама не было: они давно умерли отъ огорченія.

Въ городѣ жилъ мудрецъ. Онъ былъ совсѣмъ сѣдой, а имя носилъ очень странное и длинное, какъ это всегда бываетъ у мудрецовъ: Рдумъ-Илсе-Ашудъ-Гзомъ-Етсемвъ.

Это было только имя, а отчество и фамилію совершенно нельзя было запомнить, любимая.

Рдумъ зналъ все, что дѣлалось на свѣтѣ, и зналъ также будущее, потому что у него хранились всѣ восточныя колдовства. Онъ былъ могучій колдунъ, но не злоупотреблялъ своей силой и никогда никому не дѣлалъ зла.

Цѣлую недѣлю онъ былъ дома — въ старой башнѣ — и занимался своими колдовскими дѣлами: считалъ звѣзды, узнавалъ будущее и варилъ разныя травы. Онъ приготовлялъ волшебные напитки, моя дорогая, и лучше его никто не могъ этого дѣлать.

По субботамъ Рдумъ бралъ котелокъ, клалъ въ него кусочекъ философскаго камня и ставилъ на огонь. Котелокъ закипалъ и получалось золото — въ видѣ чистенькихъ новенькихъ монетъ. Рдумъ не былъ жаденъ: за одинъ разъ онъ приготовлялъ ровно столько монетъ, сколько нужно было заплатить за праздничную кружку вина для себя и друзей — и ни на одну копейку больше.

Потомъ онъ снималъ свой нарядъ волшебника — колпакъ съ таинственными письменами и длинное широкое платье — одѣвался какъ всѣ люди и шелъ въ погребокъ. Онъ любилъ посидѣть за кружкой вина и угощалъ другихъ.

Изъ этого ты можешь заключить, любимая, что Рдумъ былъ очень добрый. Онъ могъ однимъ мизинцемъ разрушить городъ, но не дѣлалъ этого, — ему и въ голову не могла придти подобная мысль.

Скрамъ совсѣмъ не былъ похожъ на Рдума. Прежде всего онъ былъ молодъ и глупъ. Будь онъ постарше и поумнѣе, онъ не надѣлалъ бы столько бѣдъ... но объ этомъ я разскажу въ свое время — будь терпѣлива, дорогая.

*

Скрамъ пришелъ къ Рдуму.

— Говорятъ, что ты мудрѣе всѣхъ на свѣтѣ, — сказалъ онъ. — Если такъ, то ты долженъ помочь мнѣ.

Я прочелъ тысячи книгъ и не нашелъ нигдѣ разгадокъ наукъ; ничего не нашелъ. Помоги мнѣ.

Рдумъ отвѣтилъ:

— Ты молодъ и глупъ, Скрамъ. Если бы ты былъ умнѣе, ты бы не желалъ этого.

Скрамъ былъ нетерпѣливъ и не любилъ наставленій.

— Нравоученія можешь оставить при себѣ, старикъ,—воскликнулъ онъ.—А если ты не обманщикъ и дѣйствительно все знаешь, ты долженъ помочь мнѣ. Иначе я всѣмъ скажу, что ты шарлатанъ и дурачишь людей...

Рдумъ печально поглядѣлъ на Скрама.

— Глупецъ, глупецъ. Да знаешь ли ты, что вмѣстѣ съ разгадками наукъ ты пріобрѣтешь пороки, страсти и заразишь ими людей?

— Я осчастливлю ихъ!—возразилъ Скрамъ.

— Но тебѣ придется породниться съ Терророй...

У Скрама только глаза вспыхнули.

— Хотя бы со всѣми вѣдьмами свѣта!

Тогда Рдумъ покачалъ головой. Онъ сталъ суровымъ и печальнымъ.

— На краю девяти вѣдьминыхъ болотъ,—сказалъ онъ,—подъ старой Чортовой Осиной, растетъ Папоротникъ. Сорви его цвѣтокъ въ Иванову ночь, и ты получишь то, что хочешь... Но знай, что этимъ ты отдашься Террорѣ. Проклятья человѣчества будутъ твоимъ удѣломъ на исходѣ вѣковъ...

— Ну, не каркай, старикъ,—прервалъ Скрамъ (онъ былъ грубъ, любимая).—Меня не запугаешь... Цѣлуйся съ людьми-рабами, если тебѣ это нравится, а я ихъ сдѣлаю свободными.

Рдумъ усмѣхнулся. Горькая это была усмѣшка, но онъ ничего не сказалъ.

А когда Скрамъ ушелъ изъ башни, Рдумъ вздохнулъ и принялся варить какой-то странный волшебный напитокъ. Онъ варилъ этотъ напитокъ уже 300 лѣтъ, а еще черезъ 300—питье должно было поспѣть.

Въ этотъ день Рдумъ добавилъ въ него частицу Милосердія и голубую каплю чистой Любви.

*

Въ Иванову ночь Скрамъ пошелъ къ вѣдьминымъ болотамъ, къ старой Чортовой Осинѣ.

По дорогѣ ночной мотылекъ встрѣтилъ его, покружился надъ головой и сказалъ:

— Не ходи!

Потомъ ночная фіалка приподнялась навстрѣчу и шепнула:

— Вернись!

И, вблизи отъ болотъ, старый мудрый филинъ крикнулъ:

— Уходи!

Но Скрамъ ихъ не слушалъ — онъ былъ очень самонадѣянъ и страшно хотѣлъ сорвать цвѣтокъ Папоротника.

Въ лѣсу было темно, а подъ Чортовой Осиной и совсѣмъ ничего не видно. Изъ черной тьмы мелькали какія то рожи—страшныя и любопытныя, но Скрамъ ихъ не боялся: онъ былъ безстрашенъ, моя дорогая.

Онъ зажегъ спичку, чтобы посмотрѣть, гдѣ растетъ Папоротникъ, и увидѣлъ его... Рожи спрятались, и только толстая, какъ тыква, голова стараго Лѣшаго не успѣла скрыться: отъ старости онъ сталъ неповоротливъ.

— Тутъ... тутъ,—сказалъ лѣшій.

Скрамъ протеръ очки и усмѣхнулся.

— И безъ тебя знаю, что тутъ!

Старый Лѣшій смущенно почесалъ козлинымъ копытомъ переносье и ушелъ.

Скрамъ сѣлъ на пенекъ. Папоротникъ еще не цвѣлъ, и нужно было подождать немного. Отъ скуки Скрамъ закурилъ папиросу.

*

Цвѣтокъ не расцвѣлъ, а вспыхнулъ, любимая. Раздался трескъ, и точно фейерверкъ засіялъ среди перьевъ листьевъ. Цвѣтокъ былъ какъ шаръ и горѣлъ

тысячами огней, но все-таки больше всего въ немъ было краснаго. Это понравилось Скраму.

— Ишь ты какой!—сказалъ онъ и хотѣлъ взять цвѣтокъ.

Но тутъ вышла Террора, а съ ней вмѣстѣ Воронъ. Понимаешь, они стояли за осиной и теперь появились.

Террора хихикала отъ радости, а клыки у нея щелкали.

— Хи-хи-хи, миленькій,—сказала вѣдьма,—не такъ сразу. Я тысячу лѣтъ тебя ждала, а ты и поговорить со мной не хочешь... Оставь пока цвѣточекъ—онъ мой.

Скрамъ отдернулъ руку и нахмурился. Однако у него было твердое рѣшеніе, и онъ сказалъ:

— Я знаю, что мнѣ придется сойтись съ тобой, но я не привыкъ долго разговаривать! Чего ты хочешь?

— Это похоже на дѣло, хотя и не очень-то любезно,—отвѣтила Террора и сѣла рядомъ со Скрамомъ. —Ну да я невзыскательная старуха: поцѣлуй меня для начала.

Отъ вѣдьмы пахло очень скверно, — но Скрамъ поцѣловалъ ее.

Воронъ весело закаркалъ.

— А дальше что? — спросилъ Скрамъ.

— Ты будешь моимъ мужемъ, миленькій. Безъ меня ты — ничто, а со мной — воцаришься среди людей. Такъ! Ну, теперь можешь сорвать цвѣточекъ.

Скрамъ овладѣлъ волшебнымъ шарикомъ и онъ сразу потухъ. Папоротникъ, очень гордый собою, сказалъ:

— Пожалуйста, поберегите его: другого такого нѣтъ на свѣтѣ.

Но вѣдьма запретила разговаривать, и Папоротникъ замолчалъ, хотя говорить ему страшно хотѣлось.

Потомъ Террора взяла цвѣтокъ у Скрама. Она дала ему съѣсть кусочекъ, а остальное начала жевать, пока все не превратилось въ мелкую труху. Труху она кинула кверху, а Ураганъ подлетѣлъ и съ ревомъ умчалъ ее... Понесъ по свѣту.

— Что ты сдѣлала?—спросилъ Скрамъ.

— О, я только наградила людей тѣмъ, чего имъ не хватало. Я имъ послала желанія, страсти и пороки. Они забудутъ теперь свою кружку и будутъ страдать.

Скрамъ былъ доволенъ—этого и ему хотѣлось.

Потомъ они повѣнчались. Воронъ, сидя на суку, пѣлъ имъ странную пѣсню, пока они три раза обходили вокругъ старой Чортовой Осины:

Союзъ вашъ адъ благословилъ.
Пусть вамъ онъ будетъ вѣчно милъ.
Совдепъ, ревкомъ, горхозъ, содомъ,
Сынъ Скрама будетъ Главнаркомъ.

Въ припѣвѣ было колдовство и пророчество, моя дорогая.

*

Люди на утро проснулись хмурыми. Ночью Ураганъ разнесъ мельчайшія пылинки цвѣтка Папоротника по всему свѣту. Онѣ проникли сквозь щели въ хижины бѣдняковъ и въ палаты богачей, съ ними вмѣстѣ пробрались къ людямъ желанія, страсти, пороки и все то скверное, что подарила Папоротнику Террора. Только разгадки наукъ и оккультныя знанія недостались людямъ, — ихъ она дала проглотить Скраму.

Да, люди проснулись хмурыми, моя дорогая, и это было начало всѣхъ бѣдъ.

Старый честный рабочій, собираясь на работу, сердито хлебалъ свой кофе. Ломоть хлѣба съ масломъ не лѣзъ ему въ горло.

Ворчалъ рабочій:

— Чѣмъ я хуже богатаго, что долженъ пить такую бурду и давиться хлѣбомъ? Развѣ я не могу кушать пирожное и жить праздно, не ходя на подлую работу, отъ которой ноютъ всѣ кости?

И уходилъ изъ дому, хлопнувъ дверью. У рабочаго появились желанія, моя любимая.

И такъ было со всѣми. Даже кошки, до этого тихо мурлыкавшія возлѣ очаговъ, начали желать перемѣнъ. Онѣ перестали ѣсть свою обычную пищу и но-

ровили стянуть что-нибудь повкуснѣе. Между собой онѣ говорили:

— Удивительно жадны люди. Прячутъ отъ насъ все, что повкуснѣе, а намъ даютъ всякую пакость. Чѣмъ мы хуже людей? Будемъ сами добывать себѣ лакомые кусочки. Вотъ и все.

Скрамъ повеселѣлъ Онъ очень гордо ходилъ по городу и на каждомъ углу останавливался поговорить съ горожанами. И его слушали.

А говорилъ онъ о томъ, дорогая, что бѣднякамъ нужно стать богатыми. Говорилъ, что бѣдняки должны собраться вмѣстѣ и отнять у богатыхъ все, что есть: дома, дворцы, заводы, фабрики и деньги. Отнять и завладѣть этимъ навсегда.

Люди слушали и имъ это нравилось. Они находили, что Скрамъ говоритъ очень умныя вещи.

— Какъ мы были глупы, что раньше не слушали Скрама,—говорили они. — Мы жили какъ свиньи и ничего не желали. Какой позоръ!

И восторженно кричали Скраму:

— Ура!

Скрамъ улыбался и потиралъ тощіе пальцы.

А Террора, сидя дома, радовалась... Къ ней въ гости пріѣхали Смерть и Голодъ. Они сидѣли втроемъ, а Воронъ прилеталъ и разсказывалъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Радовалась Террора, смѣялась Смерть, а Голодъ похрустывалъ пальцами и все спрашивалъ:

— Когда же мы пойдемъ къ людямъ?

— Скоро, скоро,—успокаивала его Террора.—Скоро мой муженекъ позоветъ меня, а вы ужъ за мной идите. Всѣмъ намъ будетъ пиръ на весь міръ...

*

Теперь скоро и сказкѣ конецъ, моя любимая...

Люди пролили кровь...

Они собрались въ погребкѣ выпить кружку вина, но лица у нихъ были сумрачныя, недовольныя. Не было радости на нихъ, не было веселія. Кружка вина

уже не привлекала ихъ, и они молча, безъ добрыхъ привѣтствій разсѣлись по своимъ угламъ.

Пришелъ Рдумъ, и ему никто не обрадовался. Кто-то даже сказалъ:

— Вотъ старый шарлатанъ пришелъ.

И Рдумъ печальный сѣлъ на свое мѣсто. А праздничная кружка стояла передъ нимъ полная до краевъ. Онъ не прикасался къ ней.

Люди молчали и курили трубки. Подносили свои кружки ко рту и морщились.

— Гадость. Кислятина. И какъ это мы могли пить такую дрянь, когда есть у богачей вино и получше...

Одинъ старый, старый рабочій покачалъ головой.

— Вино хорошее. Наши дѣды его пили, хвалили и знали ему цѣну. И мы сами много хорошихъ вечеровъ провели за этими кружками... Впрочемъ, не спорю — можетъ быть есть вино и получше. Не знаю.

— Старый болванъ хочетъ морочить насъ, — закричалъ совсѣмъ молодой рабочій. — Онъ хочетъ увѣрить насъ, что вино это хорошее. Будто мы не знаемъ, будто Скрамъ не открылъ намъ нашихъ кротовьихъ глазъ.

— Молодъ твой Скрамъ, какъ и ты, — возразилъ старый рабочій,—и не вамъ знать то, что могутъ знать люди постарше... Я...

Но онъ не договорилъ, моя любимая: молодой парень кинулъ въ него тяжелымъ стуломъ...

Старикъ упалъ, а изъ разбитой головы его потекла кровь, красная, какъ вино... И это было какъ бы сигналомъ. Все скверное хлынуло изъ людской души.

Померкъ свѣтъ въ погребкѣ, и люди кинулись другъ на друга. Они впивались зубами, царапались, рычали, какъ звѣри, и падали въ трескѣ ломающихся столовъ. Потокъ ненависти захлестнулъ ихъ...

А надъ городомъ, въ это время, пронесся смѣхъ Терроры. Она вышла изъ дома на девяти болотахъ, а за ней спѣшила костлявая Смерть, и волочилъ длинный черный плащъ по землѣ Голодъ.

Они шли къ Скраму, любимая.

Террора смѣялась, моя дорогая, и смѣхъ ея, какъ сухое щелканье бича, наполнялъ трескомъ воздухъ... Теперь это люди зовутъ пулеметнымъ огнемъ, но это не что иное, какъ смѣхъ Террора.

Въ городъ вошла Террора вмѣстѣ со Скрамомъ, а въ свитѣ у нихъ шли Смерть и Голодъ. Ихъ люди встрѣчали, имъ кланялись, падали ницъ и говорили:

— Вотъ они — наши властители.

*

Погребокъ опустѣлъ. Только Рдумъ сидѣлъ въ уголкѣ и думалъ, положивъ сѣдую голову на ладони.

На столѣ стояла одинокая забытая праздничная кружка. Она была полна до краевъ и вино янтарными каплями стекало по рѣзнымъ украшеніямъ металла.

Вопль людей на улицѣ превратился въ стонъ ужаса и смерти Рдумъ медленно поднялся со своего мѣста. Грустный, взялъ онъ забытую кружку и бережно поднялъ ее.

— Въ тебѣ миръ и залогъ добраго братства, — сказалъ онъ, — и я сохраню тебя для людей.

И Рдумъ унесъ кружку къ себѣ въ башню, моя любимая. Въ башнѣ онъ заперъ всѣ двери, такъ что ни одинъ звукъ съ улицы не проникалъ къ нему, и взялся за работу.

Онъ продолжать варить свой напитокъ, который варилъ уже 300 лѣтъ и который долженъ былъ поспѣть еще черезъ 300 лѣтъ...

Напитокъ мира и любви.

*

Произошло все это потому, что Папоротникъ согрѣшилъ чванствомъ. Не будь у него чванства, — Террора не могла бы передать никому того, что она вложила въ Папоротникъ, и на свѣтѣ все было бы ладно.

Но Папоротникъ не былъ золъ. Онъ ничуть не радовался тому, что произошло. Онъ просто недоумѣвалъ.

А Господь Богъ, видя, что случилось на землѣ, сказалъ Папоротнику:

— Ты не былъ доволенъ тѣмъ, что я далъ тебѣ и пожелалъ многаго. Отнынѣ ты не будешь цвѣсти во вѣки вѣковъ.

Аминь.

Съ тѣхъ поръ Папоротникъ не цвѣтетъ, моя любимая, и тѣмъ, кто ждетъ его цвѣтка въ Иванову ночь, стыдно не знать объ этомъ.

Ты хочешь узнать, что станетъ съ людьми, дорогая? Но это большая тайна. Господь Богъ отвернулся отъ нихъ... У нихъ есть спасеніе лишь въ напиткѣ Рдума, но онъ вѣдь поспѣетъ черезъ триста лѣтъ...

Можетъ быть ихъ спасетъ еще кружка, — не знаю...

Это — тайна, любимая моя.

Двинскъ. 31—VII 1919 г.

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Четверть вѣка въ литературномъ строю Статья В. Бутлера	3
Міръ Любви	9
Вампиръ древняго собора .	16
Талый снѣгъ . . .	30
Весенній сонъ	34
Гіацинтъ отъ Гроба Господня .	41
Смерть о. Василія .	46
Два апокрифа	51
Агасѳеръ	56
Дѣвочка въ розовомъ .	62
Клубни архидей . . .	69
Трагедія профессора Х. .	75
Партія въ кости . . .	82
Воплощенный призракъ .	88
Чертовщина на „Діанѣ“	95
Цѣпь мертвой . . .	104
Проклятіе капуцина .	110
14-ый жилецъ . .	117
Домъ на островѣ	147
Убійца 23-хъ несчастныхъ .	159
Кухня китайца . . .	167
Ночь ужаса	179
Какъ Папоротникъ лишился цвѣтка .	191